

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

4/2023

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

д. ю. н., доц. **О. И. Андреева** (Томск), д. ю. н., проф. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора), д. ю. н., проф. **О. В. Болтинова** (Москва), д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская** (Москва), д. ю. н., проф. **Т. С. Волчецкая** (Калининград), д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Е. Р. Ергашев** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина** (Саратов), д. ф. н. **О. А. Зигмунт** (Фехта), д. ю. н., проф. **И. А. Игнатьева** (Москва), д. ю. н., проф. **С. В. Кодан** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Н. В. Козлова** (Москва), к. ю. н. **Я. Койстинен** (Хельсинки), д. ю. н., проф. **В. В. Комарова** (Москва), к. ю. н., проф. **Т. В. Кондрашова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **П. И. Кононов** (Киров), д. ю. н., проф. **Э. А. Кочкарова** (Бишкек), д. ю. н., проф. **Е. В. Кудрявцева** (Москва), д. ю. н., проф. **П. У. Кузнецов** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **А. В. Лисаченко** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова** (Пермь), д. ф. н., проф. **И. П. Малинова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **С. Ю. Марочкин** (Тюмень), д. ю. н., доц. **М. В. Мещанова** (Минск), д. ю. н., проф. **С. П. Мороз** (Алматы), д. и. н., проф. **В. П. Мотревич** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **В. В. Никишин** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев** (Екатеринбург), проф. **П. Поликастро** (Щецин), д. ю. н., доц. **С. Б. Поляков** (Пермь), д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **С. В. Рыбакова** (Саратов), д. ю. н., проф. **Г. В. Сахнова** (Красноярск), д. ю. н., проф. **Е. В. Смахтин** (Тюмень), д. ю. н., проф. **А. И. Стахов** (Москва), д. ю. н., доц. **В. Л. Толстых** (Новосибирск), д. ю. н., проф. **А. Трунк** (Киль), д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова** (Санкт-Петербург), к. ю. н., проф. **С. Д. Хазанов** (Екатеринбург), проф. **Хуан Даосю** (Пекин), д. ю. н., проф. **В. М. Шафиров** (Красноярск), проф. **П. Шокин** (Лёвен)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. Fedorov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.)

O. Andreeva (doctor of legal sciences, assoc. prof., Tomsk), **Yu. Bezborodov** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **O. Boltinova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **E. Ergashev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **S. Golovina** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Huang Daoxiu** (prof., Beijing), **I. Ignatieva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **S. Khazanov** (cand. of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **E. Kochkarova** (doctor of legal sciences, prof., Bishkek), **S. Kodan** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Ja. Koistinen** (candidate of legal sciences, Helsinki), **I. Kozachenko** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **N. Kozlova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Kondrashova** (cand. of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **P. Kononov** (doctor of legal sciences, prof., Kirov), **V. Komarova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **E. Kudryavtseva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **P. Kuznetsov** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **A. Lisachenko** (cand. of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **T. Loginova** (cand. of legal sciences, assoc. prof., Perm), **I. Malinova** (doctor of philosophical sciences, prof., Yekaterinburg), **S. Marochkin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **M. Miashchanava** (doctor of legal sciences, assoc. prof., Minsk), **I. Moroz** (doctor of legal sciences, prof., Almaty), **V. Motrevitch** (doctor of historical sciences, prof., Yekaterinburg), **V. Nikishin** (doctor of legal sciences, prof., Saint Petersburg), **D. Osintsev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **P. Policastro** (prof., Szczecin), **S. Polyakov** (doctor of legal sciences, assoc. prof., Perm), **V. Popondopulo** (doctor of legal sciences, prof., Saint-Petersburg), **S. Rybakova** (doctor of legal sciences, prof.), **T. Sakhnova** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **O. Siegmunt** (doctor of philosophy, Vechta), **E. Smakhtin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **A. Stakhov** (doctor of legal sciences, assoc. prof., Moscow), **V. Tolstykh** (doctor of legal sciences, assoc. prof., Novosibirsk), **A. Trunk** (doctor of legal sciences, prof., Kiel), **M. Fedorova** (doctor of legal sciences, prof., Saint Petersburg), **V. Shafirov** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **P. Schoukens** (prof., Leuven), **L. Vasilevskaya** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Volchetskaya** (doctor of legal sciences, prof., Kaliningrad), **S. Zagaynova** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **T. Zametina** (doctor of legal sciences, prof., Saratov)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207

Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,

редакция «Российского юридического журнала».

Тел./факс (343) 375-54-20.

E-mail: rzh@usla.ru.

electronic.rzh.org.

Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

- Архипов С. И. (Екатеринбург)* Система права: зарождение и развитие теории. Часть 1. Представления о системе права в немецкой исторической и реалистической школах права и в российской дореволюционной юридической науке 5

ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ И ПОЛИТОЛОГИЯ

- Гончаров В. В. (Таганрог)* Общественный контроль как инструмент гражданского общества по обеспечению народного суверенитета 19
- Лаптёнок В. О. (Москва)* Ключевые детерминирующие факторы реализации Европейским союзом внешних компетенций 27

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Павлова М. А. (Екатеринбург)* Эволюция конституционного регулирования принципа социальной справедливости в России в контексте федерализма и социальной дифференциации 41

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

- Голубитченко М. А. (Саратов)* Особенности финансово-правового регулирования деятельности государственных внебюджетных фондов в цифровую эпоху: проблемы и перспективы 52

ТРУДОВОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО

- Федорова М. Ю. (Екатеринбург)* Датирование в темпоральных нормах законодательства о социальной защите 62

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Золотухина Н. М, Власова Т. В. (Москва)* Политический идеал (форма правления) в «Слове» и «Послании» («Молении») Даниила Заточника 71

СТУДЕНЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

- Зуев Р. О., Надин А. Н. (Москва)* К вопросу об организации публичной власти на федеральных территориях в Российской Федерации 89

ХРОНИКА

- Боровкова М. В., Таюрская С. Н. (Екатеринбург)* Профессионально ориентированный перевод: проблемы, инновации, традиции: обзор круглого стола 96

ВАША БИБЛИОТЕКА

- Рец. на кн.: *Диваев А. Б., Смирнов А. Н.* Прокурорский надзор: основы прокурорско-надзорной деятельности в России. – Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2022. – 135 с. 106

CONTENTS

THEORY OF LAW AND STATE

- Arkhipov S. (Yekaterinburg)* The system of law: the origin and development of theory. Part 1. Ideas about the system of law in the German historical and realistic schools of law and in the Russian pre-revolutionary legal science 5

PUBLIC ISSUES AND POLITICAL SCIENCE

- Goncharov V. (Taganrog)* Public control as an instrument of civil society to ensure national sovereignty 19
- Laptsenak V. (Moscow)* European Union external competences practice key determinants 27

CONSTITUTIONAL LAW AND PROCEDURE

- Pavlova M. (Yekaterinburg)* The evolution of constitutional regulation of the principle of social justice in Russia in the context of federalism and social differentiation 41

ECONOMICS AND LAW

- Golubitchenko M. (Saratov)* Features of financial and legal regulation of the activities of state extra-budgetary funds in the digital age: problems and prospects 52

LABOUR AND SOCIAL LAW

- Fedorova M. (Yekaterinburg)* Dating in temporal norms of legislation on social protection 62

PAGES OF HISTORY

- Zolotukhina N., Vlasova T. (Moscow)* The political ideal (form of government) in the «Word» and «Message» («Prayer») of Daniil Zatochnik 71

STUDENTS' BULLETIN

- Zuev R., Nadin A. (Moscow)* On the issue of the organization of public authority in the federal territories in the Russian Federation 89

CHRONICLE

- Borovkova M., Tayurskaya S. (Yekaterinburg)* Professionally oriented translation: problems, innovations, traditions: reviewing the round table discussion 96

LIBRARY

- Book review: *Divaev A. B., Smirnov A. N.* Prosecutor's supervision: the basics of prosecutorial and supervisory activities in Russia. – Novokuznetsk: FKOU VO Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022. – 135 p. 106

СИСТЕМА ПРАВА: ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ

Часть 1. Представления о системе права в немецкой исторической и реалистической школах права и в российской дореволюционной юридической науке

Архипов Сергей Иванович

Профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), приглашенный профессор Университета «Париж-Нантер» (Париж, Франция), доктор юридических наук, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

В первой части статьи исследуются представления о системе права, сформировавшиеся в рамках немецкой исторической и реалистической школы права, а также в российской дореволюционной юридической науке. В результате анализа трудов немецких юристов автор приходит к выводу о том, что в 40–70-е гг. XIX в. в немецкой юридической науке был заложен фундамент теории системы права, определены основные проекции ее исследования: анатомическое строение (внутреннее устройство права, его элементы и связи между ними); происхождение (генетические связи, определяющие развитие системы и ее элементов); функциональные связи (правовая «физиология»). Кроме того, установлено значение «духа права», правового сознания народа, общих принципов, правовых понятий, логических конструкций для формирования права как интеллектуальной системы, логической и культурной целостности. Также намечены подходы к определению соотношения национального и всеобщего начал в праве, роли юридической доктрины, профессионального сословия юристов при создании национальных систем права и международного права. В российской дореволюционной юридической литературе идея системы права получила дальнейшее развитие. В трудах Н. М. Коркунова, Л. И. Петражицкого, Н. Н. Алексеева, С. А. Муромцева, других известных российских правоведов представления о системе права, сформировавшиеся в рамках западной правовой культуры, были творчески переосмыслены, созданы совершенно новые, оригинальные концепции внутреннего строения права.

Ключевые слова: система права, структура права, правовая материя, отрасли права, юридические институты

Для цитирования: Архипов С. И. Система права: зарождение и развитие теории. Часть 1. Представления о системе права в немецкой исторической и реалистической школах права и в российской дореволюционной юридической науке // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 4. С. 5–18. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_5.

THE LEGAL SYSTEM: ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE THEORY

Part 1. Ideas about the system of law in the German historical and realistic schools of law and in the Russian pre-revolutionary legal science

Arkhipov Sergey

Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), visiting professor, Paris Nanterre (Paris, France), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

The first part of the article examines the ideas about the system of law formed within the framework of the German historical and realistic schools of law, as well as in the Russian pre-revolutionary legal science. As a result of the analysis of the works of German lawyers the author comes to the conclusion that in the forties and seventies of the XIX c. in German legal science the initial foundation of the theory of the legal system was laid, the main projections of its research were determined: the anatomical structure (the internal structure of law, its elements and the connections between them); origin (genetic connections that determine the development of the system and its elements); functional connections (legal «physiology»). In addition the importance of the «spirit of law», legal consciousness of the people, general principles, legal concepts, logical constructions for the formation of law as an intellectual system, logical and cultural integrity is established. Approaches to determine the correlation of national and universal principles in law, the role of legal doctrine, the professional class of lawyers in the creation of national systems of law and international law are outlined. In the Russian pre-revolutionary legal literature the idea of the legal system was further developed. In the works of N. M. Korkunov, L. I. Petrazhitsky, N. N. Alekseev, S. A. Muromtsev and other well-known Russian jurists the ideas about the legal system formed within the framework of Western legal culture were creatively rethought, completely new, original concepts of the internal structure of law were created.

Key words: system of law, structure of law, legal matter, branches of law, legal institutions

*For citation: Arkhipov S. (2023) The system of law: the origin and development of theory. Part 1. Ideas about the system of law in the German historical and realistic schools of law and in the Russian pre-revolutionary legal science. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 5–18, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_5.*

Представления о праве как единой, целостной системе формировались в юридической науке на протяжении нескольких столетий. Наиболее весомый вклад в создание основ теории системы права, на наш взгляд, внесли представители двух известных немецких научных школ в правоведении: исторической и реалистической. Ряд интересных идей по поводу строения права были высказаны основателем исторической школы права Ф. К. Савиньи. По его убеждению, непосредственной обителью права является общественное сознание: «Право, как и язык, живет в сознании народа»¹. Для изучения права как целостности, «великого единства» он предлагал использовать систематический метод. Суть его заключается в познании и изложении внутренней связи или родства, благодаря которому отдельные элементы объединяются в систему. При этом установление родства, которое имеет решающее значение в системе права, по его собственному признанию, зависит от исследователя правовой материи, его субъективной оценки².

Позитивное право согласно концепции Ф. К. Савиньи является народным правом, поскольку народ – это тот субъект, в котором и для которого оно существует. Не отдельные индивиды создают право, а единый «народный дух, совокупно живущий и действующий во всех отдельных людях»³. Следовательно, системное единство права обеспечивается не навязанной народу извне политической волей, не факторами технического характера (инкорпорациями, созданием сводов законов, сборников актов), а внутренним правовым сознанием народа, его общими представлениями. Право живет в сознании народа прежде всего в виде органической связи его институтов, в форме общих смыслов, идей и убеждений. Сохранение народного правового духа, единства права обеспечивается посредством традиции, преемственности при смене поколений.

Как полагал Ф. К. Савиньи, «телесной» формой духовной общности народа является *Государство*, с появлением которого одновременно задаются четко определенные границы единства⁴. Право, создаваемое государством, в его представлении высту-

¹ Савиньи Ф. К. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции // Савиньи Ф. К. Система современного римского права: в 8 т. М.: Статут, 2011. Т. 1. С. 132.

² Савиньи Ф. К. Система современного римского права. Т. 1. С. 267–268.

³ Там же. С. 282.

⁴ Там же. С. 286.

пает частью народного права, органическим его проявлением. Другая часть народного права – обычное право, обе части имеют одинаковую природу, они пронизаны единым «народным духом». Тезис, на наш взгляд, весьма спорный. Если на раннем этапе своего развития, в античный период, государство представляло собой в той или иной мере «народное достояние», то уже в период позднего Средневековья оно окончательно обособилось от «народного тела», что нашло отражение в теории государственного суверенитета. «Дух государства» затмил «дух народа», современные государства руководствуются в своей законодательной деятельности главным образом практической выгодой, а не идеей эфемерного «народного духа». Яркое тому подтверждение – заимствование германскими законодателями чужеродного римского частного права. Они легко переступили через дух и традиции своего народа, когда им это оказалось полезным, выгодным с практической точки зрения.

Сам Ф. К. Савиньи отстаивал необходимость рецепции римского частного права для правового быта германских народов, для их социально-правового прогресса. Таким образом, тезис автора «Системы современного римского права» о государственном праве как части, органическом элементе народного права представляется малоубедительным. Их правовое родство (лежащее в основе заявленного им систематического метода), по крайней мере, на позднем этапе их исторического развития, вызывает сомнение.

Закон, который устанавливается государственной властью, рассматривался немецким правоведом как «орган народного права»¹, его роль должна заключаться в дополнительной помощи и поддержке дальнейшего развития позитивного (народного) права. Ф. К. Савиньи исходил из принципа равноценности законодательного правотворчества и «чистого» правотворчества народа (обычай), однако он не уточнял, как практически обеспечить их паритет в рамках единой системы современного германского права.

В качестве отдельной части народного права в концепции немецкого юриста предлагалось выделить «научное право» (или «право юристов»). По примеру Древнего Рима нынешнее сословие знатоков права должно, по его убеждению, воплощать в современном праве дух народа, служить «искусству добра и справедливости». Профессиональному сообществу юристов должна отойти большая часть правотворческой деятельности народа, кроме того, наряду с собственно правотворческой деятельностью знатоки права призваны осуществлять чисто научную и просветительскую деятельность.

Еще одним самостоятельным элементом права как целостной системы, по замыслу Ф. К. Савиньи, является право народов. Он полагал, что духовная основа права народов аналогична той, на которой зиждется позитивное право одного народа. Между различными народами может возникнуть общность правового сознания, в качестве духовных скреп он называл племенное родство и общие религиозные убеждения². По сути, это идея расширения народного права за границы «народного тела», но она, на наш взгляд, не совсем соответствует его исходным представлениям о собственном «правовом духе» каждого народа. Идея национального правового духа скорее разделяет, чем сближает народы, она не вполне пригодна для формирования права народов.

Кроме того, следуя в русле римской традиции, немецкий правовед разделял право на частное и публичное (наряду с государственным правом). Однако в отношении церковного права он предлагал сделать исключение: не подчинять его государственной власти (как было принято в Древнем Риме), а рассматривать данную сферу права как самостоятельную, не относящуюся ни к частному, ни к публичному праву.

Что касается конкретной правовой материи, то Ф. К. Савиньи не ограничивался лишь анализом «народного духа», правового сознания народа. Право в объективном смысле, по его мнению, проявляется в видимой форме закона и устанавливаемой им правовой нормой, которая «господствует» над отдельным судебным решением. В свою очередь правовой институт как органическая целостность «господствует» над входящими в его состав элементами – правовыми нормами. Наряду с объективным

¹ Савиньи Ф. К. Система современного римского права. Т. 1. С. 296.

² Там же. С. 292.

правом им признавалось также право в субъективном смысле – правомочие. Отдельные правомочия представляют собой только особую сторону единого правового отношения, которое, как и правовой институт, имеет органическую природу¹, является живой клеточкой права.

Подытоживая, можно признать справедливым утверждение П. И. Новгородцева о внутренней противоречивости системы представлений Ф. К. Савиньи, о том, что его главная цель – найти моральное оправдание для исторического права – не была достигнута, им также не было проведено четкого разграничения между правосознанием и формально-юридическими нормами, т. е. правом, которое объективировано в законе². Тем не менее основные идеи немецкого правоведа о сущности права, его системе вызвали большой резонанс в научной среде, как в Германии, так и за ее пределами, стали основой формирования соответствующего направления в юридической науке.

В трудах другого представителя исторической школы права Г. Ф. Пухты понятие системы права получило дальнейшее развитие. Он отмечал, что наука права имеет две стороны: систематическую и историческую. Юридическое исследование не должно ограничиваться лишь одной из них. Систематическое познание права есть исследование внутренней связи, объединяющей отдельные части, элементы в правовое целое. Каждый из этих элементов не является самодостаточным, его следует рассматривать как принадлежность, часть целого, а целое – как тело, состоящее из органов, необходимых для его существования. Он сравнивал право с живым организмом, в котором, с одной стороны, имеет место разнообразие элементов, друг друга пред-полагающих и обуславливающих, с другой стороны, присутствует преемственность, проявляющаяся в последовательности развития целого и его частей³.

Историческое исследование права, как полагал Г. Ф. Пухта, можно понимать в узком и широком смысле. Юристы обычно изучают право отдельного народа, его историю изолированно от других народов, т. е. их понимание целостной системы ограничивается только национальным правом. Философия права исследует правовую историю отдельных народов как момент общей правовой истории человечества. Для системного анализа права юристам важно совмещать эти две проекции: изучать общие закономерности развития права и особенности права того или иного народа.

Систематическое познание, чтобы соответствовать критерию полноты, по мнению Г. Ф. Пухты, должно охватывать все части права. Но это лишь внешняя полнота, с внутренней стороны полнота исследования права как целостной системы означает познание его собственной природы, «идеи права», его принципов, усвоение родства юридических положений, понимание сути и последовательности (этапов) процесса происхождения каждого правового понятия (он именовал данный процесс «генеалогией понятий», рассматривал понятие как «живое существо»⁴, обособившееся от своего создателя, имеющее собственную жизненную силу). Принципы права имеют большое значение для формирования системы права, ее отдельных институтов: «Отцом юридических институтов можно назвать принцип права, мать – содержание, разнообразие людей и вещей; в этом последнем моменте лежит сторона необходимости в образованиях права, ее разум, свойство права как системы»⁵.

В системе права немецкий правовед выделял две отдельные подсистемы: систему юридических отношений и систему прав. Юридические отношения он рассматривал как отношения людей друг к другу. При этом человек в праве им понимался как субъект воли, следовательно, юридические отношения не есть фактические, а «только комбинации прав»⁶. Под правом субъективным Г. Ф. Пухта понимал общую волю, даю-

¹ Ф. К. Савиньи определял правоотношение как отношение между лицом и лицом, которое устанавливается правовой нормой; «в каждом правоотношении можно выделить две части: во-первых, материю, т. е. отношение само по себе, и, во-вторых, юридическое определение этой материи» (Савиньи Ф. К. Система современного римского права. Т. 1. С. 457). Сущность правового отношения он видел не во взаимодействии сторон, а в независимом господстве индивидуальной воли.

² Новгородцев П. И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба: Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. М.: Унив. тип., 1896. С. 98–99.

³ Пухта Г. Ф. Энциклопедия права. Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1872. С. 91–92.

⁴ Там же. С. 93.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 49.

щую лицу власть над предметом; права он подразделял, во-первых, на частные, публичные и церковные; во-вторых, права на вещи, на действия, на лица. Система прав берет свое начало из системы юридических отношений, обусловлена ею.

Представления о системе права получили новый импульс развития в рамках реалистической школы права. Наиболее заметный вклад в создание основ данной теории внес известный немецкий правовед Рудольф Иеринг. В понятии система права, по его мнению, отображается анатомическое строение права¹. Он, как и Г. Ф. Пухта, рассматривал внутреннее строение права по аналогии с живым организмом. В качестве частей, составляющих «правовой организм», он выделял: правовые положения, правовые понятия и правовые институты.

Внешнюю, наиболее заметную для взгляда исследователя часть права представляют правовые положения, они есть «вершина правового айсберга», то, что зримо и словесно выражено в форме долженствования, прежде всего в законе. Однако даже в этой части права есть свои невидимые элементы – скрытые, латентные правовые положения². Они становятся «осязаемыми» лишь посредством интеллектуальных усилий юристов, профессионального анализа учеными и судьями юридических текстов, интерпретации ими воли законодателя, применения в необходимых случаях приема аналогии, результатом которого выступает дальнейшее образование права.

Другая систематическая единица, элемент анатомического строения права, по Р. Иерингу, – правовые понятия. Они есть результат научного осмысления, мыслительной обработки правового материала, интеллектуальной «перегонки правовых положений». Правовые понятия, возникающие в процессе анализа правовых положений, не являются простыми мыслительными проекциями, отражениями последних; они – логический экстракт, продукт анатомического разложения и синтеза правовых положений. Понятия производительны: «В одном верно схваченном *понятии* заключается, быть может, практическое содержание десяти правовых положений»³. Таким образом, понятия в концепции немецкого ученого образуют второй уровень, более глубокий слой системы права – ее логическую подсистему.

И, наконец, самая большая единица, крупнейший элемент правового организма – правовой институт. Правовые институты образуют третий уровень в анатомическом строении права – его скелет. Это высшее состояние соединения, синтеза правовых элементов⁴, в которых отражается не только внутренняя логика права, его сущность, но и национальные особенности, характерные черты, свойственные праву того или иного народа. Каждому праву соответствует своя система, свой собственный правовой скелет правовых институтов, свои правовые понятия и положения.

Заметим, что в систему права Р. Иеринга вошли не только «правовые тела», созданные законодателем (правовые положения), но и результаты мыслительной переработки правового материала, логические конструкции, другие интеллектуальные плоды юридической науки. В его анатомической картине позитивное право сплелось с юридической доктриной, нормативные требования законодателя – с логическими построениями «жрецов права».

В концепции немецкого правововеда можно выделить и другие ценные идеи, имеющие значение для построения теории системы права. По его мнению, «в общем организме права действуют известные силы, которые определяют дух (в понимании роли „духа права“ взгляды Р. Иеринга частично смыкаются с взглядами Ф. К. Савиньи. – С. А.), склад и направление отдельных институтов... Только в этих направляющих силах и обнаруживается надлежащим образом единство и индивидуальность организ-

¹ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб.: Тип. В. Безобразова и К., 1875. Ч. 1. С. 21, 47. О значении анатомического разделения права, создания юристами конструкции системы права см: Иеринг Р. Юридическая техника / пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. СПб.: Тип. А. Г. Розена (А. Е. Ландау), 1905. С. 96–105.

² Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. С. 25.

³ Там же. С. 32.

⁴ Р. Иеринг полагал, что правовой институт «является не простым сборищем отдельных правоположений, касающихся одного и того же отношения, а чем-то существенно отличным от него. Положения права – материя, масса мыслей, они имеют лишь материальное существование, институты же права представляют собою существа, логические индивидуальности, юридические тела» (Иеринг Р. Юридическая техника. С. 66).

ма; если бы их не существовало, право было бы лишь сбором отдельных институтов»¹. Этот «дух права», «психический момент» не является частью, еще одним элементом анатомического строения правового организма, он не материален. Но его нематериальность не означает недейственность, он оказывает воздействие на все право, все его части, определяет качество, характерные черты правовых институтов, влияет на образование практических положений права.

Наряду с анатомическим строением права Р. Иеринг предлагал рассматривать право физиологически, т. е. с точки зрения осуществляемых правовым организмом функций. В познании функций права он видел ключ к истинному пониманию правовой анатомии, поскольку «цель органов лежит в их функциях»². Практическая пригодность всех элементов системы права имеет первоочередное значение, в этом смысле логическое построение права независимо от степени его совершенства является, по его убеждению, лишь второстепенным делом, служебным элементом – продуктом цели. Поскольку функция права имеет определяющее значение, то «мертвое» право – это не право, напротив, то, что осуществляет правовую функцию, даже будучи непризнанным, есть право. Однако если строго придерживаться данной позиции, то следует, на наш взгляд, согласиться с главным оппонентом Р. Иеринга – Г. Ф. Пухтой – в том, что внутренним элементом действующего права должно быть правовое отношение, в котором прежде всего заключена жизнь права.

Применительно к формированию системы права можно также отметить выдвинутую немецким юристом идею совмещения двух начал в праве: всеобщности и национальности. Р. Иеринг полагал, что до тех пор, пока наука не решится оба принципа рассматривать в качестве равноправных, она не будет в состоянии понять и рационально преобразовывать правовой мир. Для познания отдельного права, его устройства кроме национальных особенностей нужен более общий масштаб – учение о природе и форме права вообще³. По сути, данный тезис предполагает решение юридической наукой сложнейшей двуединой задачи: конструирования в качестве эталона идеальной модели анатомического строения права безотносительно к любым национальным особенностям (права вообще) и создания системы собственного национального права.

Таким образом, уже в 40–70-е гг. XIX в. в немецкой юридической науке благодаря усилиям представителей двух известных научных школ был заложен фундамент теории системы права, определены основные проекции ее исследования: анатомическое строение (внутреннее устройство права, его элементы и связи между ними); происхождение (генетические связи, определяющие развитие системы и ее элементов); функциональные связи (правовая «физиология»). Кроме того, установлено значение «духа права», правового сознания народа, общих принципов, правовых понятий, логических конструкций для формирования права как интеллектуальной системы, логической и культурной целостности. Также намечены подходы к определению соотношения национального и всеобщего начал в праве, роли юридической доктрины, профессионального сословия юристов при создании национальных систем права и международного права (права народов).

В российской дореволюционной юридической науке первые исследования по системе права появились во второй половине XIX в. Поскольку многие отечественные правоведы обучались в германских университетах, то заметное влияние на них оказали труды немецких юристов, в частности представителей двух вышеназванных школ. При этом следует отметить в целом критическое восприятие их идей российскими учеными, их стремление внести собственный вклад в построение теории системы права.

Так, свою версию внутреннего устройства права как целостной системы юридических норм предложил Н. М. Коркунов. По его мнению, система положительного права (правовых норм) является результатом жизненного, многовекового опыта различных поколений людей, продуктом их коллективного сознания, их культурным достоянием⁴. В каждом государстве действует своя, присущая только ему, система права со

¹ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. С. 37.

² Там же. С. 41.

³ Там же. С. 10, 19.

⁴ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. 9-е изд. СПб.: Изд-во Н. К. Мартынова, 1886. С. 282.

всеми ее особенностями, характерными чертами, отличиями от других «правосистем» (термин Н. М. Коркунова). Право как система норм «есть продукт сознания людей, соединившихся в общении... обнимает лишь тех людей и те стороны человеческих интересов, стремлений, какие составляют содержание общения»; само право порождается человеческим общением, оно (право) «полагается в каждом отдельном общении самим же общением, как норма взаимных отношений его участников»¹. По сути, предложенное Н. М. Коркуновым понимание права и его системы можно определить, говоря современным языком, как коммуникативное², но с некоторыми оговорками.

На наш взгляд, в концепции Н. М. Коркунова заключено внутреннее противоречие: с одной стороны, он утверждал, что бытие права выражается в существовании не только юридических норм, но и юридических отношений (для него это две стороны права как единого целого: объективная и субъективная)³, с другой стороны, в систему права российский правовед включал только юридические нормы, в ней не нашлось места правовым отношениям как отдельной подсистеме. Исходя из его понимания права как формы социального общения, логично было бы включить в систему права наряду с юридическими нормами также правовые отношения как настоящую, «живую» реальность социально-правового общения людей.

К числу источников права Н. М. Коркунов относил обычай, судебную практику и закон. Обычное право он рассматривал в качестве первоначальной формы положительного права, при этом подверг критике господствующую в тот период позицию Г. Ф. Пухты, согласно которой юридический обычай отличается от простого обыкновения тем, что является внешним и притом сознательным выражением уже существующей в народном правовом сознании нормы. Н. М. Коркунов же утверждал, что юридический обычай возникает только тогда, когда у людей происходит осознание обязательности его соблюдения⁴. Отдельным источником права он называл судебную практику, которая занимает «среднее место» между обычаем и законом, сводит нормативный материал к одному логическому целому, стремится к научному осмыслению права. Третий источник – законодательство в широком смысле (законы, указы), т. е. акты государственной власти. Что касается «научного права» («права юристов»), то российский правовед отвергал его в качестве самостоятельного технико-юридического источника права.

Кроме нормы как первичного элемента системы права Н. М. Коркунов также выделял правовые институты (представляющие собой, по его мнению, отвлечение, абстракцию юридической формы от конкретного фактического содержания отношений: «Юридический институт служит как бы общим типом для всех отношений известного рода»⁵) и отрасли права. Он, как и многие другие представители российской дореволюционной юридической науки, отстаивал идею сохранения классического римского деления права на частное и публичное, при этом предлагал собственный критерий их разграничения – по объекту пользования (если объект можно поделить между заинтересованными лицами, то речь идет о сфере частного права, если же объект неделимый, т. е. в отношении него возможно только общее пользование, – это сфера публичного права). Кроме того, можно отметить, что при анализе источников права Н. М. Коркунов одним из первых в российской юридической литературе выделил *отрасли законодательства*⁶.

Весьма оригинальная концепция внутреннего устройства права была разработана в конце XIX – начале XX в. профессором Л. И. Петражицким. Сформировавшимся на тот период в российской юридической литературе (главным образом благодаря трудам Н. М. Коркунова) представлениям о системе права⁷ он противопоставил соб-

¹ Коркунов Н. М. Указ. соч. С. 284–285.

² В данном случае коммуникация понимается в широком смысле – как общение, взаимодействие людей, осуществляемое с помощью специальных юридических средств.

³ Коркунов Н. М. Указ. соч. С. 120.

⁴ Там же. С. 298.

⁵ Там же. С. 144.

⁶ Там же. С. 334.

⁷ Л. И. Петражицкий дает следующее определение понятия системы права, которое, по его мнению, на тот момент сформировалось в российской (дореволюционной) юридической науке: «Совокупность институтов, относящаяся к известной обширной области отношений или обнимающая все (официальное) право данного народа или (позитивное) международное право, называется системой соответственного

ственную версию строения правовой сферы. Исходя из той предпосылки, что право следует искать не во внешнем, материальном мире, а в области психических явлений, особых атрибутивно-императивных переживаний, он в качестве элементов, на которые разлагается и к которым сводится весь правовой уклад, выделял: 1) нормы права, 2) правоотношения, 3) права, 4) обязанности, 5) субъекты, 6) объекты прав¹. Правовые нормы, по убеждению автора психологической теории, – это не внешние правила, установленные органами государственной власти, а эмоциональные проекции человеческого сознания, интеллектуальные переживания людей, в которых сочетаются внутренние психические притязания и восприятие долга, обязанности совершить что-либо (обязательно-притязательные или императивно-атрибутивные нормы)². Он призывал разграничивать законодательные положения и нормы права; акты законодателя сами по себе не содержат нормы права, они, будучи осмысленными индивидами, представляют собой *нормативные факты*, на основе которых возникают императивно-атрибутивные нормы права.

Л. И. Петражицкий выступал против того, чтобы объективное и субъективное право рассматривать как качественно разнородные явления, чтобы субъективное право, исходя из особенностей его содержания, исключать из системы права. Действительно, в литературе дореволюционной, да и современной, с одной стороны, объективное и субъективное право относятся к общему правовому миру, с другой стороны, позитивистское правовое сознание в систему права включает лишь нормы права, так называемое объективное право. Субъективное право «играет роль логически ненормального привеска к „объективному праву“, чего-то вроде второй разновидности неизвестного или несуществующего рода»³. Поскольку у него другой субстрат, иная правовая материя, то ему нет места в системе права. Таким образом, позитивистская концепция системы права является внутренне противоречивой, непоследовательной: либо надо «изгнать» субъективное право из правовой сферы, либо найти ему место в системе права.

Осознавая эту внутреннюю противоречивость существовавших в тот период представлений о системе права, ахиллесову пяту позитивистского подхода к пониманию внутреннего устройства правовой сферы, Л. И. Петражицкий противопоставил ему идею однородного субстрата, единой материи всех элементов, составляющих правовую сферу. По его мнению, нормы права, правоотношения, субъективные права, обязанности, а также субъекты, объекты прав и нормативные факты есть части, элементы одной – психической – материи. Права и обязанности согласно его теории есть эмоциональные проекции, возникающие в психике человека. Субъекты права – это также не нечто телесное, физическое, а представления, существующие в сознании. Субъектами права могут быть не только проекции людей, но и божества, покойники, животные, куклы, реки, горы, звезды, камни, деревья и т. д. Соответственно, правовые объекты (объекты прав и обязанностей) также есть представления людей: объекты прав – представления объектов атрибутива, объекты обязанностей – представления объектов императива⁴.

Если сопоставить представления автора психологической теории права с традиционными позитивистскими взглядами, то границы его правового мира значительно шире тех, которые «установлены» сторонниками традиционного подхода. Субъективные и объектные представления, которые может генерировать человеческая психика, простираются далеко за земную орбиту, у них космический масштаб, поскольку в качестве мыслимых субъектов и объектов прав, обязанностей способны выступать любые мыслящие существа, объекты дальнего и ближнего космоса, вся Вселенная. Согласно позитивистскому подходу предметом права являются внешние отношения, объективированная в актах поведения воля субъектов; человеческие мысли, фантаз-

права» (Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1910. С. 322).

¹ Петражицкий Л. И. Очерки философии права. Вып. 1: Основы психологической теории права. Обзор и критика современных воззрений на существо права. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1900. С. 9–18.

² См.: Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб.: Тип. Т-ва «Екатерингофское печатное дело», 1909. С. 58–59.

³ Там же. С. 86.

⁴ Там же. Т. 2. С. 442.

мы, проекции сознания не входят в сферу права, не регулируются им. В систему же права Л. И. Петражицкого, напротив, входят психические явления, атрибутивно-императивные эмоции, переживания. Следовательно, у представителей этих воззрений на право принципиально различное понимание предмета права, его материи, состава элементов, внутреннего устройства правовой сферы.

Различие в подходах обуславливает несхожесть классификаций правовых явлений, их разделения на отдельные группы, виды, подвиды. Психологическая природа права, по мнению Л. И. Петражицкого, предполагает существование не только рационального, «разумного» права, но и неразумных, патологических представлений (правовой бред душевнобольных лиц), разного рода суеверий («суеверное право»), а также «детского права», «любовного права», различных видов маргинальных прав, не соответствующих официальным законодательным требованиям («дуэльное право», «право преступных сообществ» и др.).

Автор психологической теории права в качестве одного из главных, «верховных» делений права на виды предлагал различие интуитивного и позитивного права. Критерий их разграничения – наличие или отсутствие в соответствующих атрибутивно-императивных переживаниях привязки (ссылки) к нормативному факту¹. Если такая привязка есть, то данное переживание следует отнести к позитивному праву, если она отсутствует – к интуитивному праву. Интуитивное право имеет индивидуальный характер, определяется конкретными жизненными обстоятельствами, а также эмоциональным настроением лица и не зависит от законодательных предписаний или существующих обычаев, судебных решений. С позиции Л. И. Петражицкого, интуитивное право есть справедливость, понимаемая как субъективное этическое переживание долга.

Позитивное право, напротив, имеет связь с законами, обычаями, судебными решениями, иными внешними источниками, авторитетными мнениями. Аtribuтивно-императивные переживания вызываются ими, но не прямо, а опосредованно – через нормативные факты. Российский правовед выделял следующие разновидности позитивного права: законное право, обычное право, судебное право, книжное право, право принятых в науке мнений, право учений отдельных юристов или их групп, право юридической экспертизы, право изречений религиозно-этических авторитетов (основателей религий, пророков, апостолов, святых и т. д.), договорное право, право односторонних обещаний и др.

Другим высшим делением права на виды («делением будущего» науки) Л. И. Петражицкий считал деление права на официальное и неофициальное. К первому виду он относил право, которое подлежит применению и защите со стороны государственной власти (при этом он исходил из идеи ее социального служения гражданам, их правам). Ко второму виду (неофициальное право) российский правовед относил право, которое лишено такой защиты государства, не применяется им. Он полагал, что официальное право имеет приоритет по отношению к неофициальному, является правом «высшего сорта» по сравнению с ним².

Что касается деления права на частное и публичное, то оно, по его мнению, в существующем виде с теоретической точки зрения *несостоятельно* и покоится на недоразумениях, но и в надлежащем, видоизмененном виде для теории права оно не будет иметь существенного, верховного значения. В качестве причин, по которым данная классификация еще сохраняется, не отвергнута юридической наукой, Л. И. Петражицкий называл: 1) невыясненность природы права; 2) отсутствие надлежащей классификации наук вообще и юридических в частности; 3) гипертрофию догмати-

¹ Л. И. Петражицкий отмечал, что под нормативными фактами (источниками позитивного права) «следует разуметь не внешние, объективные события, как таковые, а содержания соответственных представлений, представляемые факты, независимо от их действительного бытия» (Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 2. С. 521). Значит, нормативные факты – это не сами законы, обычаи, судебные решения, а их проекции в сознании индивида (субъективные представления о них). Однако, на наш взгляд, эту идею разграничения закона, обычая, судебного решения и нормативного факта он проводил в своей теории не всегда последовательно, нередко отождествляя закон (обычай, судебный акт) и нормативный факт (см., например, с. 533).

² Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. С. 221.

ки¹. Исходя из интеллектуального состава правовых переживаний лиц (их объектных представлений), он предлагал делить право на: а) социально-служебное или право централизации (в основе которого лежит альтруизм, забота об общем благе); б) лично свободное или право децентрализации (основанное на эгоизме, личном интересе). Таким образом, первоначально отвергнутое им деление права на частное и публичное получило в его работе психологическое обоснование, он подвел под него новый теоретический фундамент.

Интересные идеи о системе права, его внутреннем строении были высказаны Н. Н. Алексеевым. Основные его работы, посвященные праву, были опубликованы после 1917 г. (Введение в изучение права. М., 1918; Общее учение о праве. Симферополь, 1919; Основы философии права. Прага, 1924), но, поскольку значительная часть идей, содержащихся в них, сформировались еще в дореволюционный период, то их можно отнести к дореволюционной юридической науке.

Согласно представлениям Н. Н. Алексеева каждая положительная система права является единичной, неповторимой, она имеет свой собственный скелет, который состоит из интеллектуальной, умственной связи отдельных правовых положений². Существует система права действующего (позитивного), а также «может существовать и система права еще не действующего, но желательного и справедливого. Создание таковой системы есть своеобразная научная задача, не совпадающая ни с задачами объяснительного научного исследования, ни с задачами догматической юриспруденции»³. Эта система права должна быть логически стройной, разумной, соответствовать критериям справедливости, представлять собой цельную систему истин.

Рассуждая по поводу внутренней структуры права, российский правовед пришел к выводу о том, что право не сводимо к одному измерению (к совокупности норм или институту свободы, к особому социальному порядку и т. д.), феноменальная структура права представляет собой единство нескольких измерений.

Наиболее глубоким элементом структуры права является субъект, понимаемый не в традиционном для юридической теории смысле, а «как деятель, как носитель актов, обнаруживающих ценности, в частности, актов признания»⁴ (под признанием Н. Н. Алексеев понимал особое отношение к ценностям, интеллектуальное общение с ними). Существование правовых ценностей, их осуществление невозможно без такого деятеля, он является ключевым элементом структуры права. Субъект права объединяет в себе два начала: 1) деятельное, активное (субъект – лицо, которое осознает свои правовые интересы, обладает волей, совершает правовые акты); 2) признанная и охраняемая правопорядком ценность.

Вторым элементом структуры права, по концепции Н. Н. Алексеева, являются обнаруживающиеся в праве ценности⁵. Для него существование правовых ценностей – безусловное предположение, без них невозможно определение дозволенного и необходимого. Понятие ценности включает в себе идею совершенства, приближения к некоему идеальному состоянию, «соприкасаясь с ценностью, эмпирическое существование как бы утрачивает свое ничтожество, как бы выходит из пребывания в пределах бренности и выступает в область славы мира сего»⁶. Российский правовед отрицал наличие логической связи между идеей права и конкретной человеческой личностью, личность сама по себе не есть высшая ценность в праве, она может быть только носителем высших правовых ценностей.

¹ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 2. С. 649. Что касается заявленного им тезиса (с. 649), что деление на частное и публичное право даже в надлежащем, видоизмененном виде не будет иметь существенного, верховного значения, то можно отметить, что в другом параграфе (§ 59; с. 741) он уже признает за предложенной им модификацией данного деления (социально-служебное и лично свободное право) качество высшего деления права.

² Алексеев Н. Н. Общее учение о праве: курс лекций, прочитанных в Таврическом ун-те в 1918/1919 г. Симферополь: Тип. Е. К. Брешко-Брешковской, 1919. С. 6–7.

³ Там же. С. 17.

⁴ Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб.: Лань, 1999. С. 74. Подробнее о правовой теории Н. Н. Алексеева см.: Архипов С. И. Идея правового прогресса в трудах Н. Н. Алексеева // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 3. С. 5–14. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_3_5.

⁵ Алексеев Н. Н. Основы философии права. С. 74.

⁶ Там же. С. 101.

В качестве основной правовой ценности он признавал идею справедливости, которая заключается в том, чтобы воздавать всякому не в ущерб другому. В мире ценностей, полагал он, мы имеем дело с «объективным», иерархическим порядком, следовательно, в праве должна быть система соподчиненных ценностей, среди которых есть высшие ценности и низшие. Учитывая данный посыл автора, резонно было бы ожидать от него изложения его собственной версии пирамиды правовых ценностей, в которой заключена «логика предмета», однако вместо этого он предпочел заявить, что невозможно сформулировать закон справедливости для всех времен и народов, открыть формулу справедливости, поскольку «идеал общественной справедливости есть конкретное отношение реализованных ценностей. Процесс реализации во времени есть не идеальный, а чисто исторический процесс со своей особой исторической закономерностью. Он подчиняется не законам идеальной необходимости, но чисто опытным законам истории»¹. Таким образом, в его концепции произошел разрыв между «вечной» идеей права и порожденными отдельными историческими эпохами правовыми ценностями.

Третьим элементом правовой структуры, по концепции Н. Н. Алексеева, являются понятия правомочия и правообязанности, относимые им к основным определениям права. Они характеризуют специфическое правовое отношение ценностей: то, что дозволено (что можно «по праву»), является в правовом смысле ценным, оправданным; то, что должно сделать (правовая обязанность, долг), соответствует необходимости, правовому порядку, т. е. также имеет ценностное значение. Следовательно, правомочие и правовая обязанность заключают в себе не субъективную волю противостоящих друг другу субъектов права, а «нравственную необходимость ценностного порядка». Они есть элементы права как ценностной структуры.

Если в нравственных отношениях «posse» полностью сливается с «debere», что «можно» одновременно и «должно», то в правовом мире они существуют раздельно. В юридических отношениях «можно» и «должно» расщепляются на два самостоятельных элемента: правомочие и правообязанность. Однако их самостоятельность не означает отрыв друг от друга, они находятся в теснейшей взаимосвязи, корреспондируют друг другу: «Где нет правомочия, там нет и не может быть правообязанности... юридическими могут быть названы только такие обязанности, которым соответствуют некоторые правомочия»².

Такова в общем виде структура права с точки зрения Н. Н. Алексеева. По нашему мнению, в его представлениях о внутреннем строении права отсутствует главный элемент, стержень теоретической конструкции. Если право – это ценностная, иерархическая система, то автором данной концепции должна быть представлена иерархия правовых ценностей. Не культурно-исторических, обусловленных пространством и временем, национальными и иными особенностями, а всеобщих, заключающих в себе «разум предмета», «логику права». Без них «анатомическая» картина права, созданная российским правоведом, имеет незавершенный характер.

Интересная концепция внутреннего строения права была разработана известным отечественным ученым С. А. Муромцевым. При изучении правовой материи он исходил из той предпосылки, что задачей науки «не может быть отыскание системы норм, долженствующей руководить людьми... т. е. системы, более вечной и естественной, чем системы, существующие и существовавшие до сих пор»³. Он полагал, что юридическая наука должна служить жизни, исследовать правовую реальность, а не идеи, порождаемые сознанием людей. Современное же юридическое мышление находится под воздействием посторонних влияний, атаковано естественноправовыми идеалами. Столкновение идеалов с действительностью устраняет возможность двигаться по пути приспособления к обстоятельствам (как это, по его мнению, делали римские юристы), разрывает связь современных юристов с реальной жизнью.

С точки зрения С. А. Муромцева, право – это не идеалы добра и справедливости (естественное право) и не система норм, а совокупность юридических отношений⁴.

¹ *Алексеев Н. Н.* Основы философии права. С. 122. Н. Н. Алексеев не относил свободу и равенство к числу сверхличных ценностей, связывая их с человеческим эгоизмом, право, по его мнению, скорее призвано защитить порядок, иерархию, чем эгоистические устремления индивидов.

² *Алексеев Н. Н.* Основы философии права. С. 137–138.

³ *Муромцев С. А.* Определение и основное разделение права. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко., 1879. С. 8.

⁴ Там же. С. 48.

Юридическое отношение, исходя из его понимания, не следует отождествлять с правовым отношением: юридическое отношение является защищающим (обеспечивающим организованную защиту), правовое же отношение – защищаемое (юридически охраняемое). Организованная (юридическая) защита, которая не отождествлялась им с внешним принуждением, есть главное отличительное свойство права, его характерная черта.

Право в своей целостности, в единстве, по мнению С. А. Муромцева, представляет собой правовой порядок, т. е. совокупность прав (в смысле отношений). Правовой порядок включает в себя ряд правовых институтов (под правовым институтом он понимал совокупность многих однородных прав). Кроме правовых институтов в правовой порядок входят также отдельные, разрозненные и немногочисленные отношения, не сложившиеся в институты, «они представляют части правового порядка, зарождающиеся, вырождающиеся или случайно образовавшиеся и кратковременные»¹. Юридические нормы российский правовед не включал в систему правового порядка, они есть важный фактор его становления, исторического формирования, но не его элемент, не составная часть. Материя, субстанция правового порядка – только юридические отношения, обеспечивающие организованную защиту². Автор данной концепции относил себя к позитивистам, но не к тем, кто понимает право в традиционном смысле (как систему юридических норм), а к позитивистам особого рода, для которых реальное бытие права сводится к юридическим отношениям.

С. А. Муромцев признавал естественный характер деления права на частное и публичное, право в действительности, по его убеждению, делится на две указанные сферы, он отстаивал научную пригодность классической римской системы, полагая, что ее можно применить к делению юридических отношений. При этом он исходил из того, что «если все право есть порядок защиты, то различия в этом порядке суть единственные различия, которые должны лечь в основание его классификации»³, т. е. порядок защиты, с его точки зрения, есть главный критерий деления права на частное и публичное.

В дореволюционной российской юридической литературе были высказаны и иные точки зрения в отношении системы права, его внутреннего строения. Например, Г. Ф. Шершеневич под системой права понимал совокупность норм объективного права, составляющих единый правовой порядок, элементами которого являются частное и публичное право⁴. Е. Н. Трубецкой рассматривал систему права как совокупность нормативно-правовых институтов: «Совокупность институтов, составляющих вместе целый отдел объективного права или обнимающих право какой-либо общественной организации, например государства, называется *системой* права»⁵. Н. К. Ренненкампф полагал, что право представляет собой единую систему, которая находится в развитии, она не может быть законченной и постоянной⁶. Право, по его мнению, делится на части, отрасли и институты, в его состав входят три части: право частное (включает в себя право личное, имущественное, семейное, наследственное, а также отрасль торгового права), право публичное (включает в себя отрасли государственного права, финансового, уголовного, судебного, полицейского и церковного) и право межгосударственное (международное). Совокупность юридических норм, являющихся однородными с точки зрения их содержания и регулируемых отношений, представляет собой юридический институт⁷.

¹ Муромцев С. А. Указ. соч. С. 148.

² Что касается понимания правового порядка, его субстанции, то, с одной стороны, на с. 48 своей работы С. А. Муромцев определял право как «совокупность юридических отношений (правовой порядок)», но в других местах работы он дает повод усомниться в данном тезисе, в частности третий раздел он именовал: «Право, как защищенный порядок» (Муромцев С. А. Указ. соч. С. 159), но дело в том, что «защищенный порядок» и совокупность юридических, т. е. охраняющих, отношений – это не тождественные понятия. По сути, в «защищенном порядке» сливаются воедино юридическое (охраняющее) и фактическое (охраняемое) отношения.

³ Муромцев С. А. Указ. соч. С. 196.

⁴ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: в 4 вып. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1910. Вып. 3. С. 513–540.

⁵ Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1908. С. 83.

⁶ Ренненкампф Н. К. Юридическая энциклопедия. Киев: Т-во И. Н. Кушнерев и Ко., 1889. С. 211–213.

⁷ Там же. С. 49.

Таким образом, в российской дореволюционной юридической литературе представления о системе права, сформировавшиеся в рамках исторической и реалистической школ правоведения, получили дальнейшее творческое развитие. В трудах Н. М. Коркунова, Л. И. Петражицкого, Н. Н. Алексеева, С. А. Муромцева, других известных российских ученых идеи немецких юристов были критически переосмыслены, созданы совершенно новые, оригинальные концепции внутреннего строения права, разработаны принципиально иные подходы к пониманию системы права, что свидетельствует о высоком уровне развития дореволюционной науки, ее способности решать самые сложные теоретические и практические задачи.

Список литературы

Алексеев Н. Н. *Общее учение о праве: курс лекций, прочитанных в Таврическом ун-те в 1918/1919 г.* Симферополь: Тип. Е. К. Брешко-Брешковской, 1919. 162 с.

Алексеев Н. Н. *Основы философии права.* СПб.: Лань, 1999. 256 с.

Архипов С. И. *Идея правового прогресса в трудах Н. Н. Алексеева* // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 3. С. 5–14. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_3_5.

Иеринг Р. *Дух римского права на различных ступенях его развития.* СПб: Тип. В. Безобразова и К., 1875. Ч. 1. 309 с.

Иеринг Р. *Юридическая техника* / пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. СПб: Тип. А. Г. Розена (А. Е. Ландау), 1905. 106 с.

Коркунов Н. М. *Лекции по общей теории права.* 9-е изд. СПб.: Изд-во Н. К. Мартынова, 1886. 368 с.

Муромцев С. А. *Определение и основное разделение права.* М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко., 1879. 240 с.

Новгородцев П. И. *Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба: Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии.* М.: Унив. тип., 1896. 226 с.

Петражицкий Л. И. *Очерки философии права.* Вып. 1: Основы психологической теории права. Обзор и критика современных воззрений на существо права. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1900. 138 с.

Петражицкий Л. И. *Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 т.* 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. СПб.: Тип. Т-ва «Екатерингофское печатное дело», 1909. 318 с.; Т. 2. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1910. С. 319–758.

Пухта Г. Ф. *Энциклопедия права.* Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1872. 99 с.

Ренненкампф Н. К. *Юридическая энциклопедия.* Киев: Т-во И. Н. Кушнерев и Ко., 1889. 291 с.

Савиньи Ф. К. *О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции* // Савиньи Ф. К. *Система современного римского права: в 8 т.* М.: Статут, 2011. Т. 1. С. 128–207.

Савиньи Ф. К. *Система современного римского права* // Савиньи Ф. К. *Система современного римского права: в 8 т.* М.: Статут, 2011. Т. 1. С. 247–499.

Трубецкой Е. Н. *Лекции по энциклопедии права.* М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1908. 224 с.

Шершеневич Г. Ф. *Общая теория права: в 4 вып.* М.: Издание Бр. Башмаковых, 1910. Вып. 3. С. 513–698.

References

Alekseev N. N. (1919) *Obshchee uchenie o prave: kurs lektsii, pročitannykh v Tavricheskom un-te v 1918/1919 g.* [The general doctrine of law: a course of lectures delivered at the Tauride University in 1918/1919]. Simferopol', Tipografiya E. K. Breshko-Breshkovskoi, 162 p.

Alekseev N. N. (1999) *Osnovy filosofii prava* [Fundamentals of the Philosophy of Law]. Saint Petersburg, Lan', 256 p.

Arkhipov S. I. (2021) *Ideya pravovogo progressa v trudakh N. N. Alekseeva* [The idea of legal progress in the works of N. N. Alekseev]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 5–14, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_3_5.

Iering R. (1875) *Dukh rimskogo prava na razlichnykh stupenyakh ego razvitiya* [The spirit of Roman law at various stages of its development.]. Saint Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova i K., part 1, 309 p.

Iering R. (1905) *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technique], transl. from German by F. S. Shendorf, Saint Petersburg, Tipografiya A. G. Rozena (A. E. Landau), 106 p.

Korkunov N. M. (1886) *Lektsii po obshchei teorii prava* [Lectures on the general theory of law]. 9th ed. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo N. K. Martynova, 368 p.

Muromtsev S. A. (1879) *Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava* [Definition and basic division of law]. Moscow, Tipografiya A. I. Mamontova i Ko., 240 p.

Novgorodtsev P. I. (1896) *Istoricheskaya shkola yuristov, ee proiskhozhdenie i sud'ba: Opyt kharakteristiki osnov shkoly Savin'i v ikh posledovatel'nom razvitii* [The historical school of lawyers, its origin and fate: The experience of characterizing the foundations of the Savigny school in their successive development]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 226 p.

Petrazhitskii L. I. (1900) *Ocherki filosofii prava. Vyp. 1: Osnovy psikhologicheskoi teorii prava. Obzor i kritika sovremennykh vozzrenii na sushchestvo prava* [Essays on the philosophy of law. Is. 1: Fundamentals of the psychological theory of law. Review and criticism of modern views on the essence of law]. Saint Petersburg, Tipografiya Yu. N. Erlikh, 138 p.

Petrazhitskii L. I. (1909) *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei npravstvennosti* [Theory of law and the state in connection with the theory of morality]: in 2 vols. 2nd ed., Saint Petersburg, Tipografiya Tovarishchestva «Ekateringofskoe pechatnoe delo», vol. 1, 318 p.

Petrazhitskii L. I. (1910) *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei npravstvennosti* [Theory of law and the state in connection with the theory of morality]: in 2 vols. 2nd ed., Saint Petersburg, Tipografiya M. Merkusheva, vol. 2, pp. 319–758.

Pukhta G. F. (1872) *Entsiklopediya prava* [Encyclopedia of Law]. Yaroslavl', Tipografiya G. Fal'k, 99 p.

Rennenkampf N. K. (1889) *Yuridicheskaya entsiklopediya* [Legal encyclopedia]. Kiev, Tovarishchestvo I. N. Kushnerev i Ko., 291 p.

Savin'i F. K. (2011) O prizvanii nashogo vremeni k zakonodatel'stvu i yurisprudentsii [On the vocation of our time to legislation and jurisprudence]. In Savin'i F. K. *Sistema sovremennogo rimskogo prava: in 8 vols.* Moscow, Statut, vol. 1, pp. 128–207.

Savin'i F. K. (2011) *Sistema sovremennogo rimskogo prava* [System of modern Roman law]. In Savin'i F. K. *Sistema sovremennogo rimskogo prava: in 8 vols.* Moscow, Statut, vol. 1, pp. 247–499.

Shershenevich G. F. (1910) *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]: in 4 issues. Moscow, Izdanie Br. Bashmakovykh, is. 3, pp. 513–698.

Trubetskoi E. N. (1908) *Lektsii po entsiklopedii prava* [Lectures on the encyclopedia of law]. Moscow, Tipografiya skoropechatni A. A. Levenson, 224 p.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Гончаров Виталий Викторович

Исполнительный директор юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», декан факультета высшего образования Политехнического института (филиала) Донского государственного технического университета (Таганрог), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0003-3029-4727, e-mail: niipgergo2009@mail.ru.

Настоящая статья посвящена институту общественного контроля как инструмента гражданского общества по обеспечению народного суверенитета в Российской Федерации. Автор исследует различные точки зрения, представленные в учебной и научной литературе относительно содержания понятия «народный суверенитет». В работе анализируются признаки народного суверенитета, дается его авторское определение. Рассматривается система юридических гарантий, обеспечивающих реализацию, охрану и защиту народного суверенитета в России, а также место в ней института общественного контроля. В работе перечислены основные проблемы, препятствующие использованию института общественного контроля в качестве важнейшего инструмента по обеспечению народного суверенитета в РФ. Разработана и обоснована система мероприятий по разрешению этих проблем, в том числе путем внесения изменений и дополнений в Конституцию России и законодательство об общественном контроле. Цель исследования состоит не только в разрешении современных проблем, препятствующих использованию института общественного контроля в качестве инструмента гражданского общества по обеспечению народного суверенитета, но и в разработке основных направлений развития данного института гражданского общества.

Ключевые слова: общественный контроль, народовластие, Российская Федерация, инструмент, обеспечение, народный суверенитет, независимость, территориальная целостность, конституционные принципы, государственный суверенитет

Для цитирования: Гончаров В. В. Общественный контроль как инструмент гражданского общества по обеспечению народного суверенитета // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 4. С. 19–26. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_19.

PUBLIC CONTROL AS AN INSTRUMENT OF CIVIL SOCIETY TO ENSURE NATIONAL SOVEREIGNTY

Goncharov Vitaly

Executive director, Association of independent human rights defenders, dean, Polytechnic Institute (branch) of the Don State Technical University (Taganrog), candidate of legal sciences, associate professor, ORCID: 0000-0003-3029-4727, e-mail: niipgergo2009@mail.ru.

The article is devoted to the institute of public control as an instrument of civil society to ensure national sovereignty in the Russian Federation. The author explores various points of view in the educational and scientific literature regarding the content of the concept of national sovereignty. The paper analyzes the signs of national sovereignty and gives the author's definition of its concept. The system of legal guarantees that ensure the implementation, security and protection of national sovereignty in Russia is examined, as well as the place of the institution of public control in it. The article

lists the main problems that hinder the use of the institute of public control as the most important tool for ensuring national sovereignty in the Russian Federation. The system of measures to resolve this problems is developed and substantiated, including making amendments and additions to the Constitution of Russia and legislation on public control. The purpose of the study is not only to solve modern problems that hinder the use of the institute of public control as a tool of civil society to ensure national sovereignty, but also to develop the main directions of its development.

Key words: public control, democracy, Russian Federation, instrument, provision, people's sovereignty, independence, territorial integrity, constitutional principles, state sovereignty

*For citation: Goncharov V. (2023) Public control as an instrument of civil society to ensure national sovereignty. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 19–26, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_19.*

Вопросы, связанные с определением понятия «народный суверенитет» и его соотношением с понятиями «государственный суверенитет», «национальный суверенитет», широко исследованы в работах Н. Грачева¹, Е. В. Ильиной², М. И. Климовой³, Н. С. Коневой⁴, А. Ю. Мамычева⁵, В. Н. Пяткина⁶, Н. П. Рагозина⁷, Б. С. Эбзеева⁸ и др. Проблемы организации и осуществления института общественного контроля в контексте реализации конституционных принципов народовластия и участия общества в управлении делами государства в Российской Федерации детально анализируются в произведениях Е. В. Бердниковой⁹, А. В. Григорьева¹⁰, С. А. Косинова¹¹, Л. И. Ковалевой¹², В. В. Гриба¹³, И. М. Япрынцева¹⁴, а также многих иных ученых. Наибольший интерес представляет изучение роли и места института общественного контроля в механизме обеспечения реализации и охраны народного суверенитета в нашей стране. Этим и обусловлен выбор темы настоящего научного исследования, целью которого выступает не только разрешение современных проблем, препятствующих использованию института

¹ Грачев Н. Государственный и народный суверенитет во «внешнем» и «внутреннем» выражении // Закон и право. 2007. № 3. С. 18–21.

² Ильина Е. В. Народный (национальный) суверенитет как правовая фикция // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 7. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2011/11/4994> (дата обращения: 01.08.2023).

³ Климова М. И. Народный суверенитет как конституционный принцип // Вопросы современной юриспруденции. 2015. № 45–46. С. 25–29.

⁴ Конева Н. С. Народный суверенитет и независимое народовластие как социальные и правовые приоритеты современной России // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 15. С. 10–15.

⁵ Мамычев А. Ю., Мирошниченко О. И., Губкина А. И. Суверенитет государства: общественно-политическая трансформация в контексте современных киберреалий // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 4. С. 353–358.

⁶ Пяткин В. Н., Исаев А. А. Народный суверенитет как конституционно-правовая фикция // Научное обозрение. Международный научно-практический журнал. 2021. № 4. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46460036_57450997.pdf (дата обращения: 01.08.2023).

⁷ Рагозин Н. П. Народный суверенитет, национальное государство и «право наций на самоопределение» // Культура и цивилизация. 2015. № 1–2. С. 83–89.

⁸ Эбзеев Б. С. Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика // Избирательное законодательство и практика. 2016. № 2. С. 3–12.

⁹ Бердникова Е. В. Конституционно-правовые основы общественного контроля в Российской Федерации. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2018. 316 с.

¹⁰ Григорьев А. В. Реализация конституционного права граждан на управление делами государства в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 45–57.

¹¹ Косинов С. А. Контроль над публичной властью как необходимое условие для существования демократического государства // Проблемы законности. 2015. № 130. С. 11–17.

¹² Гончаров В. В., Ковалева Л. И. Об институтах общественного контроля исполнительной власти в Российской Федерации // Власть. 2009. № 1. С. 72–75.

¹³ Гриб В. В. Актуальные проблемы правового развития института общественного контроля в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 11. С. 3–13.

¹⁴ Япрынцев И. М. Об объекте общественного контроля в системе непосредственного народовластия (на примере деятельности Президента Российской Федерации) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2019. № 4. С. 34–38.

общественного контроля в качестве инструмента гражданского общества по обеспечению народного суверенитета, но и разработка основных направлений развития данного института гражданского общества.

Конституция РФ 1993 г. закрепила правовой статус многонационального народа Российской Федерации как носителя суверенитета и единственного источника власти в стране, реализующего свои властные полномочия как непосредственно (в частности, через институты свободных выборов и референдумов), так и опосредованно (например, через деятельность органов государственной власти, местного самоуправления).

При этом названные конституционные принципы народовластия и участия общества в управлении делами государства нуждаются в системе юридических гарантий, посредством которых обеспечивается их реализация, охрана и защита от любого неправомерного воздействия.

Данная система юридических гарантий представлена:

а) содержащимся в тексте Основного закона запретом нарушать указанные конституционные принципы посредством незаконного захвата власти, присвоения властных полномочий какими-либо органами публичной власти, иными субъектами права под угрозой неминуемого правового преследования со стороны государства на основании федеральных законов;

б) сложной системой сдержек и противовесов, которая охватывает весь механизм публичной власти в стране, не позволяя, с одной стороны, осуществить аккумуляцию властных полномочий в одних руках, а с другой – добиться какой-либо ветви государственной власти, отдельному органу публичной власти, отдельному должностному лицу независимости от закона и суда в случае совершения противоправных действий;

в) системой органов конституционного контроля, важнейшими из которых выступают институт главы государства как гаранта Конституции, прав и свобод человека и гражданина, а также Конституционный Суд РФ – единственный орган конституционной юстиции, который остался после упразднения в 2023 г. конституционных (уставных) судов субъектов РФ;

г) многочисленными институтами гражданского общества, посредством которых народ имеет возможность контролировать, с одной стороны, эффективность и результативность реализации делегированных им публичных полномочий аппаратом публичной власти, а с другой – недопущение последних нарушений как перечисленных конституционных принципов, так и всей системы прав, свобод и законных интересов граждан России, а также прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций (при этом важнейшим институтом гражданского общества выступает общественный контроль).

В связи с этим большой научно-практический интерес представляют исследования института народного суверенитета в Российской Федерации и роли общественного контроля в обеспечении его реализации, охраны и защиты.

Что же представляет собой народный суверенитет? Как соотносится данное понятие с понятиями государственного и национального суверенитета?

В отечественной научной и учебной литературе существует несколько точек зрения относительно понятия народного суверенитета.

Одни авторы считают, что институт народного суверенитета нельзя считать реальным правовым институтом, так как он является правовой фикцией¹. По их мнению, реальным суверенитетом обладают исключительно государства, и именно данный суверенитет распространяется на всю территорию государства, выражаясь в возможности реализации посредством механизма публичной власти властных полномочий в отношении любых субъектов права. Однако с данной точкой зрения нельзя согласиться. С одной стороны, многонациональный народ России, как мы отметили, является носителем абсолютного суверенитета в стране, который не требует подтверждения каких-либо субъектов международного или национального права и не может быть ими ограничен. С другой стороны, Конституция РФ и законодательство закрепляют ряд форм прямой демократии, посредством которых народ сам реализу-

¹ Ильина Е. В. Указ. соч.; Пяткин В. Н., Исаев А. А. Указ. соч.

ет свои властные полномочия. И если на федеральном уровне прямые формы демократии представлены достаточно нерепрезентативно (в частности, выборами и референдумами всех уровней), то на муниципальном уровне прямые формы реализации народом своего суверенитета достаточно репрезентативны, Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, помимо выборов и референдумов, предусматривает, например, сходы граждан, их правотворческие инициативы, публичные слушания, собрания граждан, конференции граждан (собрания делегатов), их опросы и т. д.

По мнению других ученых, народный суверенитет представляет собой конституционный принцип¹. Действительно, многие авторы отождествляют понятие «народовластие» с понятием «народный суверенитет». А народовластие выступает, как мы отмечали в ранее проведенных исследованиях, ключевым конституционно-правовым принципом в Российской Федерации², в силу которого, с одной стороны, человек, его права и свободы являются высшей ценностью в государстве, а с другой стороны, защита указанных прав и свобод составляет основную обязанность аппарата публичной власти в стране. Однако, на наш взгляд, отождествление понятий «народовластие» и «народный суверенитет» неправильно, так как понятие «народовластие» значительно уже по своему смысловому объему, чем понятие «народный суверенитет», означая лишь то обстоятельство, что многонациональному народу в России принадлежит вся полнота власти (верховная власть) в стране. Все остальные виды, формы власти (кроме народной) производны от нее и действуют только в силу делегированности властных полномочий народом.

Ряд авторов отрицает верховенство народного суверенитета над государственным суверенитетом (суверенитетом государства). В частности, Б. С. Эбзеев отмечает: «Народный суверенитет в современном мире утратил свое революционное содержание, дающее теперь знать только изредка в периоды острых социальных катаклизмов или формационных преобразований. В современном практическом конституционализме нет оснований для отождествления суверенитета народа с неотчуждаемой и неограниченной верховной властью, которая осуществляется им самостоятельно и независимо, а ее пределы определяются общей волей народа»³. На наш взгляд, отрицание верховенства народного суверенитета над суверенитетом государственным, «отодвигание» его в плоскость неких традиций и смыслов государственной власти (о чем и говорит Б. С. Эбзеев) с игнорированием необходимости и неизбежности развития реальных механизмов реализации, охраны и защиты народного суверенитета означает лишь одно: оправдание возможности попрания одной из основ конституционного строя России – демократического начала в организации нашего государства, согласно которому именно народ страны и является носителем суверенитета, выступающего источником всех иных суверенитетов в государстве (государственного, национальных). От подобного игнорирования верховенства народного суверенитета недалеко и до обоснования мыслей относительно реставрации монархии в России, причем не ограниченной волей народа (попытки навязывания для обсуждения монархических ценностей мы уже наблюдали, например, сравнительно недавно при венчании граждан Италии Романовых в Исаакиевском соборе да еще и при салютовании роты почетного караула), который, стоит напомнить, самостоятельно и большинством голосов принял в 1993 г. на всенародном референдуме текст Конституции, определив нашу страну как демократическое правовое государство с республиканской формой правления, а потом подтвердил на общероссийском голосовании 2020 г. по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ указанный вектор развития демократических начал в публичном управлении нашим государством. В связи с этим ряд авторов справедливо отмечает, что народный суверенитет выступает в качестве единственного источника легитимации публичной власти и государственного суверенитета⁴.

Отдельные ученые считают, что народный суверенитет наряду с независимым народовластием выступает социальным и правовым приоритетом современного Рос-

¹ Климова М. И. Указ. соч. С. 25–29.

² Гончаров В. В. Конституционно-правовые основы общественного контроля в Российской Федерации. М.: Alicegroup, 2019. 256 с.

³ Эбзеев Б. С. Указ. соч. С. 3–12.

⁴ Рагозин Н. П. Указ. соч. С. 83–89.

сийского государства¹. С этим утверждением трудно не согласиться, так как народный суверенитет следует рассматривать не только как закрепленную в Основном законе страны данность, но и как высшую ценность в государстве, на реализацию, защиту и охрану которой должны быть направлены усилия не только аппарата публичной власти, но и всех институтов гражданского общества в стране, особенно института общественного контроля.

Представляется, что можно выделить следующие признаки народного суверенитета.

Во-первых, народный суверенитет представляет собой неотъемлемое свойство (признак) народа в любом демократически организованном обществе и государстве. В противном случае мы имеем дело с различными видами авторитарных или тоталитарных режимов, где воля аппарата публичной власти не зависит и не производна от воли народа, хотя на определенных этапах исторического развития данные режимы могут действовать в интересах народа или его большинства.

Во-вторых, народный суверенитет закрепляется в демократических правовых государствах с республиканской формой правления в конституции страны в качестве суверенитета, принадлежащего народу (например, ст. 3 Конституции РФ, ст. 3 Конституции Республики Беларусь). При этом, как правило, он не именуется народным суверенитетом, используется термин «суверенитет», что подчеркивает его верховный характер по сравнению с остальными разновидностями суверенитета (например, государственным).

В-третьих, все разновидности суверенитета производны от народного суверенитета. Это означает, что их реализация не должна создавать никаких угроз для реализации народного суверенитета либо противоречить ему. Хотя в определенной степени, например, реализация национального суверенитета в многонациональных государствах с позиции концепции права народов и наций на самоопределение может вступать в противоречие с реализацией народного суверенитета (особенно в случае попыток отделения части страны от единого целого).

В-четвертых, суть народного суверенитета состоит: а) в независимости народа от любых субъектов международного и национального права; б) его самостоятельности в определении направлений развития общества и государства; в) полновластии народа, который реализует всю полноту своей власти самостоятельно либо делегирует реализацию отдельных властных полномочий тем или иным органам публичной власти или их должностным лицам.

Таким образом, под народным суверенитетом следует понимать неотъемлемое свойство (признак) народа, формализуемое в демократически организованных обществах и государствах на уровне конституции и в законодательстве, являющееся источником государственного и национального суверенитетов, суть которого состоит в независимости народа от любых субъектов международного и национального права, его самостоятельности в определении направлений развития общества и государства, а также полновластии, т. е. возможности реализации народом всей полноты своей власти через прямые и опосредованные формы народовластия.

Народный суверенитет в Российской Федерации нуждается в системе обеспечительных мер, важнейшей из которых, как мы отмечали ранее, выступает институт общественного контроля.

Благодаря данному институту гражданского общества народ через деятельность отдельных граждан, общественных объединений, иных негосударственных некоммерческих организаций, которые вправе участвовать в осуществлении общественного контроля на основании Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», обеспечивает реализацию, охрану и защиту народного суверенитета, в частности следит за соблюдением прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, прав и законных интересов названных юридических лиц, осуществляет контроль за эффективностью работы органов публичной власти, иных субъектов, наделенных правом реализации отдельных публичных полномочий, формирует и развивает гражданское правосознание и т. д.

¹ Конева Н. С. Указ. соч. С. 10–15.

Однако использование института общественного контроля в качестве важнейшего инструмента по обеспечению народного суверенитета в Российской Федерации связано с многочисленными проблемами, в числе которых можно выделить следующие.

1. Отсутствие формализации института общественного контроля в Конституции России, что существенно снижает авторитет и значимость данного института гражданского общества в глазах населения. В связи с этим представляется необходимым закрепить данный институт гражданского общества в Основном законе страны, обозначив его в качестве одной из гарантий обеспечения народного суверенитета в стране.

2. Отсутствие закрепления обеспечения народного суверенитета в России в законодательстве об общественном контроле, в частности в Федеральном законе от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», в качестве целей и задач данного института гражданского общества.

Рекомендуется внести изменения в ч. 1 ст. 5 названного Федерального закона, посвященную целям общественного контроля, дополнив ее пп. 4 и 5 следующего содержания:

«4) обеспечение реализации и защиты конституционных принципов народовластия и участия общества в управлении делами государства;

5) содействие обеспечению народного суверенитета, независимости, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации».

В ч. 2 ст. 5 обозначенного Федерального закона, посвященную задачам общественного контроля, также нужно внести изменения, дополнив ее пп. 8 и 9 следующего содержания:

«8) реализация гражданских инициатив, направленных на обеспечение реализации и защиты конституционных принципов народовластия и участия общества в управлении делами государства;

9) осуществление мероприятий общественного контроля, направленных на обеспечение народного суверенитета, независимости, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации».

3. Отсутствие у субъектов общественного контроля соответствующих реальных полномочий. В связи с этим в законодательство об общественном контроле следует внести изменения и дополнения в части расширения полномочий субъектов общественного контроля, например предоставив им право временно приостанавливать действие подзаконных нормативных правовых актов, изданных на уровне регионов и муниципальных образований, если данные акты по результатам проведенной общественной экспертизы признаны субъектом общественного контроля противоречащими Конституции России, законодательству, посягающими на народный суверенитет, нарушающими конституционные принципы народовластия и участия общества в управлении делами государства (вплоть до решения данного вопроса по существу судом).

4. Отсутствие в законодательстве Российской Федерации мер ответственности должностных лиц органов публичной власти, иных объектов общественного контроля за противодействие законной деятельности представителей субъектов общественного контроля. Необходимо закрепить в УК РФ и КоАП РФ соответствующие уголовно-правовые и административно-правовые составы.

5. Отсутствие закрепления в стране системы общественного контроля. Представляется, что без формализации указанной системы невозможно осуществление контроля за системой публичной власти. При этом субъектом общественного контроля, возглавляющим указанную систему, должна выступать Общественная палата Российской Федерации.

6. Отсутствие закрепления в законодательстве об общественном контроле механизма обратной связи в режиме реального времени субъектов общественного контроля с народом, общественными объединениями, иными негосударственными некоммерческими организациями. Следует разработать федеральную программу, посвященную внедрению современных информационно-коммуникационных технологий в организацию и деятельность субъектов общественного контроля, которая позволит им в режиме реального времени осуществлять многосторонний диалог и обмен информацией как с населением, так и с объектами общественного контроля.

Заключение

В ходе проведенного научного исследования нами был сделан ряд выводов.

1. Народный суверенитет – неотъемлемое свойство (признак) народа, формализуемое в демократически организованных обществах и государствах на уровне конституции и в законодательстве, являющееся источником государственного и национального суверенитетов, суть которого состоит в независимости народа от любых субъектов международного и национального права, его самостоятельности в определении направлений развития общества и государства, а также полновласти, т. е. возможности реализации народом всей полноты своей власти через прямые и опосредованные формы народовластия.

2. Реализация, охрана и защита народного суверенитета нуждается в системе юридических гарантий, одной из которых выступает деятельность гражданского общества. При этом важнейшим инструментом гражданского общества по обеспечению народного суверенитета выступает институт общественного контроля.

3. Использование института общественного контроля в качестве важнейшего инструмента по обеспечению народного суверенитета в Российской Федерации связано с многочисленными проблемами, разрешение которых требует разработки и реализации системы мероприятий, в том числе путем внесения изменений и дополнений в Конституцию России (в частности, формализации данного института гражданского общества), законодательство об общественном контроле (например, в части закрепления необходимости обеспечения народного суверенитета в стране в качестве целей и задач общественного контроля, предоставления системе субъектов общественного контроля реальных полномочий по реализации указанных целей и задач).

Список литературы

Бердникова Е. В. Конституционно-правовые основы общественного контроля в Российской Федерации. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2018. 316 с.

Гончаров В. В. Конституционно-правовые основы общественного контроля в Российской Федерации. М.: Alicegroup, 2019. 256 с.

Гончаров В. В., Ковалева Л. И. Об институтах общественного контроля исполнительной власти в Российской Федерации // *Власть*. 2009. № 1. С. 72–75.

Грачев Н. Государственный и народный суверенитет во «внешнем» и «внутреннем» выражении // *Закон и право*. 2007. № 3. С. 18–21.

Гриб В. В. Актуальные проблемы правового развития института общественного контроля в Российской Федерации // *Конституционное и муниципальное право*. 2015. № 11. С. 3–13.

Григорьев А. В. Реализация конституционного права граждан на управление делами государства в условиях цифровизации // *Журнал российского права*. 2020. № 2. С. 45–57.

Ильина Е. В. Народный (национальный) суверенитет как правовая фикция // *Современные научные исследования и инновации*. 2011. № 7. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2011/11/4994> (дата обращения: 01.08.2023).

Климова М. И. Народный суверенитет как конституционный принцип // *Вопросы современной юриспруденции*. 2015. № 45–46. С. 25–29.

Конева Н. С. Народный суверенитет и независимое народовластие как социальные и правовые приоритеты современной России // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 15. С. 10–15.

Косинов С. А. Контроль над публичной властью как необходимое условие для существования демократического государства // *Проблемы законности*. 2015. № 130. С. 11–17.

Мамычев А. Ю., Мирошниченко О. И., Губкина А. И. Суверенитет государства: общественно-политическая трансформация в контексте современных киберреалий // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2019. Т. 8. № 4. С. 353–358.

Пяткин В. Н., Исаев А. А. Народный суверенитет как конституционно-правовая фикция // *Научное обозрение. Международный научно-практический журнал*. 2021. № 4. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46460036_57450997.pdf (дата обращения: 01.08.2023).

Рагозин Н. П. Народный суверенитет, национальное государство и «право наций на самоопределение» // *Культура и цивилизация*. 2015. № 1–2. С. 83–89.

Эбзеев Б. С. Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика // *Избирательное законодательство и практика*. 2016. № 2. С. 3–12.

Япрынцев И. М. Об объекте общественного контроля в системе непосредственного народовластия (на примере деятельности Президента Российской Федерации) // *Гражданское общество в России и за рубежом*. 2019. № 4. С. 34–38.

References

Berdnikova E. V. (2018) *Konstitutsionno-pravovye osnovy obshchestvennogo kontrolya v Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional and legal foundations of public control in the Russian Federation]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 316 p.

Ebzeev B. S. (2016) Narod, narodnyi suverenitet i predstavitel'stvo: doktrinal'nye osnovy i konstitutsionnaya praktika [People, people's sovereignty and representation: doctrinal foundations and constitutional practice]. In *Izbitatel'noe zakonodatel'stvo i praktika*, no. 2, pp. 3–12.

Goncharov V. V. (2019) *Konstitutsionno-pravovye osnovy obshchestvennogo kontrolya v Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional and legal foundations of public control in the Russian Federation]. Moscow, Alicegroup, 256 p.

Goncharov V. V., Kovaleva L. I. (2009) Ob institutakh obshchestvennogo kontrolya ispolnitel'noi vlasti v Rossiiskoi Federatsii [On the institutions of public control of executive power in the Russian Federation]. In *Vlast'*, no. 1, pp. 72–75.

Grachev N. (2007) Gosudarstvennyi i narodnyi suverenitet vo «vneshnem» i «vnutrennem» vyrazhenii [State and people's sovereignty in «external» and «internal» expression]. In *Zakon i pravo*, no. 3, pp. 18–21.

Grib V. V. (2015) Aktual'nye problemy pravovogo razvitiya instituta obshchestvennogo kontrolya v Rossiiskoi Federatsii [Actual problems of legal development of the Institute of public control in the Russian Federation]. In *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 11, pp. 3–13.

Grigoriev A. V. (2020) Realizatsiya konstitutsionnogo prava grazhdan na upravlenie delami gosudarstva v usloviyakh tsifrovizatsii [Realization of the constitutional right of citizens to manage the affairs of the state in the conditions of digitalization]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 2, pp. 45–57.

Ilyina E. V. (2011) Narodnyi (natsional'nyi) suverenitet kak pravovaya fiktsiya [People's (national) sovereignty as a legal fiction]. In *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*, no. 7, available at: <https://web.snauka.ru/issues/2011/11/4994> (accessed: 01.08.2023).

Klimova M. I. (2015) Narodnyi suverenitet kak konstitutsionnyi printsip [People's sovereignty as a constitutional principle]. In *Voprosy sovremennoi yurisprudentsii*, no. 45–46, pp. 25–29.

Koneva N. S. (2009) Narodnyi suverenitet i nezavisimoe narodovlastie kak sotsial'nye i pravovye priority sovremennoi Rossii [People's sovereignty and independent democracy as social and legal priorities of modern Russia]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 15, pp. 10–15.

Kosinov S. A. (2015) Kontrol' nad publichnoi vlast'yu kak neobkhodimoe uslovie dlya sushchestvovaniya demokraticeskogo gosudarstva [Control over public power as a necessary condition for the existence of a democratic state]. In *Problemy zakonnosti*, no. 130, pp. 11–17.

Mamychev A. Yu., Miroshnichenko O. I., Gubkina A. I. (2019) Suverenitet gosudarstva: obshchestvenno-politicheskaya transformatsiya v kontekste sovremennykh kiberrealii [State sovereignty: socio-political transformation in the context of modern cyberrealities]. In *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, no. 4, pp. 353–358.

Pyatkin V. N., Isaev A. A. (2021) Narodnyi suverenitet kak konstitutsionno-pravovaya fiktsiya [People's sovereignty as a constitutional and legal fiction]. In *Nauchnoe obozrenie. Mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal*, no. 4, available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46460036_57450997.pdf (accessed: 01.08.2023).

Ragozin N. P. (2015) Narodnyi suverenitet, natsional'noe gosudarstvo i «pravo natsii na samoopredelenie» [People's sovereignty, the national state and the «right of nations to self-determination»]. In *Kul'tura i tsivilizatsiya*, no. 1–2, pp. 83–89.

Yapryntsev I. M. (2019) Ob ob'ekte obshchestvennogo kontrolya v sisteme neposredstvennogo narodovlastiya (na primere deyatel'nosti Prezidenta Rossiiskoi Federatsii) [About the object of public control in the system of direct democracy (on the example of the activity of the President of the Russian Federation)]. In *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom*, no. 4, pp. 34–38.

КЛЮЧЕВЫЕ ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ ВНЕШНИХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Лаптёнок Виолетта Олежна

Аспирант кафедры интеграционного права и прав человека Московского государственного института (Университет) международных отношений (МГИМО) (Москва),
ORCID: 0000-0002-5450-869X, e-mail: viola160596@gmail.com.

Отказ наднациональных инстанций Европейского союза от прежде непререкаемых ключевых внешнеполитических табу на поставки третьим странам, вовлеченным в вооруженный конфликт, летальных видов вооружений – новый элемент его внешней политики, который свидетельствует об отступлении Брюсселя от сбалансированного подхода к ключевым направлениям реализации своей глобальной стратегии, качественной трансформации иерархии нормативно-правовых приоритетов ЕС, изменении самого характера осуществляемой Евросоюзом Общей внешней политики и политики безопасности. Вслед за переходом от экономического интеграционного объединения и валютного союза к становлению политического союза происходит ускоренная трансформация ЕС уже в военно-политическое образование. Эти особенности во многом объясняют изменения, привнесенные обновленной в 2023 г. Концепцией внешней политики России в позицию страны на европейском направлении. Цель предпринятого автором исследования – выявить на основе комплексного применения общенаучных методов анализа, синтеза, междисциплинарного и формально-юридического подхода особенности и причины возникновения этих новых говорящих за себя составляющих в практике реализации внешних компетенций ЕС, рассмотреть их обоснование в контексте обострившейся глобальной конкуренции юрисдикций и установить влияние на современную эволюцию международной правосубъектности этого интеграционного объединения.

Ключевые слова: внешние компетенции, договорно-правовая практика, Европейский союз, конкуренция юрисдикций, международно-правовая ответственность, субъект международного права

Для цитирования: Лаптёнок В. О. Ключевые детерминирующие факторы реализации Европейским союзом внешних компетенций // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 4. С. 27–40. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_27.

EUROPEAN UNION EXTERNAL COMPETENCES PRACTICE KEY DETERMINANTS

Laptsenak Violetta

Post-graduate, Moscow State Institute (University) of International Relations (MGIMO) (Moscow),
ORCID: 0000-0002-5450-869X, viola160596@gmail.com.

The European Union supranational authorities abandoning the previously indisputable key foreign policy taboos on the supply of lethal weapons to third countries engaged in an armed conflict is a new element in the Union foreign policy, indicative of Brussels' renunciation of a balanced approach to the key areas of its global strategy implementation, emblematic of a qualitative transformation in the hierarchy of EU regulatory priorities and suggestive of a changing nature of the Common Foreign and Security Policy pursued by the European Union. Jumpstarted from a mature project of economic integration and a monetary union, the EU as a nascent political entity is rapidly evolving into a military-political polity. Prompting revision of Russia's Foreign Policy Concept updated in 2023, these developments largely explain the changes in

this country's stance on further development of the European project. The purpose of the author's ensuing deliberations, based on synergy of general scientific analysis and synthesis, interdisciplinary and formal-legal approach, is to highlight the telling new elements in the EU external competencies practice, consider their validity mindful of a spiralling global competition of jurisdictions and identify the impact on current evolution of the EU international legal personality.

Key words: external competencies, contractual and legal practice, European Union, competition of jurisdictions, responsibility under international law, subject of international law

*For citation: Laptsenak V. (2023) European Union external competences practice key determinants. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 27–40, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_27.*

Евросоюз создавался с расчетом на «идеальные», в том числе внешние условия развития. В роли субъекта международных отношений эта региональная интеграционная группировка на протяжении десятилетий выступает одновременно как фактор, подсистема и один из центров формирования мирового правового пространства. С момента своего возникновения, наряду с задачами обеспечения стабильного собственного роста и процветания, ЕС принял на себя «пионерскую» миссию проложить путь, демонстрирующий другим региональным интеграционным объединениям перспективу трансформации в глобальные субъекты генерирования правовых норм и стандартов, формирующие мировой порядок.

Правовые основы европейской интеграции, сформулированные в Договоре о функционировании Европейского союза (ДФЕС), и проявившиеся в ходе ее реализации особенности представляют практический интерес для других региональных объединений, в том числе с участием России. Они повлияли – пусть в разной степени¹ – и продолжают оказывать свое воздействие на формирование правовых систем интеграционных инициатив в Африке, Азии и Латинской Америке. Ближе всего по уровню интеграции подошел к ЕС Евразийский экономический союз.

«Коллективная идентичность» большинства других региональных образований не предусматривает, как правило, формирования наднациональных органов с компетенциями, которыми обладает Евросоюз. Даже в рамках институциональных структур его «ключевого партнера»² среди региональных интеграционных проектов – Африканского союза, где узнаваемы отдельные элементы и принципы, заимствованные у ЕС, речь не идет о нормативной деятельности на наднациональном уровне, и принятие решений осуществляется в межправительственном формате. Равным образом, в МЕРКОСУР, где сформирована своя интеграционная система права и ощутима тенденция к усилению наднациональных начал³, учрежденный с 2005 г. Парламент (Парласур) на данном этапе рассматривается экспертами скорее как орган межправительственного взаимодействия, нежели наднациональный⁴, и в целом преобладают координационные функции.

Внешняя деятельность Европейского союза на разных направлениях подразделяется на «сферы компетенции», каждая из которых обладает собственным предметом ведения и дифференцирована по объему охвата, секторальной принадлежности и специфике решаемых проблем и задач. В реализации внешних компетенций праву

¹ *Tatham A. F. The Influence of CJEU Decisions on Other Regional Courts // Обеспечение единообразного применения права Евразийского экономического союза: роль Суда: сб. материалов междунар. конф. Суда Евразийского экономического союза (г. Минск, 17–19 ноября 2021 г.) / отв. ред. А. С. Бугаева. Минск: Колорград, 2022. С. 128.*

² *State of the Union 2020 Address by President von der Leyen at the European Parliament Plenary. European Commission – Speech/20/1655. 16 September 2020. P. 12 // European Commission Official Website. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/ov/SPEECH_20_1655 (дата обращения: 17.05.2023).*

³ *Рафалюк Е. Е., Залоило М. В., Власова Н. В. Правовые модели интеграционных объединений государств Евразии и Латинской Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2. С. 105.*

⁴ *Шебанова Н. А. МЕРКОСУР: Правовые аспекты создания и функционирования новой латиноамериканской интеграции // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 3. С. 61.*

отведена особая роль. Сформированная в результате его эволюции целостная собственная наднациональная «органичная правовая система»¹ и широкие полномочия наднациональных институтов ЕС на внешние действия, изложенные в части пятой Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС), – фактор, обеспечивающий Евросоюзу ощутимые преимущества в глобальном состязании юрисдикций.

Внешняя компетенция Евросоюза, как это определено в разделе I части первой ДФЕС, возникает на том или ином направлении, если: а) учредительный Договор прямо наделяет ею Евросоюз; б) такая компетенция подразумевается и в соответствии с принципом ERTA вытекает из полномочий, прямо предоставленных на основе внутреннего права ЕС либо в) необходима для реализации определенной цели, сформулированной в Договоре в рамках этих внутренних полномочий; г) когда в отсутствие указанных выше оснований возможно обращение – в интересах достижения поставленных Договором целей – к ст. 352 ДФЕС, и предполагаемые меры утверждены Советом ЕС в соответствии с установленной процедурой. В то же время нормы, определяющие внешние компетенции, юристы относят к разряду наиболее дискуссионных в праве ЕС.

Реализация этих норм, принципов и полномочий в рамках Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) регламентирована ст. 21 раздела V Договора о Европейском союзе (ДЕС) и подчинена стратегическим установкам интеграционного объединения, периодически уточняемым его наднациональными инстанциями. Нерешенные проблемы формируют целеполагание и правовое обоснование сменяющих друг друга стратегий, задавая новую повестку на каждом очередном этапе. Первоначальная Европейская стратегия безопасности (2003) уступила место более комплексной Глобальной стратегии ЕС (2016)², которую в свою очередь сменил Стратегический компас (2022)³, призванный обеспечить Евросоюзу достижение стратегической автономии и коллективного стратегического суверенитета.

Динамичная адаптация права Союза к меняющимся внешним условиям направлена на достижение им де-факто статуса равновеликого субъекта международных отношений во взаимосвязанной системе глобального управления, объединяющей «международные режимы – межправительственные организации – суверенные государства – транснациональные корпорации», которую ЕС готов дополнить региональной составляющей.

Модель встраивания права ЕС в международную архитектуру юрисдикций можно условно свести к четырем основным векторам: а) правовое закрепление равноправных отношений с ключевыми партнерами-союзниками по Евро-Атлантическому и Тихоокеанскому блоку (Австралией, Канадой, США, Японией и др.); б) гибкое балансирование в отношениях и оптимизация правовых основ взаимодействия с ведущими странами восходящей экономики (Китай, Россия, другие страны БРИКС, G20); в) формирование отношений зависимости с большинством остальных стран мира, где ЕС пытается первенствовать и внедрять свои нормы и ценности, в том числе через международно-правовые режимы – торговли, смягчения последствий изменения климата и др.; г) взаимодействие с «недееспособными государствами», в отношении которых апробируются разнообразные механизмы внешнего управления под прикрытием норм международного права.

Многочисленные виды соглашений об ассоциации, партнерстве, продвинутом сотрудничестве выполняют роль инструмента в арсенале средств продвижения и нормативно-правового закрепления в договорно-правовом порядке прагматичных условий взаимодействия ЕС с третьими странами. Зачастую такая практика оборачивается маргинализацией правовых режимов наименее развитых стран и в итоге ущемлением их экономических интересов, консервируя их отсталость.

¹ Laffan B. The European Union: A Distinctive Model of Internationalisation? // European Integration Online Papers. 1997. 26 October. Vol. 1. № 18. P. 4.

² Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe: A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. European Union Global Strategy. June 2016. 60 p.

³ A Strategic Compass for Security and Defence. For a European Union that Protects its Citizens, Values and Interests and Contributes to International Peace and Security. Strategic Communications, European Union External Action, 24 March 2022. 62 p. // Official Website of the European Union. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/strategic_compass_en3_web.pdf (дата обращения: 16.06.2023).

Наряду с правовой регламентацией отношений с третьими странами, внешние компетенции ЕС в значительной части сосредоточены, как это предусматривает ст. 21(1) и (2)(h) ДЕС, также на взаимодействии с межправительственными международными и региональными организациями. Система отношений с ключевыми многосторонними институтами и иными ведущими субъектами международных отношений – инструмент привлечения дополнительных внешних ресурсов и их подчинения задачам поддержания социально-экономической динамики Евросоюза. В этом процессе право в значительной мере выполняет вспомогательную роль по закреплению в юридической форме и поддержанию определенной системы отношений¹.

Это диктует участникам модели поведения, исходя из норм, принципов, подходов и «идеологии»² взаимно пересекающихся комплексов³ международно-правовых режимов⁴, предполагая взаимный перекрестный надзор между ними⁵ в сферах функциональной и профессиональной специализации (международное морское публичное право, право в области прав человека и т. д.). ЕС стремится участвовать во всех этих процессах, продвигая свои нормы и стандарты через разные форматы международного взаимодействия. Эта работа поставлена на системную основу.

Будучи результатом «усреднения» весьма высокого уровня достижений своих работников – наиболее развитых стран Европы, – договорно-правовые нормы, правовые принципы, технические регламенты и стандарты наднационального права ЕС, несомненно, являются высококонкурентными по сравнению со стандартами, принятыми странами других интеграционных группировок, и в ряде отношений могут вышиться над «усредненными» стандартами специализированных международных правовых режимов, действующих на глобальном уровне. Хотя лидирующие страны других регионов, например Североамериканского или Азиатского, совершившие «технологический прорыв» в шестой технологический уклад, диктуют собственные условия в своей части мира. Со своей стороны, отстаивая собственный технологический суверенитет, страны ЕС, реализуя переход на цифровые основы экономики, сделали ставку и реально задают стандарт в сфере правовой и материальной защиты персональных данных, конфиденциальности финансово-экономических показателей деятельности корпораций, методов и правил обеспечения функционирования формируемого Евросоюзом единого цифрового рынка.

В этой «гонке юрисдикций» лидер получает преимущества при продвижении своей продукции и услуг на внешние рынки, одновременно защищаясь от менее технологичных конкурентов всевозможными техническими, нетарифными, социальными, экологическими и иными ограничениями. Среди инструментов защиты в этом процессе – патентное право и право интеллектуальной собственности, ограждающие ноу-хау лидирующих стран от беспрепятственного использования конкурентами и менее развитыми странами, которым предлагаются модели «догоняющего развития». Ведущие державы обеспечивают себе тем самым эксклюзивные преимущества основного поставщика на внешние рынки высокотехнологичного оборудования, товаров и услуг. Остальные участники международных обменов оказываются если не в «технологической западне», то в догоняющей позиции и вынуждены ускоренными темпами наращивать собственный потенциал либо довольствоваться отдельными уступками со стороны лидера.

Учитывая столь системный подход ЕС на наднациональном уровне, наблюдаемая в прецедентной практике Суда ЕС (СЕС) тенденция к расширительному толкованию внешних полномочий Союза с настороженностью воспринимается на национальном

¹ Международное право: учеб. для бакалавров / отв. ред. Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков. М.: Статут, 2017. С. 275.

² Regime Interaction in International Law: Facing Fragmentation / ed. by M. A. Young. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 1. DOI: 10.1017/CBO9780511862403.001.

³ Keohane R., Victor D. The Regime Complex for Climate Change // Perspectives on Politics. 2011. Vol. 9. P. 7.

⁴ Режимы – это «комплексы явных и неявных принципов, норм, правил и процедур принятия решений, отражающих совпадающие ожидания акторов в данной области международных отношений». См.: Krasner S. D. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables // International Organisations. Cambridge University Press. 1982. Vol. 36. № 2. P. 188.

⁵ Young M. A. Chapter 4. Fragmentation, Regime Interaction and Sovereignty // Sovereignty, Statehood and State Responsibility: Essays in Honour of James Crawford / ed. by C. Chinkin, F. Baetens. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 73. DOI: 10.1017/CBO9781107360075.008.

уровне¹. Достаточно широкий разброс мнений в экспертном сообществе относительно степени соответствия практической реализации внешних компетенций ЕС на ряде направлений требованиям международного права придает особую остроту этому аспекту деятельности ЕС и его наднациональных институтов. Тем более, что одна из важнейших особенностей реализации Брюсселем внешних компетенций состоит в том, что и Евросоюз, и его государства-члены выступают как субъекты международного права и международных отношений, действуя параллельно.

Правовое поле внешних компетенций ЕС отражает баланс полномочий его наднациональных институтов в соотношении с внешнеполитическими шагами государств-членов. Евросоюз получает таким образом возможность гибко подходить к своему участию в тех или иных процессах, происходящих в мире: то в качестве единого субъекта международного права, то на уровне государств-членов.

Вместе с тем и внешние партнеры ЕС имеют возможность дифференцированно выстраивать отношения с Европейским союзом и его государствами-членами, точно так же – «зеркально» – взаимодействуя либо с Союзом в целом, либо с отдельными из его членов. Последнее обстоятельство позволяет внешним партнерам ЕС играть на очевидных – и в ряде случаев неизбежных – расхождениях в позиции отдельных государств-членов ЕС. А это ослабляет позиции Евросоюза в качестве «единого субъекта» международного права и международных отношений. В последние годы растущим числом западных экспертов отмечалась тенденция ко все большему восприятию Брюсселя как «нисходящего центра»² нормативного влияния.

Если раньше Евросоюз воспринимался исключительно как «фокус притяжения», и в этом ему содействовало реноме приверженца правовых основ отношений с партнерами, то после Брексита и в условиях нарастающих внутренних противоречий между «либеральными демократиями» и особой позицией демократий «нелиберальных» (Польша, Венгрия) позиции Брюсселя, утрачивающего внутреннюю стабильность, пошатнулись. Причем кардинальным образом, поскольку прямая конфронтация между Конституционным судом Польши и Люксембургским Судом ЕС по поводу польской судебной реформы и оспаривания Варшавой верховенства наднационального права ЕС над польским национальным законодательством приобрела крайне острую форму. Реагируя, Брюссель ввел штрафные санкции против Варшавы в размере 1 млн евро ежедневно.

По мере расширения сферы охвата внешних компетенций, реализуемых Евросоюзом и его государствами-членами, все более актуальный характер приобретают отдельные правовые и гносеологические грани «гибридной» природы международной правосубъектности ЕС (ни государство, ни международная организация; ни федерация, ни конфедерация). Актуальной темой зарубежных и отечественных исследований становится выяснение: а) насколько специфика этого явления вписывается в систему государствоцентричного международного права (сам Евросоюз собственное наднациональное право наделил статусом, возвышающим его над международным правом); б) насколько велико влияние права ЕС на формирование международно-правовых режимов и норм «транснационального права» в рамках международных межправительственных организаций; в) каким образом – применительно к текущей ситуации на европейском континенте – намерен Евросоюз решать задачи «поддержания мира, предотвращения конфликтов и укрепления международной безопасности», предписываемые ему ст. 21(3) ДЕС; г) каковы пределы трансформации внешних компетенций ЕС и др.

Негативные оценки третьими странами договорно-правовой практики Евросоюза вызывает его стремление добиваться для себя особых условий и уступок, закрепляемых в двусторонних договорах и соглашениях в многостороннем формате в виде «клаузул эксклюзивности» ЕС, а также применяемых им оговорок относительно некоторых договорных положений. Как правило, такие требования аргументируются «осо-

¹ Лифшиц И. М. Членство Европейского союза в международных организациях в контексте его правосубъектности // Московский журнал международного права. 2019. № 1. С. 59. DOI: 10.24833/0869-0049-2019-1-54-67.

² Bredford A. The EU as a Regulatory Power // Connectivity Wars: Why Migration, Finance and Trade are the Geo-Economic Battlefields of the Future / ed. by M. Leonard. L.: European Council on Foreign Relations / Stiftung Mercator, 2016. P. 133–139.

бым статусом» европейского права, его «автономией» и приматом, которым наделил его ЕС по отношению к международному праву. Полученные таким образом преференции и «ослабления» договорно-правового режима облегчают европейским корпорациям доступ на внешние рынки, а политическим институтам – внедрение своих моделей организации общества среди внешних партнеров. Применительно к отношениям с менее развитыми государствами итогом зачастую является установление внешнего контроля более продвинутых стран над их производственными и технологическими процессами, если не над всей системой управления, уход звеньев производственных цепочек многонациональных корпораций, размещенных на территории третьих стран, из-под действия их национального законодательства и т. п.

С осязаемыми проблемами в этом отношении столкнулся Евросоюз в 2015 г. при разрешении вышедшего в тот момент на «пик» миграционного кризиса. Нарастание неконтролируемых потоков нелегальной миграции вылилось в настолько острую проблему, что стало оказывать серьезное влияние не только на политику ЕС в сфере безопасности, но и на всю его внешнюю политику. Признание прежней системы предоставления убежища гражданам третьих стран «неработающей»¹ и защитный рефлекс побудили Евросоюз к вынесению значительной части функций миграционного контроля на «внешний периметр». Это существенно сузило возможности Брюсселя диктовать свои условия регулирования взаимоотношений в этой области, например, со странами Южного Средиземноморья², хотя не только. Сложности в отношениях с «менее мотивированными» в этом отношении к уступкам третьими странами проявились в практике применения принципа обусловленности при оформлении Евросоюзом так называемых соглашений о мобильности. Возросшее стратегическое значение для ЕС прилегающих к его границам стран и стран транзита нелегальных миграционных потоков с точки зрения смягчения остроты кризиса предоставило возможность внешним партнерам ЕС ужесточить встречные условия при подписании таких соглашений.

Современная практика реализации внешних компетенций Европейского союза свидетельствует: присущий Брюсселю пруденциальный подход к обоснованию принимаемых политических решений почти не препятствует их нарастающей радикализации. Коллизия глобальных стратегий и их правовой интерпретации участниками происходящих в Европе событий, усиливая поляризацию оценок происходящего, чревата негативными последствиями для самого Евросоюза. Позиция ЕС по «украинскому вопросу» и отношение к событиям в этой стране – одна из иллюстраций практической реализации «принципов европейского права» в экстремальной ситуации.

С февраля 2022 г. ключевым направлением реализации внешних компетенций Евросоюза стала консолидация усилий государств-членов в области обороны и безопасности. Фокус внимания в осуществлении внешних компетенций ЕС все более смещается в сферу военного сотрудничества, наращивания военно-промышленного комплекса, совершенствования систем новейших вооружений и их испытания в условиях реальных боевых действий.

В сфере Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ), где в соответствии со ст. 26 ДЕС все важнейшие вопросы, включая стратегию и руководящие принципы ее осуществления, решаются на уровне Европейского совета, отменяется одно табу за другим³. Впервые в рамках Европейской оборонной инициативы, призванной обеспечить автономию ЕС в этой сфере, Евросоюз приступил к закупке, разработке и экспортным поставкам вооружений, в том числе предназначенных для третьих стран, вовлеченных в вооруженный конфликт⁴. Финансирование возможно-

¹ Пакт о миграции и предоставлении убежища – основа для обновления миграционной политики // Официальный сайт ЕСВД. 2020. 25 сент. URL: <https://www.eeas.europa.eu/eeas/> (дата обращения: 22.05.2023).

² *Balfour R.* EU Conditionality after the Arab Spring. European Institute of the Mediterranean. EuroMeSCo. Paper 16. 2012. P. 16.

³ *Borrell J.* Further Measures to Respond to the Russian Invasion of Ukraine. Press Statement by High Representative. Vice-President. Brussels. 2022. 27 February. P. 1 // Official Website of the European Union. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/further-measures-respond-russian-invasion-ukraine-press-statement-high-representativevice_en (дата обращения: 03.05.2023).

⁴ Statement by President von der Leyen on further measures to respond to the Russian invasion of Ukraine. Brussels. Statement/22/1441. 2022. 22 February. P. 1 // European Commission: Official Website. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_22_1441 (дата обращения: 03.05.2023).

сти третьих государств реагировать военными средствами на кризисные ситуации и наращивания военно-оборонительного потенциала региональных и международных организаций заложено в соответствии со ст. 1(2), пп. (b)(i) и (b)(ii), а также ст. 56(1) Решения 2021/509 (CFSP) в бюджет Европейского фонда мира – внебюджетного механизма, учрежденного в 2021 г.¹ Этот последний призван «повысить роль ЕС как гарант международного мира, безопасности и предотвращения конфликтов»².

Сняты ограничения на поставки Евросоюзом летальных вооружений³ в вовлеченную в военный конфликт страну. Европейский совет также впервые заявил о выделении финансирования на приобретение и поставку летального оружия на Украину⁴. Решением Совета (CFSP) 2023/810 от 13 апреля 2023 г. размер финансирования на эти цели доведен до 4,12 млрд евро с расчетом на поставку Украине 1 млн артиллерийских снарядов, а при необходимости и ракет, в течение предстоящего года⁵.

Обращаясь 1 марта 2022 г. к Европейскому парламенту, председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен охарактеризовала «использование европейского бюджета для закупок и поставки военной техники» в третью страну, находящуюся в состоянии вооруженного конфликта, как «переломный момент» в эволюции Европейского союза, «зарождавшегося как экономическое сообщество»⁶. Отказ Евросоюза от этих прежде ключевых табу действительно позволяет говорить об элементах эволюции ЕС не только от экономического и валютного союза к политическому, но уже и к военно-политическому.

В любом случае, даже если международное право и допускает – при определенных обстоятельствах и соблюдении соответствующих обязательств – возможность поставок оружия третьим странам, передача смертоносных видов вооружений в третью страну, вовлеченную в военный конфликт, рассматривается согласно праву вооруженных конфликтов как поведение, которое исключает нейтралитет поставщика. В соответствии со ст. 5 V Гагской конвенции о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны 1907 г. и ст. 6 XIII Гагской конвенции о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны 1907 г. нейтральные страны обязаны воздерживаться от оказания прямого или косвенного содействия участникам вооруженного конфликта в виде военных поставок или оказания услуг. Отступление от этого требования лишает в соответствии с правом нейтралитета такое государство неприкосновенности его суверенной территории, включая территориальные воды и воздушное пространство⁷.

Считающаяся в значительной степени кодификацией обычного права войны XIII Гагская конвенция (ст. 6) предусматривает: «Передача, по какому бы то ни было основанию, прямо или косвенно, нейтральной державою державе воюющей – военных судов, боевых припасов или всякого военного материала, воспрещается». Как представляется, применительно к указанным действиям ЕС это означает окончательную – в юридическом отношении – утрату Евросоюзом оснований претендовать на нейтральный статус в отношении событий на Украине. А вовлеченность в них его государств-членов, входящих в состав НАТО, автоматически означает и вовлеченность самого Североатлантического альянса.

¹ *Michaels D.* EU to Fund Purchase of Weapons for First Time and Ban Entry of Russian Planes into EU Airspace // *The Wall Street Journal*. 2022. 28 February.

² Art. 1(2) and 56, Council Decision (CFSP) 2021/509 of 22 March 2021 Establishing a European Peace Facility (EPF), and Repealing Decision (CFSP) 2015/528 // *Official Journal*. 2021. 24 March. L102/18, L102/45-46; Council Decision (CFSP) 2023/577 of 13 March 2023 Amending Decision (CFSP) 2021/509 Establishing a European Peace Facility // *Ibid.* 2023. 14 March. L75/23-25.

³ *Borrell J.* Op. cit.

⁴ Art. 1(3) Council Decision (CFSP) 2022/338 of 28 February 2022 on an Assistance Measure under the European Peace Facility for the Supply to the Ukrainian Armed Forces of Military Equipment, and Platforms, Designed to Deliver Lethal Force // *Official Journal*. 2022. 28 February. L60/2.

⁵ Council Decision (CFSP) 2023/810 of 13 April 2023 Amending Decision (CFSP) 2022/338 on an Assistance Measure under the European Peace Facility for the Supply to the Ukrainian Armed Forces of Military Equipment, and Platforms, Designed to Deliver Lethal Force // *Ibid.* 2023. 14 April. L101/64-65.

⁶ Speech by President von der Leyen at the European Parliament Plenary on the Russian Aggression against Ukraine. Brussels. Speech/22/1483. 1 March 2022. P. 1 // *European Commission Official Website*. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/da/speech_22_1483 (дата обращения: 03.05.2023).

⁷ Статьи 1–3 V Гагской конвенции; ст. 1–5 XIII Гагской конвенции.

К весне 2023 г. 30 зарубежных стран поставляли летальные виды вооружений на Украину¹. В отсутствие выраженных в явном виде объяснений со стороны ряда таких государств (что уже само по себе может являться объектом правовой оценки) интерпретация соответствия таких действий требованиям и положениям права нейтралитета отдана на усмотрение правоведов и юристам-международникам². Дихотомия «соответствие-несоответствие» праву нейтралитета может быть рассмотрена с позиций сопоставления сохранения нейтралитета (благожелательный (позитивный) нейтралитет / несовершенный нейтралитет; изъятия в отношении некоторых видов нелетальных вооружений; отказ от поставок оружия) либо нарушения нейтрального статуса (с мотивирующей ссылкой на обстоятельства, требующие пресечения противоправных действий и оправдывающие применение контрмер и коллективной самообороны).

Возникает, однако, необходимость выяснения, когда – с точки зрения международного права – та или иная страна или группа стран могут рассматриваться как «воюющая сторона». Проблема имеет концептуальный характер, поскольку международно-правовое регулирование правил ведения войны выстраивается в значительной степени именно вокруг этого понятия («воюющая сторона»). Хотя с правовой точки зрения, как полагают некоторые зарубежные правоведы, в настоящее время понятия «быть стороной» и «находиться в состоянии войны» трактуются по-разному³.

Коллизия правовых интерпретаций возникает уже при обосновании практики поставок тех или иных видов вооружений изъятиями, допускаемыми самим регламентирующим международно-правовым режимом. Потому встает вопрос о критериях, которые бы позволяли четко и однозначно определять с международно-правовой точки зрения, вступила ли та или иная страна в международный вооруженный конфликт.

Верховному представителю Союза по иностранным делам и политике безопасности поручено «принять необходимые меры по обеспечению соответствия действий, предпринимаемых бенефициарием (получателем летального оружия), требованиям международного права, в том числе международных стандартов в области прав человека и требований международного гуманитарного права»⁴. Достаточно двусмысленное поручение в свете фронтовых сводок. Указывая на несовершенство международного права в сфере регулирования международной торговли оружием, специалисты отмечают, что это не позволяет исключить возможность поставок вооружений даже в том случае, когда заведомо известно о высокой вероятности его предстоящего использования вразрез с нормами и принципами международного гуманитарного права⁵.

Это придает сложившейся ситуации провокационный подтекст. Учитывая объявленную Россией цель специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины, участие, например, Германии в принятии Евросоюзом решения о поставках летального оружия третьей стране может при определенных обстоятельствах рассматриваться как подпадающее под действие ст. 106 и 107 Устава ООН со всеми вытекающими для Берлина по смыслу п. 3 Декларации четырех держав (1943) последствиями (возможность использования «всех мер»)⁶.

В порядке обоснования своей позиции по поставкам вооружений Украине ЕС апеллирует к праву международной ответственности, ссылаясь на проекты Статей об

¹ *Bartolini G.* The Law of Neutrality and the Russian/Ukrainian Conflict: Looking at State Practice // *European Journal of International Law Blog*. 2023. 11 April. P. 1.

² *Clancy P.* Neutral Arms Transfers and the Russian Invasion of Ukraine. *British Institute of International and Comparative Law // International & Comparative Law Quarterly*. First View. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. P. 1. DOI: 10.1017/S0020589323000064.

³ *Wentker A.* At war? Party Status and the War in Ukraine // *Leiden Journal of International Law*. First View. 2023. 22 February. P. 1. DOI: 10/1017/S0922156522000760.

⁴ Art. 3(1) Council Decision (CFSP) 2022/338.

⁵ *Vroege B.* Exporting Arms over Values: The Humanitarian Cost of the European Defence Fund // *European Papers*. 2021. Vol. 6. № 3. P. 1575. DOI: 10.15166/2499-8249/539.

⁶ Московская декларация 1943 г. – Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности (принята в Москве 30 октября 1943 г.). Международные документы периода Великой Отечественной войны. Вып. III. 1943 г. Ч. 2 (июль – декабрь). М., 1944. С. 63 // Электронная библиотека исторических документов: офиц. сайт. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/210630> (дата обращения: 23.04.2023).

ответственности государств¹ (СОГ, 2001) и Статей об ответственности международных организаций² (СОМО, 2011). Основным аргумент ЕС – ст. 48 СОГ и ст. 49 СОМО (серьезные нарушения обязательств, установленных для защиты коллективных интересов международного сообщества, дают право каждому члену этого сообщества, будь то государство или международная организация, призвать правонарушителя к ответственности).

Опираясь на эти два свода статей, Евросоюз оправдывает свою позицию тем, что они устанавливают обязанность каждого государства и каждой международной организации содействовать пресечению серьезного подрыва интересов и устоев международного сообщества в целом (*jus cogens*), среди которых, прежде всего, запрет на применение силы (ст. 41 СОГ и ст. 42 СОМО). Собственные санкционные меры ЕС классифицирует как «действия в рамках коллективной самообороны» с целью «пресечения законными средствами нарушения императивной нормы – запрета на применение силы». Между тем возможность региональных группировок выступать от имени всего международного сообщества без мандата Совета Безопасности ООН в международном праве четко не оговорена. Нейтрализация чреватых «угрозой региональных конфликтов и мировой войны» устремлений «любых государств и межгосударственных объединений... присваивать себе преимущественную ответственность за поддержание международного мира и безопасности» – одно из ключевых направлений усилий России в рамках принятой в 2023 г. Концепции внешней политики³.

Как бы то ни было, отказ ЕС от упомянутых табу может радикально изменить роль ЕС на международной арене. Евросоюз принимает на себя расширенные полномочия и «более высокую ответственность в урегулировании крупных международных конфликтов»⁴. Это абсолютно новый элемент в реализации внешних компетенций и политике ЕС.

Показательным является пересмотр Брюсселем собственных ограничений по отношению к кандидатам на вступление в ЕС. Новые концептуальные подходы ЕС, еще более «дифференцированное», чем прежде, отношение Союза к критериям участия в европейской интеграции новых кандидатов и «подгонка» критериев соответствия под «политическую конъюнктуру» получили отражение в рамках приготовлений к ускоренному решению вопроса о вступлении Украины в ЕС и НАТО. Неурегулированность территориальных споров, нахождение в состоянии военной конфронтации, а теперь еще и полной разрухи экономики, хотя и абсолютно расходятся с установленными Копенгагенскими критериями⁵ на вступление в Евросоюз ст. 6(1) и 49 ДЕС и Декларацией Европейского совета в Копенгагене (1993)⁶, уже не рассматриваются как непреодолимое препятствие. Юридическая интерпретация этих критериев все более уступает место политическим соображениям. Хотя даже выход на полное со-

¹ Док. А/56/10. Доклад Комиссии международного права о работе ее 53-й сессии (23 апреля – 1 июня и 2 июля – 10 августа 2001 г.). Проекты Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Ежегодник Комиссии международного права, 2001. Т. II. Часть вторая. А/CN.4/SER.A/2001/Add.1 (Part 2). Доклад Комиссии Генеральной Ассамблеи о работе ее 53-й сессии. Нью-Йорк; Женева, 2007. С. 26–256.

² Док. А/66/10. Дополнение № 10, пп. 80–84. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. 66-я сессия; Док. А/63/10. Дополнение № 10. Доклад Комиссии международного права. 60-я сессия (5 мая – 6 июня и 7 июля – 8 августа 2008 г.). Проекты Статей об ответственности международных организаций, принятый Комиссией до настоящего времени в предварительном порядке. Нью-Йорк, 2008. С. 279–322.

³ Пункт 24(2) Указа Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

⁴ Enzo C., Rasi A. Europe at War. Editorial // *European Papers*. 2021. Vol. 6. № 3. P. 1523–1525. DOI: 10.15166/2499-8249/540.

⁵ Предполагают: а) стабильность институтов, гарантирующих демократию, верховенство права, права человека и уважение и защиту меньшинств; б) функционирующую рыночную экономику и способность справляться с конкурентным давлением и рыночными силами в ЕС; в) способность принимать на себя обязательства членства, включая способность эффективно применять правила, стандарты и политику, составляющие свод права ЕС («*acquis*»), и приверженность целям политического, экономического и валютного союза.

⁶ Accession criteria (Copenhagen criteria) // Official Website of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/glossary/accession-criteria-copenhagen-criteria.html> (дата обращения: 17.06.2023).

ответствие Копенгагенским критериям – еще не гарантия практического решения, поскольку все в итоге зависит еще и от «способности ЕС принять новых членов»¹.

Контакты ЕС с Украиной и другими странами, уже обладающими или только еще претендующими на такой же, как у нее, статус кандидата на вступление в ЕС², стимулирование их заблаговременного перехода на нормы и стандарты Союза, гармонизации и адаптации своего национального законодательства к требованиям законодательства Евросоюза используются Брюсселем для подведения этих стран к «точке невозврата». Инструментом «транзита» являются соглашения об ассоциации, партнерстве, стабилизации и др. При этом на кандидатов на вступление в ЕС, а во многих отношениях – и на «кандидатов в кандидаты» распространяется обязательство проводить единую внешнюю политику с ЕС. Подпись третьей страны под соглашением об ассоциации с ЕС уже подразумевает внедрение в ее национальное законодательство европейских нормативов, которые подлежат имплементации в юрисдикцию нового подписанта.

Как подобная «гибкость» подходов и возрастающее влияние политической конъюнктуры сказываются и еще могут сказаться на внешнем восприятии Евросоюза и реализации осуществляемой им стратегии действий, позволяет судить уже само сопоставление рассматриваемых здесь, зачастую диаметральных, экспертных оценок. Принцип соразмерности политико-правовых амбиций реальному ресурсному потенциалу – ключевой ограничитель во внешней политике Брюсселя. Характерна в этом плане позиция довольно многих военных аналитиков, склонных полагать, что наблюдаемый в настоящее время «обратный разворот» США к Европе и возросшее здесь американское военное присутствие обрекают на заведомую неудачу планы ЕС на достижение упомянутой выше стратегической автономии³. Это предполагает искусное маневрирование между ведущими «правовыми полюсами» мира, что делать становится все труднее.

Резко изменившаяся обстановка на европейском континенте и меняющийся под воздействием «политической конъюнктуры» характер взаимоотношений между Россией и ЕС, а также с другими ведущими странами придают «новое измерение» стратегии ЕС в глобальной конкуренции юрисдикций. Новый смысл и значение получают все или почти все аспекты реализуемых Евросоюзом внешних компетенций и их правового обоснования. Те качества, которые были важны и имели решающее значение в более-менее устоявшихся условиях на протяжении последних трех десятилетий, в том числе в сфере конкуренции юрисдикций, «меняют свой вес» под воздействием стремительно изменяющейся обстановки в мире.

Они будут оцениваться «внешними наблюдателями» с новых позиций, в том числе сквозь правовую призму анализа событий на европейском континенте. В этой ситуации третьи страны и международные организации – теперь уже под несколько иным углом зрения – могут и будут рассматривать и оценивать роль и значение Европейского союза в мировой политике и формировании разных направлений международно-правовой повестки дня. А значит, могут и иначе, чем ранее, относиться к самим правовым нормам и стандартам, закладываемым Евросоюзом в основу не только «соглашений по мобильности», но и других договорно-правовых актов с внешними партнерами, особенно в обстановке глобальных финансово-экономических, энергетических, продовольственных и иных кризисов, конфликтных ситуаций и правовых коллизий.

¹ Par. 14, European Council Meeting (23 and 24 June 2022) – Conclusions: Section III (Membership Applications of Ukraine, Moldova and Georgia), EUCO 24/22. CO EUR 21 CONCL 5. Brussels, 24 June 2022. P. 2 // European Council Official Site. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/57442/2022-06-2324-euco-conclusions-en.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).

² Перспектива членства в ЕС в обмен на глубокие структурные преобразования предложена Албании, Боснии и Герцеговине, Грузии, Косово, Северной Македонии, Молдавии, Сербии, Турции, Украине, Черногории. Решению вопроса о вступлении в ЕС Турции, наряду с неурегулированностью «курдского вопроса» и ряда других (непризнание геноцида армян в 1915 г., обязательства по защите персональных данных), препятствует осуществленная ею в 1974 г. оккупация северной части Кипра и оспаривание суверенитета южной части острова.

³ *Haroche P., Brugier C.* 2027: The Year of European Strategic Autonomy // *Groups d'études géographiques. Working Paper.* April 2023. P. 1; *Meijer H., Brooks S. G.* Illusions of Autonomy: Why Europe Cannot Provide for its Security if the United States Pulls Back // *International Security.* 2021. Vol. 45. № 4. P. 7–43.

Как почти единогласно указывают большинство отечественных и многие из западных исследователей, Евросоюз переживает экзистенциальный кризис. Преодоление внешних угроз вышло на первый план среди качественно новых задач реализации Евросоюзом внешних компетенций. А кардинальное изменение условий, как правило, является основанием и влечет за собой изменение правовых норм. Основа «правовой реинкарнации» и оперативной адаптации «принципов и целей» внешних действий ЕС в постоянно меняющемся мире заложена ст. 28(1) ДЕС.

На то, что Евросоюз уже давно ведет поиск приемлемых для него форм адаптации своих политико-правовых отношений к меняющимся внешним условиям и требованиям *Realpolitik*, указывают многие события. В официальных документах ЕС на регулярной основе стал использоваться термин «глобальный порядок, основанный на правилах», «подменяющий», – обращал внимание глава МИД России С. В. Лавров, – международное право и Устав ООН¹. Эта терминология использовалась в Глобальной стратегии ЕС (2016), Стратегии взаимодействия со странами Азии (2018), дополненной Стратегией «Глобального доступа» (2021); сохраняется и в уже упомянутом Стратегическом компасе (2022). В итоге в зависимости от их исхода может измениться не только сам образ Европейского союза, но и характер его восприятия в мире. Оно может оказаться как со знаком «плюс», так и со знаком «минус». Соответственно, могут по-разному трансформироваться и подходы третьих стран к правовым нормам и стандартам договорно-правовых отношений с ЕС. Россия, как отметил С. В. Лавров, уже «рассматривает ЕС в качестве недружественного объединения»².

Сегодня принципиально меняются подходы стран к международному взаимодействию. Если раньше глобальная взаимозависимость оценивалась в конструктивном ключе и считалась фактором экономического роста, расцвета и благополучия, то в нынешней обстановке нарастающего изоляционизма ряд государств проявляют все большую склонность воспринимать взаимозависимость как фактор разрушительной уязвимости и инструмент деструктивного взаимного сдерживания. Многие страны начали активно использовать свои «асимметричные связи и взаимозависимости» как инструмент влияния, а чаще всего, уже и прямого давления на внешних партнеров.

Каждая из сторон использует любые имеющиеся у нее преимущества – будь то военно-технологические, финансовые, информационные или же природные, сырьевые, демографические – как инструменты влияния. Ведущие державы используют в этом качестве всю совокупность контролируемых ими асимметричных глобальных взаимозависимостей. Доминирование в любой сфере либо ее целенаправленное разрушение создает новые геополитические реалии, которые, еще не имея устоявшихся механизмов правового регулирования, превращаются в «гибридное оружие» в руках лидера. Периодический бойкот или блокирование ведущими странами мира тех или иных механизмов международного взаимодействия, сознательный отказ отдельных стран от участия или исключение ими конкурентов из сложившихся международных режимов лишают мировое сообщество эффективных международно-правовых регламентирующих инструментов.

Использование Европейским союзом имеющихся взаимозависимостей в качестве инструмента такого влияния – реальный факт. Превращение допуска на европейский рынок, режима экспортного контроля, защиты прав интеллектуальной собственности, патентного права, правозащитной тематики, наконец, самих принципов демократии в «гибридные» инструменты давления на третьи страны и даже, пользуясь сравнением Урсулы фон дер Ляйен, в «оружие демократии»³ выполняет, по аналогии с «технологической западной» для менее развитых стран, функцию «правовой ловушки» уже для всех. Закладываемые ЕС в двусторонние договоры политически обусловленные требования в значительной степени сковывают европейскими регламентирующими нормами свободу правового маневра его внешних партнеров.

¹ Выступление министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе открытых дебатов СБ ООН на тему «Эффективная многосторонность через защиту принципов Устава ООН» 24 апреля 2023 г. // Официальный сайт Постоянного представительства РФ при ООН. URL: https://russiaun.ru/ru/news/240423_sc (дата обращения: 16.06.2023).

² Интервью министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова газете «Аргументы и факты» 4 апреля 2023 г. // Официальный сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1861490/ (дата обращения: 17.06.2023).

³ Speech by President von der Leyen.

Изучение оценок эффективности реализации Евросоюзом внешних компетенций лишь в последнее время начинает входить в круг исследовательских заданий зарубежных аналитических центров. Вплоть до недавнего времени в теории международных отношений ЕС даже в рамках сравнительных исследований в области международного права¹ вопросы оценки эффективности используемых Евросоюзом в этих целях инструментов и методов и их правового оформления оставались «в тени». Несколько в большей степени внимание этому аспекту периодически уделялось в отдельных европейских исследованиях².

Внутренние и внешние оценки качественных параметров внешнеполитического инструментария ЕС стали предметом рассмотрения в рамках предпринятого здесь анализа ввиду их несомненного значения как с теоретической, так и с прикладной точки зрения. Периодическая «инвентаризация» Евросоюзом входящих в этот арсенал инструментов и их «правового обрамления» – неотъемлемый элемент актуализации, уточнения и корректировки реализуемой им стратегии действий. Косвенно это свидетельствует о вступлении Евросоюза в новую фазу своей эволюции, когда уже сформировалось понимание далеко не беспредельных границ экспансии европейского интеграционного проекта и, следовательно, возрастающей зависимости его дальнейших перспектив от внешних факторов. Критерием (не)эффективности реализации Брюсселем внешних компетенций можно считать уже саму смену его правовых приоритетов и ориентиров, пересмотр подхода к их правовому обоснованию, снятие прежних запретов и придание сменившей их прежде не приветствуемой деятельности характера категорического экзистенциального императива. Предпринятый здесь анализ этой динамики, как представляется, подтверждает прикладное значение и целесообразность акцента на рассмотренных новых аспектах исследуемой темы.

В обстановке высокой состязательности правовых систем и режимов в глобальной конкуренции юрисдикций каждый из ее участников добивается максимального отражения собственных нормативных положений, правовых принципов и подходов, регламентов и стандартов в международно-правовых режимах. Ведущие державы оказывают давление на внешних партнеров, вынуждая их следовать в фарватере, в противном случае добиваются экстерриториального применения норм своего национального законодательства, понуждая остальных если не безоговорочно следовать его требованиям, то быть готовыми к штрафным санкциям.

Список литературы

Лифшиц И. М. Членство Европейского союза в международных организациях в контексте его правосубъектности // Московский журнал международного права. 2019. № 1. С. 54–67. DOI: 10.24833/0869-0049-2019-1-54-67.

Международное право: учеб. для бакалавров / отв. ред. Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков. М.: Статут, 2017. 496 с.

Рафалюк Е. Е., Залоило М. В., Власова Н. В. Правовые модели интеграционных объединений государств Евразии и Латинской Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2. С. 103–113.

Шебанова Н. А. МЕРКОСУР: Правовые аспекты создания и функционирования новой латиноамериканской интеграции // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 3. С. 46–67.

Balfour R. EU Conditionality after the Arab Spring. European Institute of the Mediterranean. EuroMeSCo. Paper 16. 2012. 35 p.

Bartolini G. The Law of Neutrality and the Russian/Ukrainian Conflict: Looking at State Practice // European Journal of International Law Blog. 2023. 11 April. 9 p.

Bradley C. A. Foreign Relations Law as a Field of Study // American Journal of International Law. 2017. Vol. 111. P. 316–320. DOI: 10.1017/aju.2017.87.

Bredford A. The EU as a Regulatory Power // Connectivity Wars: Why Migration, Finance and Trade are the Geo-Economic Battlefields of the Future / ed. by M. Leonard. L.: European Council on Foreign Relations / Stiftung Mercator, 2016. P. 133–139.

¹ Bradley C. A. Foreign Relations Law as a Field of Study // American Journal of International Law. 2017. Vol. 111. P. 316–320. DOI: 10.1017/aju.2017.87.

² Chaban N., Headley J. Perceptions of the EU in its Eastern Neighbourhood: 30 Years on from the Collapse of the Soviet Union [Special Section (Part 1)] // European Foreign Affairs Review. 2021. Vol. 26. № 4. P. 553–558. DOI: 10.54648/eerr2021042; *idem*. Perceptions, Narratives and Attitudes: New Perspectives and Geographies in the Study of External Perceptions of the EU [Special Section (Part 2)] // Ibid. 2022. Vol. 27. № 1. P. 57–60. DOI: 10.54648/EERR2022004.

Chaban N., Headley J. Perceptions of the EU in its Eastern Neighbourhood: 30 Years on from the Collapse of the Soviet Union [Special Section (Part 1)] // *European Foreign Affairs Review*. 2021. Vol. 26. № 4. P. 553–558. DOI: 10.54648/eerr2021042.

Chaban N., Headley J. Perceptions, Narratives and Attitudes: New Perspectives and Geographies in the Study of External Perceptions of the EU [Special Section (Part 2)] // *European Foreign Affairs Review*. 2022. Vol. 27. № 1. P. 57–60. DOI: 10.54648/EERR2022004.

Clancy P. Neutral Arms Transfers and the Russian Invasion of Ukraine. British Institute of International and Comparative Law // *International and Comparative Law Quarterly*. First View. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. P. 1–17. DOI: 10.1017/S0020589323000064.

Enzo C., Rasi A. Europe at War. Editorial // *European Papers*. 2021. Vol. 6. № 3. P. 1523–1525. DOI: 10.15166/2499-8249/540.

Haroche P., Brugier C. 2027: The Year of European Strategic Autonomy // *Groups d'études géographiques*. Working Paper. April 2023. 9 p.

Keohane R. O., Victor D. G. The Regime Complex for Climate Change // *Perspectives on Politics*. 2011. Vol. 9. № 1. P. 7–23.

Krasner S. D. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables // *International Organisations*. Cambridge University Press. 1982. Vol. 36. № 2. P. 185–205.

Laffan B. The European Union: A Distinctive Model of Internationalisation? // *European Integration Online Papers*. 1997. 26 October. Vol. 1. № 18. 17 p.

Meijer H., Brooks S. G. Illusions of Autonomy: Why Europe Cannot Provide for its Security if the United States Pulls Back // *International Security*. 2021. Vol. 45. № 4. P. 7–43.

Michaels D. EU to Fund Purchase of Weapons for First Time and Ban Entry of Russian Planes into EU Airspace // *The Wall Street Journal*. 2022 27 February.

Regime Interaction in International Law: Facing Fragmentation / ed. by M. A. Young. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 1–20. DOI: 10.1017/CBO9780511862403.001.

Smith M. The European Union and International Order: European and Global Dimensions // *European Foreign Affairs Review*. 2007. Vol. 12. № 4. 26 p., DOI:10.54648/EERR2007040.

Tatham A. F. The Influence of CJEU Decisions on Other Regional Courts // Обеспечение единообразного применения права Евразийского экономического союза: роль Суда: сб. материалов междунар. конф. Суда Евразийского экономического союза (г. Минск, 17–19 ноября 2021 г.) / отв. ред. А. С. Бугаева. Минск: Колорград, 2021. P. 128–141.

Vroege B. Exporting Arms over Values: The Humanitarian Cost of the European Defence Fund // *European Papers*. 2021. Vol. 6. № 3. P. 575–1601. DOI: 10.15166/2499-8249/539.

Wentker A. At War? Party Status and the War in Ukraine // *Leiden Journal of International Law*. First View. 2023. 22 February. P. 1–14. DOI: 10/1017/S0922156522000760.

Young M. A. Chapter 4. Fragmentation, Regime Interaction and Sovereignty // *Sovereignty, Statehood and State Responsibility: Essays in Honour of James Crawford* / ed. by C. Chinkin, F. Baetens. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 71–89. DOI: 10.1017/CBO9781107360075.008.

References

Balfour R. (2012) *EU Conditionality after the Arab Spring*. European Institute of the Mediterranean, EuroMeSCo, Paper 16, 35 p.

Bartolini G. (2023) The Law of Neutrality and the Russian/Ukrainian Conflict: Looking at State Practice. In *European Journal of International Law Blog*, April 11, 9 p.

Bradley C. A. (2017) Foreign Relations Law as a Field of Study. In *American Journal of International Law*, vol. 111, pp. 316–320, DOI: 10.1017/aju.2017.87.

Bredford A. (2016) The EU as a Regulatory Power. In Leonard M. (Ed.). *Connectivity Wars: Why Migration, Finance and Trade are the Geo-Economic Battlefields of the Future*. London, European Council on Foreign Relations / Stiftung Mercator, pp. 133–139.

Chaban N., Headley J. (2021) Perceptions of the EU in its Eastern Neighbourhood: 30 Years on from the Collapse of the Soviet Union [Special section (Part 1)]. In *European Foreign Affairs Review*, vol. 26, no. 4, pp. 553–558, DOI: 10.54648/eerr2021042.

Chaban N., Headley J. (2022) Perceptions, Narratives and Attitudes: New Perspectives and Geographies in the Study of External Perceptions of the EU [Special section (part 2)]. In *European Foreign Affairs Review*, vol. 27, no. 1, pp. 57–60, DOI: 10.54648/EERR2022004.

Clancy P. (2023) Neutral Arms Transfers and the Russian Invasion of Ukraine. British Institute of International and Comparative Law. In *International and Comparative Law Quarterly, First View*, Cambridge, Cambridge University Press, pp. 1–17, DOI: 10.1017/S0020589323000064.

Enzo C., Rasi A. (2021) Europe at War. Editorial. In *European Papers*, vol. 6, no. 3, pp. 1523–1525, DOI: 10.15166/2499-8249/540.

Haroche P., Brugier C. (2023) 2027: The Year of European Strategic Autonomy. In *Groups d'études géographiques, Working Paper*, April, 9 p.

Keohane R. O., Victor D. G. (2011) The Regime Complex for Climate Change. In *Perspectives on Politics*, vol. 9, no. 1, pp. 7–23.

Krasner S. D. (1982) Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables. In *International Organisations*, Cambridge University Press, vol. 36, no. 2, p. 185–205.

Laffan B. (1997) The European Union: A Distinctive Model of Internationalisation? In *European Integration Online Papers*, October 26, vol. 1, no. 18, 17 p.

Lifshits I. M. (2019) Chlenstvo Yevropeyskogo soyuza v mezhdunarodnykh organizatsiyakh v kontekste ego pravosub'ektnosti [Membership of the European Union in international organizations in the context of its legal personality]. In *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 1, pp. 54–67, DOI: 10.24833/0869-0049-2019-1-54-67.

Meijer H., Brooks S. G. (2021) Illusions of Autonomy: Why Europe Cannot Provide for its Security if the United States Pulls Back. In *International Security*, vol. 45, no. 4, pp. 7–43.

Michaels D. (2022) EU to Fund Purchase of Weapons for First Time and Ban Entry of Russian Planes into EU Airspace. In *The Wall Street Journal*, February 28.

Rafalyuk E. E., Zaloilo M. V., Vlasova N. V. (2017) Pravovye modeli integratsionnykh ob"edinenii gosudarstv Evrazii i Latinskoj Ameriki [Legal models of integration associations of the states of Eurasia and Latin America]. In *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, no. 2, pp. 103–113.

Shebanova N. A. (2015) MERKOSUR: Pravovye aspekty sozdaniya i funktsionirovaniya novoi latinoamerikanskoi integratsii [MERCOSUR: Legal aspects of the creation and functioning of the new Latin American integration.]. In *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, no. 3, pp. 46–67.

Smith M. (2007) The European Union and International Order: European and Global Dimensions. In *European Foreign Affairs Review*, vol. 12, no. 4, 26 p., DOI: 10.54648/EERR2007040.

Tatham A. F. (2021) The Influence of CJEU Decisions on Other Regional Courts. In Bugaeva A. S. (Ed.) *Obespecheniye yedinoobraznogo primeneniya prava Yevraziyskogo ekonomicheskogo soyuza: rol' Suda: sbornik materialov Mezhdunarodnoi konferentsii Suda Yevraziyskogo ekonomicheskogo soyuza (Minsk, 17–19 November 2021)*. Minsk, Kolorgrad, pp. 128–141.

Valeev R. M., Kurdyukov G. I. (Ed.) (2017) *Mezhdunarodnoe pravo: uchebnyk dlya bakalavrov* [International law: textbook for bachelors]. Moscow, Statut, 496 p.

Vroege B. (2021) Exporting Arms over Values: The Humanitarian Cost of the European Defence Fund. In *European Papers*, vol. 6, no. 3, pp. 575–1601, DOI: 10.15166/2499-8249/539.

Wentker A. (2023) At war? Party Status and the War in Ukraine. In *Leiden Journal of International Law, First View*, February 22, pp. 1–14, DOI: 10.1017/S0922156522000760.

Young M. A. (2015) Chapter 4. Fragmentation, Regime Interaction and Sovereignty. In Chinkin C., Baetens F. (Ed.) *Sovereignty, Statehood and State Responsibility: Essays in Honour of James Crawford*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 71–89, DOI: 10.1017/CBO9781107360075.008.

Young M. A. (Ed.) (2012) *Regime Interaction in International Law: Facing Fragmentation*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1–20, DOI: 10.1017/CBO9780511862403.001.

ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИНЦИПА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ФЕДЕРАЛИЗМА И СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ¹

Павлова Мария Андреевна

Ассистент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0009-0001-3098-1669,
e-mail: mapakima@mail.ru.

В статье осуществлен анализ регулирования социальной справедливости в историческом контексте посредством рассмотрения российских конституций, взглядов представителей власти на содержание социальной справедливости в разные периоды, а также представлений советских граждан. Предложено авторское видение отражения социальной справедливости в нормах действующей Конституции с учетом позиций конституционалистов. Рассмотрен отечественный и зарубежный опыт выравнивания уровня жизни населения в условиях этнического и языкового многообразия. В этом же ключе затронута проблема неравномерного развития регионов страны. Показана роль федерализма в развитии социальной справедливости в России.

Ключевые слова: социальная справедливость, Конституция, конституционные права и свободы, социальная дифференциация, федерализм, этническое и языковое многообразие

Для цитирования: Павлова М. А. Эволюция конституционного регулирования принципа социальной справедливости в России в контексте федерализма и социальной дифференциации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 4. С. 41–51. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_41.

THE EVOLUTION OF CONSTITUTIONAL REGULATION OF THE PRINCIPLE OF SOCIAL JUSTICE IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF FEDERALISM AND SOCIAL DIFFERENTIATION

Pavlova Maria

Assistant, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
ORCID: 0009-0001-3098-1669, e-mail: mapakima@mail.ru.

The article analyzes the regulation of social justice in a historical context by examining the Russian constitutions, the views of government representatives on the content of social justice in different periods of history, as well as the views of Soviet citizens. The author offers their own vision of reflecting social justice in the norms of the current Constitution, considering the positions of constitutionalists. Domestic and foreign experience of equalizing the standard of living of the population in conditions of ethnic and linguistic diversity is considered. In the same vein the problem of uneven development of the country's regions is touched upon. The role of federalism is demonstrated in the development of social justice in Russia.

Key words: social justice, Constitution, constitutional rights and freedoms, social differentiation, federalism, ethnic and linguistic diversity

*For citation: Pavlova M. (2023) The evolution of constitutional regulation of the principle of social justice in Russia in the context of federalism and social differentiation. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 41–51, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_41.*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева в рамках реализации проекта ведущей научной школы № 0604/23.

В современном обществе социальная справедливость является одной из важнейших ценностей и залогом стабильности в государстве. К формулировке принципа социальной справедливости конституционное право шло постепенно, причем нельзя отрицать и влияния на этот процесс первой и последующих советских конституций¹. Сам термин «социальная справедливость» не был использован в советских конституциях. Тем не менее отражающие ее в той или иной мере положения закреплялись в конституционном тексте и зависели от: идеологии, которая была характерна для Советского государства; общественных ценностей; экономических и социальных приоритетов; политической системы и в целом особенностей разных исторических периодов. Соответственно, и представления о социальной справедливости с развитием государства также менялись.

Первая социалистическая Конституция РСФСР 1918 г. (принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.), некоторые более поздние советские конституции, советское законодательство для реализации социальной справедливости (как она понималась в марксизме-ленинизме) закрепляли революционное установление диктатуры пролетариата, ликвидацию частной собственности и класса «эксплуататоров», запрет частной предпринимательской деятельности, неравноправие различных классов, слоев общества, индивидов и т. д.² Маркс перенес требования социальной справедливости от индивида на отношения социальных слоев населения и организацию общества³. Идеи марксизма-ленинизма выражались в таких положениях Конституции, как уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и др.

Необходимо отметить, что Конституция 1918 г. не содержала отдельной главы, посвященной правам всех граждан. Упор делался именно на трудящихся. Социальная дифференциация в определенной степени была выражена через классовое неравноправие или, говоря современным языком, социальное неравенство. Свидетельством были и лозунги того времени: «Кто не работает – тот не ест», «Учись сражаться за дело рабочего класса!», «От каждого – по способностям, каждому – по труду» и др. Они отражали некую анаморфическую модель социальной справедливости, существовавшую в то время.

Преимущества трудящихся нашли отражение в разделе Конституции, включавшем Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа и содержавшем положения о предоставлении рабочим и беднейшим крестьянам полного, всестороннего и бесплатного образования; права свободно устраивать собрания, митинги, шествия и т. д.

Согласно основной социалистической обществуведческой догме социальная справедливость понималась как государственная политика более-менее равномерного распределения благ среди всех социально-учетных групп. «Более-менее» в данном случае означает, что одни социальные группы получали больше, а другие – меньше, в соответствии с государственными приоритетами, их ролью в процессе социалистического строительства⁴.

Конституция РСФСР 1925 г. (утверждена постановлением XII Всероссийского съезда Советов от 11 мая 1925 г.) в значительной мере сохранила те нормы, которые были заложены в предыдущем Основном законе 1918 г. Безусловно, сохранялся и марксистско-ленинский подход к содержанию социальной справедливости, при этом существенно расширились права трудящихся. В частности, были провозглашены свобода совести; свобода слова и печати; свобода союзов; предоставление полного, всестороннего и бесплатного образования и др. Конституция существенно смягчила

¹ Чиркин В. Е. Принцип социальной справедливости в конституционном измерении // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 39.

² Там же. С. 39.

³ Чиркин В. Е. Социальная справедливость и российская конституция // Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Т. А. Сошниковой. М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2015. С. 19.

⁴ Васькина О. Э. Социальная справедливость в массовом сознании советского общества // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 8. С. 24.

формулировки норм о насилии, подавлении и уничтожении «паразитических» слоев общества¹.

В целом период конца 1920-х – начала 1950-х гг. характеризовался социальной политикой, нацеленной прежде всего на создание условий для ускоренной индустриализации, на обслуживание экономических потребностей, заботу «о трудовой силе», обеспечение страны квалифицированными кадрами и удовлетворение нужд, в первую очередь работающего населения². Из этого можно заключить, что получение социальных благ ставилось в зависимость от статуса советского гражданина и его вклада в развитие государства.

Конституция РСФСР 1937 г. (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского съезда Советов от 21 января 1937 г.) называлась Конституцией «построенного социализма», с позиции социальной дифференциации, безусловно, положительным являлась отмена ограничений для некоторых слоев общества.

Известно, что положения Конституции в основном носили декларативный характер, так как большинство из них не получали реализации на практике. Тем не менее уже тогда зарождались нормативные основы для преодоления социального расслоения, что фиксировалось главным образом в положениях о равноправии граждан РСФСР независимо от их национальности и расы (как видно, в несколько усеченном виде), в запрете эксплуатации человека человеком, а также и в появившейся отдельной главе, посвященной основным правам и обязанностям всех граждан. Труд был провозглашен именно как *право*³ граждан РСФСР. Закреплялось, что граждане имеют право на отдых, на различные виды социальных гарантий (право на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности). Значительно были расширены гарантии, касающиеся права на образование (всеобщая обязательность начального образования, бесплатность всех видов образования, система государственных стипендий и др.). Гражданам РСФСР гарантировались свободы слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций и т. д.

Существовавший долгое время четко выстроенный марксистско-ленинский подход к понятию социальной справедливости в данной Конституции видоизменился, соответственно, это требовало новых концептуальных подходов к понятию и содержанию такого явления. Те положения, которые были закреплены в Конституции СССР 1936 г. (на основе которой была принята Конституция РСФСР 1937 г.), с современных позиций относятся к социальной справедливости, но тогда, как показывает исследование Ю. Б. Епихиной, существовало негласное табу на исследование проблем социальной справедливости. Это табу связывалось с аморализмом и безнравственностью самой эпохи, культом личности И. В. Сталина и политическими репрессиями⁴. Следовательно, и определенно сформулированный конституционный подход к пониманию и содержанию социальной справедливости того времени увидеть нельзя.

С наступлением эпохи «развитого социализма» была принята Конституция РСФСР 1978 г. (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 г.). В одном из своих выступлений М. С. Горбачев так раскрыл содержание понятия социальной справедливости применительно к социализму: «Социальная справедливость воплощена у нас в реальном народовластии, равном отношении к средствам производства, в таких фундаментальных ценностях, как равное право на труд и его вознаграждение, образование, медицинскую помощь и социальное обеспечение, широкий доступ к достижениям духовной культуры»⁵. В сознании советского общества понятие социальной справедливости сводилось к тому, что власти должны заботиться о населении, обеспечивая его основные потребности –

¹ Принятие конституции СССР // История.пф. URL: <https://histrf.ru/read/articles/priniatiie-konstitutsii-sssr-event> (дата обращения: 20.08.2023).

² Данилова Е. Н. Периоды изменений в социальной политике и представлениях о социальной справедливости в России // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2. С. 20.

³ Далее по тексту курсив наш. – М. П.

⁴ Епихина Ю. Б. Основные векторы интерпретации понятия «социальная справедливость» в советском обществоведении // Социальная справедливость в русской общественной мысли / лит. ред. О. А. Афанасьева. М.: Ин-т социологии Российской академии наук, 2016. С. 167.

⁵ Цит. по: Анисимов С. Ф. Духовные ценности. Производство и потребление. М.: Мысль, 1988. С. 199.

в работе, жилье, прожиточном минимуме, социальном обеспечении, образовании и т. п.¹

С течением времени положения, относящиеся к социальной справедливости, претерпели некоторые не столь обширные изменения. Одним из таких положений применительно к Конституции 1978 г., по мнению В. Е. Чиркина, является провозглашение вместо диктатуры пролетариата общенародного социалистического государства² как государства, которое выражает интересы всего народа. Значительно расширились права и гарантии человека и гражданина, например право на охрану здоровья, право на жилище и др.

Во время перестройки была подготовлена идеологическая платформа для смены концепции социальной справедливости и социальной политики. В те годы была заложена основа для нового прочтения содержания социальной справедливости и, соответственно, основных принципов и функций социальной политики, которая начала реализовываться позже, в 1990-е гг. Несмотря на то что основа все еще была марксистской, основными корректирующими линиями были те, что позволяли учитывать социальную дифференциацию и индивидуалистические трактовки социальной справедливости. С этих позиций социальная справедливость представляет собой механизм регулирования социальной дифференциации, предусматривающий применение различных механизмов распределения³.

В Конституции РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) отражение социальной справедливости можно проследить на трех уровнях. Во-первых, собственно о справедливости говорится в преамбуле Конституции в контексте памяти предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и *справедливость*. Во-вторых, в ст. 7 Конституции Россия провозглашается *социальным государством*. В-третьих, в Конституции обозначены в качестве высшей ценности права и свободы человека и гражданина, непосредственно определяющие целевую природу социального государства и, следовательно, содействие в стремлении к социальной справедливости.

Поскольку мы преимущественно придерживаемся более узкого подхода к пониманию социальной справедливости, в которой усматривается исключительно характер социальной направленности, то определяем ее содержание в конкретных конституционных нормах о социальных правах и свободах человека и гражданина: свобода труда; запрет принудительного труда; право на труд, отвечающий условиям безопасности и гигиены; право на вознаграждение за труд; право на отдых; право на социальное обеспечение; право на государственную поддержку и защиту семьи, материнства, отцовства и детства; право на государственную поддержку пожилых граждан, инвалидов; право на жилище; право на охрану здоровья и медицинскую помощь; право на создание профессиональных союзов, иных общественных объединений для защиты социальных и экономических интересов и др. Считаем, что сюда необходимо также включать и норму Конституции РФ о том, что в случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь может оказываться бесплатно.

Как сказал Президент Российской Федерации В. В. Путин, «социальная справедливость была главным ориентиром при разработке поправок в Конституцию»⁴. В связи с этим необходимо отметить, что Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г.⁵ обозначил новые векторы, направленные на достижение социальной справедливости. Например, возложение государством на себя обязанностей родителей в отношении детей, оставшихся без попечения; обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи; сохранение и укрепление общественного здоровья; социальная защита, включая социальное обеспечение; создание условий для повышения благосостояния граждан и др.

¹ Васькина О. Э. Указ. соч. С. 25.

² Чиркин В. Е. Социальная справедливость и российская конституция. С. 20.

³ Данилова Е. Н. Указ. соч. С. 28.

⁴ Социальная справедливость была главным ориентиром при разработке поправок в Конституцию // Новости. Первый канал. URL: https://www.itv.ru/news/2020-06-08/387320-sotsialnaya_spravedlivost_byla_glavnym_orientirom_pri_razrabotke_popravok_v_konstitutsiyu (дата обращения: 20.08.2023).

⁵ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

Между тем конституционалисты выделяют «элементы социальной справедливости в Конституции», относящиеся не только к социальной сфере государства, что говорит о широком подходе к пониманию данной категории. Например, В. Е. Чиркин перечисляет следующие элементы социальной справедливости: «Человек – высшая ценность; власть народа как социально-политическое явление и политическая форма такой власти – демократическое государство; социальное государство; многообразие и равноправие форм собственности, включая частную; единство экономического пространства при свободном перемещении товаров, услуг и финансовых средств; свобода выбора форм своего общественного труда, включая свободу экономической, в том числе предпринимательской, и иной деятельности, не запрещенной законом; законодательное установление минимального размера оплаты труда; свобода и поддержка конкуренции в экономике; бесплатные для гражданина социальные услуги (в определенном законом объеме) в сфере обеспечения жильем, образования, здравоохранения; социальное обеспечение (пенсии), а также пособия лицам, не способным к труду, и временные пособия по безработице; особая защита материнства, отцовства, детства, семьи; свобода создания партий и общественных объединений, а также религиозных объединений различными группировками народа; свобода идеологического многообразия, творческой деятельности в обществе и светское государство как выражение одной из сторон такой свободы; местное самоуправление территориальных публичных коллективов»¹.

По мнению Т. М. Пряхиной, «отражение принципа социальной справедливости можно найти в статьях Конституции РФ, закрепляющих особые социально-экономические гарантии реальности основных прав для уязвимых слоев населения, а также провозглашающих доступность социальных благ в зависимости от личных способностей, талантов человека. Важную нагрузку несет конституционный запрет на пропаганду или агитацию, возбуждающую социальную ненависть или вражду, социального превосходства. В поисках конституционных основ социального равенства следует также обратиться к конституционно допустимому ограничению прав и свобод человека и гражданина в целях защиты нравственности. Стремлением к конституционной фиксации идеи социальной справедливости было определение статуса природных ресурсов РФ как основы жизнедеятельности народов, проживающих на соответствующей территории»².

Н. Н. Киселева отмечает, что «осуществление социальной справедливости должно включать в себя следующее: обеспечение работой каждого трудоспособного; защиту от безработицы; заработную плату, не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда; предоставление преимуществ и социальных льгот слабо защищенным группам населения (несовершеннолетние, инвалиды, дети-сироты); свободный доступ граждан к образованию, здравоохранению, культуре, спорту и т. д.». В связи с этим она приводит следующие положения Конституции РФ: равенство всех перед законом и судом; охрана государством достоинства личности; право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности; право иметь имущество в собственности; право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию; право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы; защита государством материнства и детства, семьи; право на социальное обеспечение; предоставление жилища бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов малоимущим и иным указанным в законе гражданам; право на охрану здоровья и медицинскую помощь³.

С точки зрения нормативного отражения социальной справедливости Конституция РФ отличается полнотой закрепления прав и свобод человека и гражданина, признанием их высшей ценностью. Провозглашено равенство прав и свобод человека

¹ Чиркин В. Е. Социальная справедливость и российская конституция. С. 20.

² Пряхина Т. М. Конституционные основы социальной справедливости // Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве. С. 26.

³ Киселева Н. Н. Конституция РФ и социальная справедливость: идеи и реальность // Там же. С. 239–240.

и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. В сравнении с идеологией марксизма-ленинизма, в соответствии с которой и содержание социальной справедливости имело несколько искаженный характер, сегодня на конституционном уровне закреплено, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, соответственно, придать, как было ранее, «идеологическое наполнение» социальной справедливости не представляется возможным (хоть государство и является главным механизмом в обеспечении социальной справедливости). В частности, поэтому в науке существует значительное количество позиций относительно нормативного содержания социальной справедливости.

С точки зрения науки конституционного права понимание социальной справедливости противоречиво в части того, что ее понятие зачастую охватывает несколько сфер жизни общества. В качестве примера можно привести позицию С. А. Авакьяна, который считает, что «смысл идеи социальной справедливости состоит в том, чтобы незаконно присвоенная отдельными лицами государственная собственность была возвращена государству, чтобы система формирования органов государственной власти и местного самоуправления позволяла человеку с любым достатком баллотироваться и побеждать на выборах, чтобы существовало справедливое налогообложение, а малообеспеченные люди, не имеющие по объективным причинам возможности заработать на достойную жизнь, получали бы поддержку со стороны государства»¹. По мнению В. Е. Чиркина, «социальная справедливость – это наиболее общий принцип справедливого общественного строя, порядка в стране или на мировой арене, вбирающий элементы справедливой экономической, социальной, политической и духовной сторон жизни общества (мирового сообщества)»². С одной стороны, такое понимание является разумным, поскольку конституционное право закладывает фундамент для всех остальных отраслей права, охватывает все сферы жизни, и, конечно, социальная справедливость не может быть устремлена исключительно к социальной сфере. Она, таким образом, должна вбирать в себя элементы разных областей деятельности современного государства и общества. С другой стороны, и этимология данной категории, и международно-правовое закрепление, и общественное понимание, и анализ рассмотрения ее в доктрине свидетельствуют о ее тяготении в большей степени как раз в сторону социальной сферы. Отсюда точечные вопросы, касающиеся социальной справедливости, усматриваются по большей части в таких отраслях права, как право социального обеспечения и трудовое право.

На наш взгляд, если предположить, что социальная справедливость охватывает все же более обширный круг общественных отношений, то нивелируется истинный смысл данной категории. Поэтому на текущий момент мы считаем, что не стоит «масштабировать» социальную справедливость посредством беспорядочного упоминания конституционных норм разной направленности. В обратном случае необходимы разъяснения и аргументы. На настоящий же момент социальная справедливость имеет явно выраженный социально ориентированный характер. Об этом свидетельствует собственно сам анализ эволюции конституционного регулирования принципа социальной справедливости, в большей части основанный на том наполнении, которое исходило от идеологии в государстве. Помимо этого, представления мирового сообщества о данной категории и, конечно, ежегодное празднование дня социальной справедливости, основная идея которого состоит в затрагивании и стремлении к решению именно социальных проблем.

Известно, что социальная справедливость соотносится с социальным равенством. Советский дискурс о социальной справедливости все больше сталкивался с противоречием: с одной стороны, необходимостью признавать изначально равное право всех на социально значимые блага, с другой – необходимостью учитывать существующие неравенства³. В массовом сознании советского общества принцип социального

¹ Авакьян С. А. Конституционно-правовой статус политических партий в России: учеб. пособие для студентов. М.: Норма, 2011. С. 124–125.

² Чиркин В. Е. Социальная справедливость и российская конституция. С. 21.

³ Данилова Е. Н. Указ. соч. С. 25.

равенства имел две стороны: равные для всех возможности проявить в меру своих способностей общественно-трудовую активность и равные права на удовлетворение своих материальных и духовных потребностей соответственно труду и в границах достигнутого обществом уровня общественного производства¹.

В советский период, когда привилегии в основном предоставлялись трудящимся, формальное равенство отсутствовало. Сейчас же, когда в Основном законе, по сути, провозглашено равенство прав и свобод всего населения, на практике, по сравнению с советским периодом, все больше прослеживается расслоение между бедными и богатыми. Строго говоря, ранее отсутствовал существенный разрыв в доходах населения и с точки зрения предоставления социальных гарантий (например, оказания медицинской помощи, предоставления образования и др.) равенство проявлялось в использовании населением непосредственно государственных структур. Иными словами, у людей в большей степени имелись «равные возможности» для удовлетворения своих потребностей. В этом смысле экономическая составляющая оказывала существенное влияние и на социальную сферу жизни общества. В современных реалиях также следует сказать, что социальная справедливость все-таки направлена на поддержку в первую очередь уязвимых категорий населения, что отчасти ставит под сомнение равенство со всеми остальными гражданами государства (а удовлетворение коллективных интересов является, на наш взгляд, приоритетной задачей социальной справедливости, учитывая ее социальную, общественную суть, когда речь идет о равномерном распределении материальных благ), из чего следует вывод о том, что социальное равенство тогда и сейчас имеет несколько разное воплощение как на нормативном уровне, так и на практике.

Таким образом, эволюция конституционного регулирования социальной справедливости по большей части продиктована политическим дискурсом Советского государства, его идеологическим наполнением. Принцип социальной справедливости в действительности прошел большой путь, начиная от минимального закрепления прав только рабочего класса к постепенной отмене ограничений для некоторых слоев общества, расширению социальных прав и гарантий и, наконец, к конституционно установленному равенству всех граждан государства, обеспечению их широким кругом социальных прав.

В настоящее время некоторые вопросы, касающиеся напрямую социальной справедливости, влияют и на развитие России как федеративного государства. Роль федерализма в развитии и обеспечении социальной справедливости в данном случае играет значимую роль, так как определяет возможности для распределения полномочий между федеральным центром и регионами, предоставляет возможность решать социальные проблемы на местном уровне.

Одной из задач федерализма является создание условий для равного развития регионов страны. А. В. Сидоренко в своей работе ставит вопрос, насколько федерализм как форма управления в мультиэтнических обществах может быть эффективным ответом на экономические, социальные и политические условия, возникшие на рубеже веков, в связи с этим рассматривается проблема социальной справедливости в контексте двух спорных моментов. Во-первых, насколько справедлива идея о том, что граждане имеют право на представительство на основе региональных различий. Во-вторых, имеют ли этнорегионы право на то, что их социокультурное отличие было бы обеспечено конституционными и другими способами государственной защиты. Оба этих компонента – представительство и различие – оказывают влияние на социальную справедливость, особенно в вопросе, нарушает ли федерализм права большинства настолько, что ставит под сомнение его притязание на роль «служанки» демократии. Точнее говоря, кто из граждан получает особые права и в какой степени оказывает влияние на характер всех федеративных образований. Существует мнение, что для усиления ощущения социальной справедливости в отношении различных этнических групп, сосуществующих в рамках единого государства, практикуется использование принципа консоциализма (сообщественная демократия), который находит отражение в следующих четырех базовых характеристиках: правление этнических элит, при котором лидеры, представляющие различные этнические сегмен-

¹ Васькина О. Э. Указ. соч. С. 24.

ты общества, объединяются для разрешения споров; пропорциональное представительство во власти, государственной службе и в распределении государственных средств; право «вето» для меньшинств; общинная автономия для каждого из сегментов либо в рамках территориального управления в федерациях, либо посредством институтов (например, образовательных), которые наделяют общины определенной долей самоуправления¹.

Поиск справедливости во многом определяется мерой равенства в жизненном положении людей, проживающих в одном государстве, что в том числе связывается непосредственно с уровнем экономического состояния конкретного региона. Мировой опыт показывает, что попытки федерации выравнять уровень жизни в регионах в итоге не всеми воспринимаются как справедливые, что в конечном счете приводит к сепаратистским движениям, сепаратистским настроениям. Отдельные федерации (например, Испания, Канада, Россия) практикуют различные формы асимметричной федерации (многими исследователями Россия таковой признается де-факто), в рамках которой этнические регионы получают большую автономию, чем другие субъекты. Пример таких специфических регионов, как Каталония, Страна Басков и Квебек, показывает, что подобные договоренности ведут к подрыву ощущения общего гражданства и порождают обвинения, что некоторые субъекты федерации и граждане «равнее, чем другие», т. е. к нарушению справедливости².

Сегодня в Российской Федерации, к примеру, ведется работа по усиленной поддержке «новых» регионов, что выражается, в частности, в увеличенном количестве социальных выплат в сравнении с другими регионами, что также не всеми воспринимается как «справедливое», в том числе потому, что в нынешних условиях внешняя политика России у некоторых представителей современного общества вызывает недоверие. Тем не менее стремление к выравниванию социально-экономического развития регионов является одной из приоритетных задач государства, что в большинстве своем отвечает требованиям общества. В связи с этим интересным представляется выдвинутое В. Е. Чиркиным предложение о включении в Конституцию нормы о выравнивании уровня жизни населения различных территорий, что, по его мнению, соответствовало бы принципу социальной справедливости в его территориальном положении³.

Различные аспекты социальной справедливости, которые связываются с этническим, языковым и иным многообразием, во многом оказывают влияние на федеративное устройство государства. В качестве примера можно привести Канаду, где франкоязычное меньшинство, несмотря на официально закрепленное законодательством двуязычие, ощущает опасность, исходящую от доминирующего английского языка. Нагнетание напряженности может быть результатом проведения политики унификации в таких сферах, как образование, язык и т. п., или воздействия на культурную жизнь факторов, связанных с социально-экономическими изменениями, порождаемыми глобализацией. Такие угрозы культурной общности означают, что она должна либо пойти на ассимиляцию, либо смириться со своей второстепенностью⁴.

В российской действительности в условиях языкового многообразия реализуется государственная политика в правовой, социальной, экономической и других сферах, направленная на поддержку национальных языков, сохранение их многообразия, что в целом с позиции социальной справедливости ведет к удовлетворению интересов и потребностей народов страны, а также, что немаловажно, к сохранению их самобытности и идентичности.

Стремление Российского государства удовлетворить интересы каждого гражданина так или иначе сталкивается с проблемой неравенства на уровне регионов. Например, законодательством субъекта РФ самостоятельно определяются критерии многодетной семьи с учетом присущих им культурных, национальных и иных особенностей, социально-экономического состояния, демографической обстановки в регионе и иных факторов. Так, в районах Крайнего Севера мать может считаться много-

¹ Сидоренко А. В. Федерализм и проблема социальной справедливости в мультиэтнических обществах // Труд и социальные отношения. 2009. Т. 20. № 5. С. 63–64.

² Там же. С. 63.

³ Чиркин В. Е. Принцип социальной справедливости в конституционном измерении. С. 43.

⁴ Сидоренко А. В. Указ. соч. С. 61–62.

детной, если растит двоих детей и имеет необходимый трудовой стаж, а, к примеру, в Республике Марий Эл такой статус приобретает только после рождения четвертого ребенка¹. В данном случае релевантным является утверждение о том, что «предоставление абсолютно равного формально-правового статуса разным группам населения без учета их действительного положения (места проживания, способа хозяйствования, возраста, состояния здоровья, других обстоятельств) будет означать закрепление фактического неравенства между людьми, чего государство допустить не может»².

На практике органы государственной власти субъектов РФ часто руководствуются исключительно своими экономическими и иными возможностями, особенно в части регламентации социально-экономических прав граждан, создавая предпосылки неравенства, порождая социальную несправедливость³. Взяв в качестве примера коренной малочисленный народ манси, его расселение в отдельных субъектах и уровень жизни, можно заметить, что мер поддержки, оказываемых в Ямало-Ненецком автономном округе и Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, значительно больше как в количественном, так и в качественном отношении по сравнению со Свердловской областью⁴. Данный субъект, несмотря на небольшое количество представителей такого народа⁵, предоставляет меньше благ; зачастую поддержка оказывается предпринимателями и иными равнодушными лицами, в то время как в ЯМАО и ХМАО уровень реализации мер поддержки со стороны властей остается достаточно высоким, в том числе благодаря наличию там развитой нормативно-правовой базы. Очевидно, таким образом, что уровень жизни манси, проживающих в Свердловской области, значительно ниже чем у тех, кто проживает в ЯНАО и ХМАО, что ведет к депопуляции, а также к их миграции в иные регионы.

В связи с этим, по нашему мнению, очень важно обеспечить тесное сотрудничество с соседними регионами с целью обмена опытом и позитивной практикой в вопросах социальной поддержки и защиты уязвимых групп. Для этого следует проводить периодический мониторинг сложившейся позитивной практики других субъектов Российской Федерации. Необходимо отметить, что частично такая работа уже проводится. Так, существуют подготавливаемые Министерством труда и социальной защиты РФ обзоры, письма по лучшим практикам оказания государственной социальной помощи на территории субъектов⁶, отчеты и доклады по реализуемым акциям, программам, стратегиям действий и др., опубликованные на официальных сайтах органов самих субъектов, а также муниципальных образований⁷ и т. д.

Несомненно, стоит учитывать, что вопросы, касающиеся равенства, социальной справедливости, являются весьма сложными и в силу их природы тяжело раз и на-

¹ Раздьяконова Е. В. Принцип равенства и социальной справедливости в концепции социально-экономического федерализма // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Всероссийской науч.-практ. конф. Томск, 27–29 января 2022 года. Томск: Национальный исследовательский Томский гос. ун-т, 2022. С. 83.

² Кокотов А. Н. Конституционное право России: учеб. для бакалавров / отв. ред. А. Н. Кокотов, М. С. Саликов. 2-е изд., перераб. М.: Норма; ИНФРА-М, 2022. С. 108.

³ Раздьяконова Е. В. Указ. соч. С. 83.

⁴ Подробнее см.: Павлова М. А. О реализации принципа социальной справедливости при предоставлении мер поддержки коренному малочисленному народу манси (на примере Свердловской области) // Уральский форум конституционалистов (Екатеринбург, 3–8 октября 2022 года) / отв. ред. М. С. Саликов. Екатеринбург: Уральский гос. юрид. ун-т им. В. Ф. Яковлева, 2023. Вып. 8. Ч. 2. С. 255–266.

⁵ В Свердловской области коренной малочисленный народ манси проживает в Ивдельском городском округе и по последним данным его численность составляет 137 человек. См.: На поддержку коренных малочисленных народов Севера в Свердловской области тратят 2 млн рублей // Уральский меридиан. URL: <https://ural-meridian.ru/news/392423/> (дата обращения: 20.08.2023).

⁶ См., например: Лучшие практики субъектов Российской Федерации по оказанию государственной социальной помощи на основании «Социального контракта» // Министерство труда и социальной защиты РФ: офиц. сайт. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/2235> (дата обращения: 24.09.2023); письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 12 февраля 2015 г. № 12-3/10/П-727 «Об успешном опыте работы субъектов РФ в сфере социальной поддержки граждан пожилого возраста».

⁷ Итоги работы отрасли социальной защиты населения Томской области за 2022 год // Департамент социальной защиты населения Томской области: офиц. сайт. URL: <https://dszn.tomsk.gov.ru/otchet-y-i-doklady-o-deyatelnosti> (дата обращения: 24.09.2023); Основные итоги работы Управления социальной защиты населения администрации Промышленновского муниципального округа в 2020 году // Управление социальной защиты населения администрации Промышленновского муниципального округа: офиц. сайт. URL: <http://promuszn.ru/index.php/inform/osnovnye-itogi-raboty> (дата обращения: 24.09.2023).

всегда прийти к компромиссу. Дифференцированный подход субъектов к гарантиям реализации прав и свобод человека и гражданина, введению дополнительных мер поддержки и т. д. зависит от территориальных, национальных, экономических и иных факторов, но при этом, как показывает в том числе зарубежный опыт развития государств с федеративным устройством, в условиях многообразия важно в первую очередь прислушиваться к населению, во всяком случае ориентация на права человека неотъемлема и имплицитна в федерализме¹. Вместе с тем выравнивание уровня жизни, обеспечение благополучия каждого человека напрямую соприкасается с социальной справедливостью, где она выступает как идеал, к которому стремится государство.

Несмотря на то что проблемы социальной справедливости всегда будут стоять на повестке дня, все же в рассмотренной эволюции важным достижением сегодня является готовность государства учитывать потребности человека и соответствовать вызовам общества в его стремлении к достижению социальной справедливости.

Список литературы

Авакьян С. А. Конституционно-правовой статус политических партий в России: учеб. пособие для студентов. М.: Норма, 2011. 319 с.

Анисимов С. Ф. Духовные ценности. Производство и потребление. М.: Мысль, 1988. 254 с.

Васькина О. Э. Социальная справедливость в массовом сознании советского общества // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 8. С. 22–26.

Данилова Е. Н. Периоды изменений в социальной политике и представлениях о социальной справедливости в России // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2. С. 18–50.

Епихина Ю. Б. Основные векторы интерпретации понятия «социальная справедливость» в советском обществоведении // Социальная справедливость в русской общественной мысли / лит. ред. О. А. Афанасьева. М.: Ин-т социологии Российской академии наук, 2016. С. 165–173.

Киселева Н. Н. Конституция РФ и социальная справедливость: идеи и реальность // Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Т. А. Сошниковой. М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2015. С. 238–241.

Кокотов А. Н. Конституционное право России: учеб. для бакалавров / отв. ред. А. Н. Кокотов, М. С. Саликов. 2-е изд., перераб. М.: Норма; ИНФРА-М, 2022. 496 с.

Павлова М. А. О реализации принципа социальной справедливости при предоставлении мер поддержки коренному малочисленному народу манси (на примере Свердловской области) // Уральский форум конституционалистов (Екатеринбург, 3–8 октября 2022 года) / отв. ред. М. С. Саликов. Екатеринбург: Уральский гос. юрид. ун-т им. В. Ф. Яковлева, 2023. Вып. 8. Ч. 2. С. 255–266.

Пряхина Т. М. Конституционные основы социальной справедливости // Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Т. А. Сошниковой. М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2015. С. 24–30.

Раздьяконова Е. В. Принцип равенства и социальной справедливости в концепции социально-экономического федерализма // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Всероссийской науч.-практ. конф. Томск, 27–29 января 2022 года. Томск: Национальный исследовательский Томский гос. ун-т, 2022. С. 82–86.

Сидоренко А. В. Федерализм и проблема социальной справедливости в мультиэтнических обществах // Труд и социальные отношения. 2009. Т. 20. № 5. С. 60–65.

Чиркин В. Е. Принцип социальной справедливости в конституционном измерении // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 39–43.

Чиркин В. Е. Социальная справедливость и российская конституция // Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Т. А. Сошниковой. М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2015. С. 18–24.

References

Anisimov S. F. (1988) *Dukhovnye tsennosti. Proizvodstvo i potreblenie* [Spiritual values. Production and consumption]. Moscow, Mysl', 254 p.

Avak'yan S. A. (2011) *Konstitutsionno-pravovoi status politicheskikh partii v Rossii* [Constitutional and legal status of political parties in Russia]. Moscow, Norma, 319 p.

¹ Раздьяконова Е. В. Указ. соч. С. 84.

Chirkin V. E. (2013) Printsip sotsial'noi spravedlivosti v konstitutsionnom izmerenii [The principle of social justice in the constitutional dimension]. In *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 11, pp. 39–43.

Chirkin V. E. (2015) Sotsial'naya spravedlivost' i rossiiskaya konstitutsiya [Social justice and the Russian constitution]. In Soshnikova T. A. (Ed.) *Sotsial'naya spravedlivost' i gumanizm v sovremennom gosudarstve i prave: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, pp. 18–24.

Danilova E. N. (2015) Periody izmenenii v sotsial'noi politike i predstavleniyakh o sotsial'noi spravedlivosti v Rossii [Periods of changes in social policy and concepts of social justice in Russia]. In *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, no. 2, pp. 18–50.

Epikhina Yu. B. (2016) Osnovnye vektory interpretatsii ponyatiya «sotsial'naya spravedlivost'» v sovetskom obshchestvovedenii [The main vectors of interpretation of the concept of «social justice» in Soviet social science]. In Afanas'eva O. A. (Ed.) *Sotsial'naya spravedlivost' v russkoi obshchestvennoi mysli*. Moscow, Institut sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk, pp. 165–173.

Kiseleva N. N. (2015) Konstitutsiya RF i sotsial'naya spravedlivost': idei i real'nost' [The Constitution of the Russian Federation and social justice: ideas and reality]. In Soshnikova T. A. (Ed.) *Sotsial'naya spravedlivost' i gumanizm v sovremennom gosudarstve i prave: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, pp. 238–241.

Kokotov A. N. (2022) *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional law of Russia], ed. by A. N. Kokotov, M. S. Salikov. 2nd ed., reprint. Moscow, Norma, INFRA-M, 496 p.

Pavlova M. A. (2023) O realizatsii printsipa sotsial'noi spravedlivosti pri predostavlenii mer podderzhki korennomu malochislennomu narodu mansi (na primere Sverdlovskoi oblasti) [On the implementation of the principle of social justice in providing support measures to the indigenous small people of Mansi (on the example of the Sverdlovsk region)]. In Salikov M. S. (Ed.) *Ural'skii forum konstitutsionalistov (Ekaterinburg, 3–8 oktyabrya 2022 goda)*. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi yuridicheskii universitet imeni V. F. Yakovleva, is. 8, part 2, pp. 255–266.

Pryakhina T. M. (2015) Konstitutsionnye osnovy sotsial'noi spravedlivosti [Constitutional foundations of social justice]. In Soshnikova T. A. (Ed.) *Sotsial'naya spravedlivost' i gumanizm v sovremennom gosudarstve i prave: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, pp. 24–30.

Razd'yakonova E. V. (2022) Printsip ravenstva i sotsial'noi spravedlivosti v kontseptsii sotsial'no-ekonomicheskogo federalizma [The principle of equality and social justice in the concept of socio-economic federalism]. In *Pravovye problemy ukrepleniya rossiiskoi gosudarstvennosti: sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Tomsk, 27–29 January 2022*. Tomsk, Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet, pp. 82–86.

Sidorenko A. V. (2009) Federalizm i problema sotsial'noi spravedlivosti v mul'tietnicheskikh obshchestvakh [Federalism and the social justice problem in multiethnic societies]. In *Trud i sotsial'nye otnosheniya*, vol. 20, no. 5, pp. 60–65.

Vas'kina O. E. (2009) Sotsial'naya spravedlivost' v massovom soznanii sovetskogo obshchestva [Social justice in mass consciousness of soviet society]. In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 8, pp. 22–26.

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВНЕБЮДЖЕТНЫХ ФОНДОВ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Голубитченко Мария Александровна

Доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права им. профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии (Саратов), кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0001-9603-3293, e-mail: bearpaw-margo@yandex.ru.

В настоящее время актуальным и важным является совершенствование финансово-правового регулирования функционирования государственных внебюджетных фондов. Необходимо отметить, что внимание к работе таких фондов усилилось в период активного распространения COVID-2019 и не снижается до сих пор. Пандемия укоренила в умах граждан понимание необходимости и удобства получения государственных услуг в дистанционном формате. Цифровизация способствует совершенствованию работы государственных внебюджетных фондов, однако одновременно влечет за собой определенные риски. В статье раскрыты особенности финансово-правового регулирования функционирования государственных внебюджетных фондов, анализируются проблемные моменты, раскрывается влияние цифровизации на обозначенные процессы. Также обозначаются перспективы развития финансово-правового регулирования в рассматриваемой сфере общественных отношений, среди которых дальнейшее распространение цифрового формата предоставления государственных услуг, развитие межведомственного взаимодействия. Указывается на необходимость дополнительной защиты персональных данных лиц, которыми располагают государственные внебюджетные фонды.

Ключевые слова: государственные внебюджетные фонды, Фонд пенсионного и социального страхования РФ, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования РФ, Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ

Для цитирования: Голубитченко М. А. Особенности финансово-правового регулирования деятельности государственных внебюджетных фондов в цифровую эпоху: проблемы и перспективы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 4. С. 52–61. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_52.

FEATURES OF FINANCIAL AND LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF STATE EXTRA-BUDGETARY FUNDS IN THE DIGITAL AGE: PROBLEMS AND PROSPECTS

Golubitchenko Maria

Associate professor, Saratov State Law Academy (Saratov), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0001-9603-3293, e-mail: bearpaw-margo@yandex.ru.

Currently, it is relevant and important to improve the financial and legal regulation of the functioning of state extra-budgetary funds. It should be noted that attention to the work of such funds increased during the period of active spread of COVID-2019, and has not decreased to this day. The pandemic has ingrained in the minds of citizens an understanding of the need and convenience of receiving government services remotely. Digitalization is helping to improve the work of state extra-budgetary funds, however, at the same time it entails certain risks. This article reveals the features of the financial and legal regulation of the functioning of state extra-budgetary funds, analyzes problematic issues, the impact of digitalization on the designated processes is revealed. The article also outlines further prospects for the development of financial

and legal regulation in the area of public relations under consideration, including the further spread of the digital format for the provision of public services, the development of interdepartmental interaction, and also indicates the need for additional protection of personal data of persons held by state extra-budgetary funds.

Key words: state extra-budgetary funds, Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation, Federal Compulsory Medical Insurance Fund of the Russian Federation, Pension Fund of the Russian Federation, Social Insurance Fund of the Russian Federation

*For citation: Golubitchenko M. (2023) Features of financial and legal regulation of the activities of state extra-budgetary funds in the digital age: problems and prospects. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 52–61, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_52.*

Мир переживает четвертую промышленную революцию. Российская Федерация в данном процессе также занимает активную позицию, в связи с чем цифровизация оказывает всеобъемлющее воздействие на экономику и правовое регулирование Российского государства.

Значимым моментом в становлении на путь цифровизации различных сфер деятельности государства стала федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)»¹. В качестве ключевых программных документов также можно назвать Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы² и программу «Цифровая экономика Российской Федерации», в которой были закреплены конкретные шаги по развитию цифровой экономики³. В Стратегии нашла отражение дефиниция понятия «цифровая экономика». Различные доктринальные мнения по поводу этого термина высказаны и в научной среде⁴. В широком смысле под цифровой экономикой понимается цифровая трансформация абсолютно всех сфер жизни общества и государства, связанная главным образом с планомерным внедрением в оборот инновационных информационных технологий, цифровой инфраструктуры и новыми схемами управления цифровыми объектами.

Цифровые технологии уже стали доступны широкому кругу пользователей. Их использование во всеобщих масштабах является мотивацией для развития цифровой экономики⁵.

Отрасль права, в большей степени связанная с экономикой, в том числе цифровой экономикой, – финансовое право. Вопросы воздействия цифровой трансформации экономики на подотрасли и институты финансового права активно обсуждаются в научном сообществе. Примечательно, что цифровизация оказала воздействие на абсолютно каждое звено финансовой системы Российской Федерации. Важно

¹ Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 (в ред. постановления от 9 июня 2010 г. № 403) «О федеральной целевой программе „Электронная Россия (2002–2010 годы)“».

² Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

³ Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы „Цифровая экономика Российской Федерации“».

⁴ О понятии «цифровая экономика» см., например: Грачева Е. Ю., Ситник А. А., Папаскуа Г. Т. Правовое регулирование применения финансовых технологий в условиях цифровизации российской экономики: моногр. / под ред. Е. Ю. Грачевой, А. А. Ситника. М.: Проспект, 2023. С. 9–13; Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: науч.-практ. пособие / под ред. И. И. Кучерова, С. А. Синицына. М.: Норма; ИЗиСП, 2023. С. 110–112; Проблемы гармонизации экономических отношений и права в цифровой экономике: моногр. / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2020. С. 13; Матюшок В. М. Сетевая экономика и глобализация экономической деятельности // Информационное общество. 1999. № 6. С. 46–47; Корнев А. В. Дигитализация права: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 12.

⁵ О финансовом праве в условиях цифровизации см. подробнее: Грачева Е. Ю. Финансовое право в условиях цифровизации // Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики: моногр. / под ред. Е. Ю. Грачевой. М.: Проспект, 2021. С. 9–17; Финансовое право в условиях развития цифровой экономики: моногр. / под ред. И. А. Цинделиани. М.: Проспект, 2019. 320 с.; Поветкина Н. А., Леднева Ю. В. «ФИНТЕХ» и «РЕГТЕХ»: границы правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 46–67.

отметить, что выделение звеньев финансовой системы государства можно назвать условным, они не функционируют изолированно друг от друга. Каждое звено, думается, представляет собой особую систему правил, в соответствии с которыми необходимо действовать участникам отношений. Так, Н. И. Химичева и Е. В. Покачалова описали структуру финансовой системы следующим образом: «Бюджетная система, состоящая из государственных (федерального бюджета и бюджетов субъектов федерации) и местных бюджетов муниципальных образований; внебюджетные целевые государственные и муниципальные (местные) денежные фонды; финансы предприятий, организаций, учреждений; финансы страхования; кредит (государственный, муниципальный и банковский)»¹. В свою очередь, М. В. Карасева выделяет централизованные и децентрализованные финансы. При этом к централизованным финансам она относит бюджетные фонды; государственный и муниципальный кредит, а также государственные внебюджетные фонды². Существуют и иные аргументированные позиции ученых о структуре финансовой системы Российской Федерации³.

С точки зрения понятийного аппарата, обеспечивающего механизм организации и функционирования финансовой системы, в аспекте ее элементов и функционала важно принимать во внимание то обстоятельство, что в науке финансового права имеется разграничение понятий «финансовая система государства» и «финансовая система страны». В первом случае речь идет о государстве как о собственнике (либо владельце) финансовых ресурсов, во втором случае – о государстве как территориальной целостности, в границах которой функционируют звенья финансовой системы⁴. Социальные гарантии, социальные претензии, социальные возможности и прочие характеристики, опосредующие социально значимые аспекты функционирования звеньев финансовой системы, важно учитывать при разработке подходов к правовому регулированию государственных внебюджетных фондов в цифровую эпоху.

Многие финансисты-правоведы выделяют государственные внебюджетные фонды в качестве звена финансовой системы⁵. В связи с этим функционирование государственных внебюджетных фондов вызывает большой интерес. Такой интерес обусловлен актуализацией социальной направленности развития государства. Приоритет расширения круга социальных гарантий граждан был закреплен в обновленной Конституции РФ⁶. Происходящие в последние годы реформы в работе государственных внебюджетных фондов только подчеркивают стремление к повышению уровня предоставления государственных услуг в социальной сфере.

Между тем вопросы финансово-правового регулирования государственных внебюджетных фондов привлекают внимание многих ученых. Различные аспекты правового регулирования государственных внебюджетных фондов рассматривали в диссертационных исследованиях И. В. Бит-Шабо⁷, Е. Г. Беликов⁸, О. А. Ногина⁹, Л. Н. Дре-

¹ Финансовое право: учеб. / отв. ред. Н. И. Химичева, Е. В. Покачалова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; ИНФРА-М, 2019. С. 29.

² Финансовое право / отв. ред. М. В. Карасева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2006. С. 24.

³ О финансовой системе Российской Федерации см., например: Финансовое право: учеб. / Е. Ю. Грачева, Э. Д. Соколова. 5-е изд., испр. и доп. М.: Норма; Инфра-М, 2018. С. 13–19; Бюджетное устройство Российской Федерации: учеб. пособие для вузов / Е. В. Рябова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. С. 9–13; Крохина Ю. А. Финансовое право России. М.: Норма, 2004. С. 10–16.

⁴ Рыбакова С. В. Теоретические основы регулирования деятельности кредитных организаций как субъектов современного финансового права: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2009. С. 84–85.

⁵ О месте государственных внебюджетных фондов в финансовой системе см. подробнее: Бит-Шабо И. В. К вопросу о месте социальных государственных внебюджетных фондов в финансовой системе и системе финансового права // Публичные финансы в XXI веке: сб. науч. ст., Москва, 18 декабря 2014 года / под ред. А. Д. Селюкова, В. А. Слепова. М.: Русайнс, 2017. С. 25–28.

⁶ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

⁷ Бит-Шабо И. В. Концептуальные проблемы финансово-правового регулирования деятельности государственных социальных внебюджетных фондов: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. 550 с.

⁸ Беликов Е. Г. Проблемы финансово-правового обеспечения развития Российской Федерации как социального государства: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. 534 с.

⁹ Ногина О. А. Государственные внебюджетные фонды в составе бюджетной системы России: проблемы правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 590 с.

валь¹, Д. С. Диденко-Чинтимур², С. В. Журавлева³, Т. А. Якубов⁴, Е. К. Широкова⁵ и др. Однако современные вызовы требуют новых решений. Так и в функционировании государственных внебюджетных фондов произошло значительное количество изменений, что неразрывно связано и с преобразованиями в соответствующем правовом регулировании. Несомненно, одну из ведущих ролей в реформировании, а также оптимизации всех процессов играет цифровизация. Также интерес к исследованию функционирования государственных внебюджетных фондов обусловлен пандемией коронавирусной инфекции, а вместе с тем санкционной политикой некоторых государств, которая влияет на внутреннюю экономику государства, на финансовое благополучие граждан.

Как известно, бюджеты государственных внебюджетных фондов предназначены для финансового обеспечения реализации государственной социальной политики. Социальная роль данных фондов настолько важна, что в науке, в том числе в Саратовской научной школе финансового права, зачастую их именуют государственными социальными внебюджетными фондами⁶. По справедливому замечанию Н. И. Землянской и М. Б. Разгильдиевой, слово «внебюджетные» в названии государственных внебюджетных фондов в настоящий момент представляет собой условность⁷. Слово «внебюджетные» подразумевает, что это средства социального страхования, обособленные от иных расходов федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу современного финансово-правового регулирования деятельности государственных внебюджетных фондов, необходимо разобраться в исторически сложившихся особенностях функционирования, правового регулирования государственных внебюджетных фондов.

Если обратиться к советскому периоду развития нашего государства, то можно увидеть, что расходы социальной направленности перманентно финансировались из государственного и республиканских бюджетов, обособленных фондов не существовало.

В 90-е гг. прошлого века режим формирования средств для финансирования социальных расходов был изменен, они начали формироваться на страховой основе. Для реализации избранного подхода было необходимо обособить получаемые финансовые ресурсы. Нужно также отметить, что финансирование таких расходов из федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ продолжалось, посредством направления ресурсов во внебюджетные фонды.

Государственные внебюджетные фонды были созданы в соответствии с Законом РСФСР от 10 октября 1991 г. № 1734-1 «Об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в РСФСР» (утратил силу). С 90-х гг. XX в. свою деятельность реализовыва-

¹ Древаль Л. Н. Финансово-правовое регулирование внебюджетных фондов в Российской Федерации (пути совершенствования): дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2000. 216 с.

² Диденко-Чинтимур Д. С. Государственные социальные внебюджетные фонды и их взаимодействие с органами внутренних дел (финансово-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 207 с.

³ Журавлева С. В. Правовые основы функционирования бюджетов государственных внебюджетных социальных фондов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 178 с.

⁴ Якубов Т. А. Финансово-правовое регулирование страховых взносов в государственные внебюджетные фонды: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 187 с.

⁵ Широкова Е. К. Страховые взносы в государственные внебюджетные фонды Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2008. 230 с.

⁶ См., например: Бит-Шабо И. В. Особенности правового регулирования финансово-контрольных отношений с участием государственных социальных внебюджетных фондов в Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Юриспруденция. 2017. № 4. С. 61–78. DOI: 10.18384/2310-6794-2017-4-61-78; Глаголева А. С. Финансово-правовое регулирование функционирования государственных социальных внебюджетных фондов // Юридический факт. 2017. № 12. С. 77–81; Беликов Е. Г. Финансово-правовое регулирование функционирования государственных социальных внебюджетных фондов: вопросы внутриотраслевой дифференциации // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10. С. 63–69. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.71.10.063-069; Малышева А. А. Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации: причины создания и особенности финансово-правового статуса // Налоги. 2023. № 2.

⁷ Землянская Н. И., Разгильдиева М. Б. Основы бюджетно-правового регулирования в Российской Федерации: учеб. пособие. Саратов: Саратовская гос. юрид. академия, 2021. С. 18.

ли Государственный фонд занятости населения РФ¹, Государственный фонд физической культуры и спорта РФ², Пенсионный фонд РФ (далее – ПФР)³, Фонд социального страхования РФ (далее – ФСС)⁴, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования РФ (далее – ФФОМС)⁵. В последние годы продолжили работать лишь три государственных внебюджетных фонда: ФФОМС, ПФР, ФСС. С 1 января 2023 г. из рассматриваемых фондов сохранился только ФФОМС, в свою очередь ФСС был присоединен к ПФР – образован Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации (Социальный фонд России; далее – СФР)⁶.

К работе ФФОМС и территориальных фондов обязательного медицинского страхования⁷ – самостоятельных автономных подразделений, которые осуществляют свою деятельность на региональном уровне в целях взаимодействия с ФФОМС, – было повышено внимание в период активного распространения COVID-2019. В текущей ситуации наибольший интерес вызывает СФР, так как работу он начал относительно недавно, соответственно, еще недостаточно исследован в науке финансового права.

Думается, что в качестве главной предпосылки⁸ реформирования системы государственных внебюджетных фондов можно назвать цифровую трансформацию в соответствии с Концепцией цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года⁹. Названный программный документ предусматривал объединения ПФР и ФСС. В указанной Концепции отмечается, что в 2020 г. Министерством труда и социальной защиты РФ вместе с ПФР и ФСС были запущены различные проекты в сфере информационных технологий, касающихся оказываемых услуг и реализуемых функций, в том числе: внедрение электронных трудовых книжек; проактивное информирование граждан о полагающемся пособии по безработице при увольнении; постановка на учет в качестве безработного и получение пособия по безработице в дистанционном формате; уведомление граждан о потенциальных мерах поддержки при рождении ребенка, установлении инвалидности или наступлении пенсионного возраста; выдача государственного сертификата на материнский (семейный) капитал в электронном виде; беззаявительное оформление листков нетрудоспособности; осуществление различных денежных выплат на ребенка (семьям, имеющим детей) и т. д.

Реформирование системы государственных внебюджетных фондов является частью проекта «социальное казначейство». Его основой станет единая цифровая платформа, которая соединит все отечественные информационные системы в социаль-

¹ Постановление Верховного Совета РФ от 8 июня 1993 г. № 5132-1 «Об утверждении Положения о Государственном фонде занятости населения Российской Федерации» (утратило силу).

² Основы законодательства Российской Федерации о физической культуре и спорте (утв. ВС РФ 27 апреля 1993 г. № 4868-1; утратили силу).

³ Постановление ВС РФ от 27 декабря 1991 г. № 2122-1 «Вопросы Пенсионного фонда Российской Федерации (России)» (вместе с «Положением о Пенсионном фонде Российской Федерации (России)», «Порядком уплаты страховых взносов работодателями и гражданами в Пенсионный фонд Российской Федерации (России)») // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1992. № 5. Ст. 180 (утратило силу).

⁴ Постановление Правительства РФ от 12 февраля 1994 г. № 101 «О Фонде социального страхования Российской Федерации» (утратило силу).

⁵ Постановление Правительства РФ от 29 июля 1998 г. № 857 (в ред. постановления от 21 июня 2022 г. № 1112) «Об утверждении устава Федерального фонда обязательного медицинского страхования».

⁶ Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации».

⁷ О территориальных фондах обязательного медицинского страхования см. подробнее: *Малышева А. А.* Роль территориальных фондов обязательного медицинского страхования в распределении средств обязательного медицинского страхования // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 1. С. 46–49.

⁸ О предпосылках создания Фонда пенсионного и социального страхования РФ см. подробнее: *Малышева А. А.* Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации: причины создания и особенности финансово-правового статуса. С. 7–10; *Забралова О. С.* Государственные внебюджетные фонды как субъекты финансовых правоотношений // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 3. С. 2–5.

⁹ Распоряжение Правительства РФ от 20 февраля 2021 г. № 431-р «Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года».

ной сфере. С помощью социального казначейства государство получит возможность централизованно управлять всеми социальными выплатами. Основная идея – ускорить предоставление государственных социальных услуг, усовершенствовать этот процесс, сделав его более комфортным для граждан.

До объединения фондов существовали некоторые сложности относительно получения мер социальной поддержки, обусловленные тем, что часть функций выполнял ПФР, а часть – ФСС. Ввиду расширения полномочий СФР продолжится развитие проактивного назначения выплат гражданам, а также расширится спектр предоставления услуг посредством дистанционного обслуживания через личный кабинет на официальном сайте¹. Кроме того, на официальных сайтах государственных внебюджетных фондов можно найти полную и достоверную информацию о различных аспектах деятельности таких фондов, а также получить большое количество услуг онлайн². Необходимо отметить, что информация в открытом доступе способствует открытости, удобству для пользователей, а также помогает проще контролировать деятельность фондов.

По верному замечанию О. С. Забраловой, при рассмотрении общественного финансового контроля как предоставления информации о деятельности внебюджетных фондов необходимо обратить внимание на то, что такой контроль соответствует принципу гласности, публичности, открытости³ в деятельности государства и его организаций, ввиду чего соответствующая информация публикуется на официальных сайтах таких фондов⁴.

Необходимо дополнительно проанализировать особенности финансово-правового регулирования деятельности государственных внебюджетных фондов. Е. Г. Беликов при определении места финансово-правового режима функционирования государственных внебюджетных фондов учитывает их двуаспектное понимание. Ученый разграничивает финансово-правовой режим функционирования бюджетов данных фондов и финансово-правовое регулирование деятельности данных фондов. В первом случае подразумеваются бюджеты государственных внебюджетных фондов как самостоятельное звено финансовой системы. Во втором – совокупность финансово-правовых норм различных подотраслей и правовых институтов, которые регулируют финансовую деятельность органов управления рассматриваемых фондов⁵. Исходя из такой логики если анализировать деятельность СФР, то к финансово-правовым нормам в первом случае относятся нормы Бюджетного кодекса РФ (далее – БК РФ), регулирующие бюджетный процесс, вопросы правового регулирования предоставления межбюджетных трансфертов (ст. 10, гл. 17) и ст. 10 Федерального закона № 236-ФЗ. Во втором же случае – БК РФ, Федеральный закон № 236-ФЗ, Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», Федеральный закон от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования», Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» и др.

Стоит отметить, что проблемы и одновременно специфика финансово-правового регулирования деятельности государственных внебюджетных фондов обусловлены широким кругом нормативных правовых актов, в соответствии с которыми функционируют рассматриваемые фонды, что затрудняет правоприменение. Также необходимо отметить, что изменения в социально-экономической политике государства, продиктованные быстро меняющимися внешними обстоятельствами, влекут за собой

¹ Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://sfr.gov.ru/> (дата обращения: 28.09.2023).

² Федеральный фонд обязательного медицинского страхования: офиц. сайт. URL: <https://www.ffoms.gov.ru/> (дата обращения: 28.09.2023).

³ О принципе прозрачности (открытости) см. подробнее: Рыбакова С. В., Савина А. В. Изменение содержания принципа прозрачности (открытости) в условиях функционирования бюджетной системы с применением цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 10. С. 38–46. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.107.10.038-046>.

⁴ Забралова О. С. Общественный финансовый контроль в социальной сфере: особенности правоприменения // Финансовое право. 2023. № 3. С. 2–5.

⁵ Беликов Е. Г. Финансово-правовое регулирование функционирования государственных социальных внебюджетных фондов: вопросы внутриотраслевой дифференциации. С. 67.

частое внесение изменений в правовое регулирование, что повышает риски возникновения несогласованностей и правовых коллизий, а также правовой неопределенности в урегулировании тех или иных вопросов.

Подводя итог, необходимо обозначить дальнейшие перспективы развития финансово-правового регулирования функционирования государственных внебюджетных фондов. Думается, что правовое регулирование, в том числе финансово-правовое, должно отвечать современным вызовам и изменениям, происходящим в экономике и социуме. В связи с чем представляется, что в ближайшее время трансформация правового регулирования будет пытаться нивелировать последствия санкционной политики недружественных государств с акцентом на наилучшее обеспечение социальных гарантий граждан.

В качестве перспектив развития функционирования государственных внебюджетных фондов необходимо отметить продолжение намеченного курса на цифровизацию как одного из основных векторов развития российской экономики, которому будут способствовать изменения в правовом регулировании. Кроме того, ввиду уже имеющихся достижений цифровизации и информатизации будет развиваться межведомственное взаимодействие, что должно в ближайшей перспективе улучшить качество и скорость предоставления государственных услуг в социальной сфере.

Развитие и повсеместное распространение цифровых технологий влечет за собой определенные риски, а именно потенциальную вероятность утечки персональных данных лиц, информацией о которых располагают государственные внебюджетные фонды. В связи с чем существует объективная необходимость усиления защиты различных информационных систем с целью недопущения утечки персональных данных. Представляется необходимым усилить ответственность за распространение персональных данных, ведь далеко не всегда «утечка» персональных данных связана с хакерскими атаками, таковая может происходить и по вине либо неосторожности работников, имеющих доступ к персональным данным.

Разумеется, в настоящей работе представлены лишь некоторые дальнейшие перспективы. Думается, что современное правовое регулирование будет своевременно отвечать стоящим перед ним вызовам.

Список литературы

Беликов Е. Г. Проблемы финансово-правового обеспечения развития Российской Федерации как социального государства: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. 534 с.

Беликов Е. Г. Финансово-правовое регулирование функционирования государственных социальных внебюджетных фондов: вопросы внутриотраслевой дифференциации // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10. С. 63–69. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.71.10.063-069.

Бит-Шабо И. В. К вопросу о месте социальных государственных внебюджетных фондов в финансовой системе и системе финансового права // Публичные финансы в XXI веке: сб. науч. ст., Москва, 18 декабря 2014 года / под ред. А. Д. Селюкова, В. А. Слепова. М.: Русайнс, 2017. С. 25–28.

Бит-Шабо И. В. Концептуальные проблемы финансово-правового регулирования деятельности государственных социальных внебюджетных фондов: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. 550 с.

Бит-Шабо И. В. Особенности правового регулирования финансово-контрольных отношений с участием государственных социальных внебюджетных фондов в Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Юриспруденция. 2017. № 4. С. 61–78. DOI: 10.18384/2310-6794-2017-4-61-78.

Бюджетное устройство Российской Федерации: учеб. пособие для вузов / Е. В. Рябова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 249 с.

Глаголева А. С. Финансово-правовое регулирование функционирования государственных социальных внебюджетных фондов // Юридический факт. 2017. № 12. С. 77–81.

Грачева Е. Ю. Финансовое право в условиях цифровизации // Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики: моногр. / под ред. Е. Ю. Грачевой. М.: Проспект, 2021. С. 9–17.

Грачева Е. Ю., Ситник А. А., Папаскуа Г. Т. Правовое регулирование применения финансовых технологий в условиях цифровизации российской экономики: моногр. / под ред. Е. Ю. Грачевой, А. А. Ситника. М.: Проспект, 2023. 240 с.

Диденко-Чинтимур Д. С. Государственные социальные внебюджетные фонды и их взаимодействие с органами внутренних дел (финансово-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 207 с.

Древаль Л. Н. Финансово-правовое регулирование внебюджетных фондов в Российской Федерации (пути совершенствования): дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2000. 216 с.

Журавлева С. В. Правовые основы функционирования бюджетов государственных внебюджетных социальных фондов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 178 с.

Забралова О. С. Государственные внебюджетные фонды как субъекты финансовых правоотношений // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 3. С. 40–55.

Забралова О. С. Общественный финансовый контроль в социальной сфере: особенности правоприменения // Финансовое право. 2023. № 3. С. 2–5. DOI: 10.18572/1813-1220-2023-3-2-5.

Землянская Н. И., Разгильдиева М. Б. Основы бюджетно-правового регулирования в Российской Федерации: учеб. пособие. Саратов: Саратовская гос. юрид. академия, 2021. 308 с.

Корнев А. В. Дигитализация права: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 11–18.

Крохина Ю. А. Финансовое право России. М.: Норма, 2023. 504 с.

Малышева А. А. Роль территориальных фондов обязательного медицинского страхования в распределении средств обязательного медицинского страхования // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 1. С. 46–49. DOI: 10.34076/22196838_2021_1_46.

Малышева А. А. Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации: причины создания и особенности финансово-правового статуса // Налоги. 2023. № 2. С. 7–10. DOI: 10.18572/1999-4796-2023-2-7-10.

Матюшок В. М. Сетевая экономика и глобализация экономической деятельности // Информационное общество. 1999. № 6. С. 46–47.

Ногина О. А. Государственные внебюджетные фонды в составе бюджетной системы России: проблемы правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 590 с.

Поветкина Н. А., Леднева Ю. В. «ФИНТЕХ» и «РЕГТЕХ»: границы правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 46–67.

Проблемы гармонизации экономических отношений и права в цифровой экономике: моногр. / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2020. 280 с.

Рыбакова С. В. Теоретические основы регулирования деятельности кредитных организаций как субъектов современного финансового права: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2009. 603 с.

Рыбакова С. В., Савина А. В. Изменение содержания принципа прозрачности (открытости) в условиях функционирования бюджетной системы с применением цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 10. С. 38–46. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.107.10.038-046.

Финансовое право / отв. ред. М. В. Карасева. 2-е изд., перераб и доп. М.: Юристъ, 2006. 388 с.

Финансовое право в условиях развития цифровой экономики: моногр. / под ред. И. А. Цинделиани. М.: Проспект, 2019. 320 с.

Финансовое право: учеб. / Е. Ю. Грачева, Э. Д. Соколова. 5-е изд., испр. и доп. М.: Норма; Инфра-М, 2018. 256 с.

Финансовое право: учеб. / отв. ред. Н. И. Химичева, Е. В. Покачалова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; ИНФРА-М, 2019. 800 с.

Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: науч.-практ. пособие / под ред. И. И. Кучерова, С. А. Синицына. М.: Норма; ИЗиСП, 2023. 376 с.

Широкова Е. К. Страховые взносы в государственные внебюджетные фонды Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2008. 230 с.

Якубов Т. А. Финансово-правовое регулирование страховых взносов в государственные внебюджетные фонды: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 187 с.

References

Belikov E. G. (2016) *Finansovo-pravovoe regulirovanie funktsionirovaniya gosudarstvennykh sotsial'nykh vnebyudzhetykh fondov: voprosy vnutriotraslevoi differentsiatsii* [Regulation of state social off-budget funds under financial law provisions: issues of differentiation within the framework of the branch of law]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, no. 10, pp. 63–69.

Belikov E. G. (2016) *Problemy finansovo-pravovogo obespecheniya razvitiya Rossiiskoi Federatsii kak sotsial'nogo gosudarstva: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Problems of financial and legal support for the development of the Russian Federation as a social state: a doctor of legal sciences thesis]. Saratov, 534 p.

Bit-Shabo I. V. (2015) *Kontseptual'nye problemy finansovo-pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti gosudarstvennykh sotsial'nykh vnebyudzhetykh fondov: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Conceptual problems of financial and legal regulation of the activities of state social extra-budgetary funds: a doctor of legal sciences thesis]. Saratov, 550 p.

Bit-Shabo I. V. (2017) K voprosu o meste sotsial'nykh gosudarstvennykh vnebyudzhethnykh fondov v finansovoi sisteme i sisteme finansovogo prava [On the question of the place of social state extra-budgetary funds in the financial system and the system of financial law]. In *Publichnye finansy v XXI veke, Moscow, 18 December 2014*, ed. by A. D. Selyukov, V. A. Slepov. Moscow, Rusains, pp. 25–28.

Bit-Shabo I. V. (2017) Osobennosti pravovogo regulirovaniya finansovo-kontrol'nykh otnoshenii s uchastiem gosudarstvennykh sotsial'nykh vnebyudzhethnykh fondov v Rossiiskoi Federatsii [The distinctions of legal regulation of financial oversight relations with the participation of state social off-budget funds of the Russian Federation]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Yurisprudentsiya*, no. 4, pp. 61–78, DOI: 10.18384/2310-6794-2017-4-61-78.

Didenko-Chintimur D. S. (2009) *Gosudarstvennye sotsial'nye vnebyudzhethnye fondy i ikh vzaimodeistvie s organami vnutrennikh del (finansovo-pravovoi aspekt): dis. ... kand. jurid. nauk* [State social extra-budgetary funds and their interaction with internal affairs bodies (financial and legal aspect): a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 207 p.

Dreval' L. N. (2000) *Finansovo-pravovoe regulirovanie vnebyudzhethnykh fondov v Rossiiskoi Federatsii (puti sovershenstvovaniya): dis. ... kand. jurid. nauk* [Financial and legal regulation of extra-budgetary funds in the Russian Federation (ways of improvement): a candidate of legal sciences thesis]. Khabarovsk, 216 p.

Glagoleva A. S. (2017) Finansovo-pravovoe regulirovanie funktsionirovaniya gosudarstvennykh sotsial'nykh vnebyudzhethnykh fondov [Financial-legal regulation of functioning of the state social off-budget funds]. In *Yuridicheskii fakt*, no. 12, pp. 77–81.

Gracheva E. Yu. (2021) Finansovoe pravo v usloviyakh tsifrovizatsii [Financial law in the context of digitalization]. In *Aktual'nye problemy finansovogo prava v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki*, ed. by E. Yu. Gracheva. Moscow, Prospekt, pp. 9–17.

Gracheva E. Yu., Sitnik A. A., Papaskua G. T. (2023) *Pravovoe regulirovanie primeneniya finansovykh tekhnologii v usloviyakh tsifrovizatsii rossiiskoi ekonomiki* [Legal regulation of the use of financial technologies in the context of digitalization of the Russian economy], ed. by E. Yu. Grachevoi, A. A. Sitnika. Moscow, Prospekt, 240 p.

Gracheva E. Yu., Sokolova E. D. (Eds.) (2018) *Finansovoe pravo* [Financial law]. 5th ed. Moscow, Norma, Infra-M, 256 p.

Karaseva M. V. (Ed.) (2006) *Finansovoe pravo* [Financial law]. 2nd ed. Moscow, Yurist, 388 p.

Khimicheva N. I., Pokachalova E. V. (Eds.) (2019) *Finansovoe pravo* [Financial law]. 6th ed. Moscow, Norma, INFRA-M, 800 p.

Kornev A. V. (2019) Digitalizatsiya prava: problemy i perspektivy [Digitalization of law: challenges and prospects]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, no. 6, pp. 11–18.

Krokhina Yu. A. (2023) *Finansovoe pravo Rossii* [Financial law of Russia]. Moscow, Norma, 504 p.

Kucherov I. I., Sinitsyn S. A. (Eds.) (2023) *Tsifrovaya ekonomika: aktual'nye napravleniya pravovogo regulirovaniya* [Digital economy: current areas of legal regulation]. Moscow, Norma, IZISP, 376 p.

Malysheva A. A. (2021) Rol' territorial'nykh fondov obyazatel'nogo meditsinskogo strakhovaniya v raspredelenii sredstv obyazatel'nogo meditsinskogo strakhovaniya [The role of territorial compulsory medical insurance funds in the distribution of compulsory medical insurance funds]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 46–49, DOI: 10.34076/22196838_2021_1_46.

Malysheva A. A. (2023) Fond pensionnogo i sotsial'nogo strakhovaniya Rossiiskoi Federatsii: prichiny sozdaniya i osobennosti finansovo-pravovogo statusa [Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation: reasons for its creation and features of its financial and legal status]. In *Nalogi*, no. 2, pp. 7–10, DOI: 10.18572/1999-4796-2023-2-7-10.

Matyushok V. M. (1999) Setevaya ekonomika i globalizatsiya ekonomicheskoi deyatel'nosti [Network economy and globalization of economic activity]. In *Informatsionnoe obshchestvo*, no. 6, pp. 46–47.

Nogina O. A. (2013) *Gosudarstvennye vnebyudzhethnye fondy v sostave byudzhethnoi sistemy Rossii: problemy pravovogo regulirovaniya: dis. ... d-ra jurid. nauk* [State extra-budgetary funds as part of the Russian budget system: problems of legal regulation: a doctor of legal sciences thesis]. Moscow, 590 p.

Povetkina N. A., Ledneva Yu. V. (2018) «FINTEK» i «REGTEK»: granitsy pravovogo regulirovaniya [Fintekh and Regtekh: Boundaries of legal regulation]. In *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, no. 2, pp. 46–67.

Ryabova E. V. (Ed.) (2023) *Byudzhethnoe ustroistvo Rossiiskoi Federatsii* [Budget structure of the Russian Federation]. 2nd ed. Moscow, Yurait, 249 p.

Rybakova S. V. (2009) *Teoreticheskie osnovy regulirovaniya deyatel'nosti kreditnykh organizatsii kak sub"ektov sovremennogo finansovogo prava: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Theoretical foundations for regulating the activities of credit organizations as subjects of modern financial law: a doctor of legal sciences thesis]. Saratov, 603 p.

Rybakova S. V., Savina A. V. (2019) *Izmeneniye soderzhaniya printsipa prozrachnosti (otkrytosti) v usloviyakh funktsionirovaniya byudzhetoynoy sistemy s primeneniem tsifrovyykh tekhnologii* [Changes in the content of the principle of transparency (openness) in the context of the budget system functioning with the use of digital technologies]. In *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, no. 10, pp. 38–46, DOI: 10.17803/1994-1471.2019.107.10.038-046.

Shirokova E. K. (2008) *Strakhovye vnosy v gosudarstvennye vnebyudzhetye fondy Rossiiskoi Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Insurance contributions to state extra-budgetary funds of the Russian Federation: a candidate of legal sciences thesis]. Voronezh, 230 p.

Tsindeliani I. A. (Ed.) (2019) *Finansovoe pravo v usloviyakh razvitiya tsifrovoi ekonomiki* [Financial law in the context of the development of the digital economy]. Moscow, Prospekt, 320 p.

Vaipan V. A., Egorova M. A. (Eds.) (2020) *Problemy garmonizatsii ekonomicheskikh otnoshenii i prava v tsifrovoi ekonomike* [Problems of harmonization of economic relations and law in the digital economy]. Moscow, Yustitsinform, 280 p.

Yakubov T. A. (2016) *Finansovo-pravovoe regulirovaniye strakhovykh vnosov v gosudarstvennye vnebyudzhetye fondy: dis. ... kand. yurid. nauk* [Financial and legal regulation of insurance contributions to state extra-budgetary funds: a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 187 p.

Zabralova O. S. (2023) *Gosudarstvennye vnebyudzhetye fondy kak sub"ekty finansovykh pravootnoshenii* [State extra-budgetary funds as subjects of financial legal relations]. In *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, no. 3, pp. 40–55.

Zabralova O. S. (2023) *Obshchestvennyi finansovyi kontrol' v sotsial'noi sfere: osobennosti pravoprimeneniya* [Public financial control in the social sphere: features of law enforcement]. In *Finansovoe pravo*, no. 3, pp. 2–5, DOI: 10.18572/1813-1220-2023-3-2-5.

Zemlyanskaya N. I., Razgil'dieva M. B. (2021) *Osnovy byudzheto-pravovogo regulirovaniya v Rossiiskoi Federatsii* [Fundamentals of budgetary and legal regulation in the Russian Federation]. Saratov, Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 308 p.

Zhuravleva S. V. (2005) *Pravovye osnovy funktsionirovaniya byudzhetov gosudarstvennykh vnebyudzhetykh sotsial'nykh fondov Rossiiskoi Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal basis for the functioning of the budgets of state extra-budgetary social funds of the Russian Federation: a candidate of legal sciences thesis]. Saratov, 178 p.

ДАТИРОВАНИЕ В ТЕМПОРАЛЬНЫХ НОРМАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ

Федорова Марина Юрьевна

Профессор кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), доктор юридических наук, ORCID: 0000-0002-3680-759X, e-mail: fmulawkc@mail.ru.

Анализируются конституционные основы социальной защиты и с позиций концепции социального риска раскрывается ее соотношение с социальным обеспечением. Дается характеристика законодательства о социальной защите и делается вывод о том, что его ядром является законодательство о социальном обеспечении. Специфика данного законодательства предполагает необходимость scrupulous учета фактора времени при установлении правового регулирования в области социальной защиты. Эта цель достигается посредством темпоральных норм. Автор выделяет два вида темпоральных норм. Один из них соответствует их традиционному пониманию в качестве правил поведения, определяющих порядок вступления в силу и прекращения действия норм права, а также выбора подлежащих применению норм в случае коллизии. Вторым видом образуют содержательные (субстанциональные) нормы, которые непосредственно устанавливают темпоральные правила поведения субъектов общественных отношений: их права, обязанности, ответственность, сроки и т. п. С опорой на законодательство о социальной защите приводятся примеры темпоральных норм обоих видов. Делается вывод о том, что элементом их содержания является датирование, т. е. определение темпоральных параметров отношений по социальной защите путем установления календарных дат, значимых для предоставления мер социальной защиты, а также для осуществления правового регулирования. При этом датирование можно рассматривать также как комплекс средств и приемов правового регулирования социальной защиты исходя из специфики хронологических характеристик разных видов социального риска и защиты от них. Демонстрируется многообразие способов и приемов датирования в законодательстве (прямое и опосредованное, ретроспективное и перспективное, единичное и интервальное). Их использование позволяет обеспечить наиболее полный учет временного фактора при установлении мер социальной защиты, оснований, условий и порядка их предоставления, а также при определении правил действия во времени правовых норм, которые данные меры фиксируют.

Ключевые слова: датирование, темпоральная норма, законодательство о социальной защите, основания и условия социальной защиты, социальный риск

Для цитирования: Федорова М. Ю. Датирование в темпоральных нормах законодательства о социальной защите // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 4. С. 62–70. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_62.

DATING IN TEMPORAL NORMS OF LEGISLATION ON SOCIAL PROTECTION

Fedorova Marina

Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0002-3680-759X, e-mail: fmulawkc@mail.ru.

The article analyzes the constitutional foundations of social protection and based on the concept of social risk reveals its relationship with social security. The article describes the legislation on social protection and concludes that its core is the legislation on social security. The specifics of this legislation implies the need for scrupulous consideration

of the time factor when establishing legal regulation in the field of social protection. This goal is achieved through temporal norms. The author distinguishes two types of temporal norms. One of them corresponds to their traditional understanding as rules of conduct that determine the procedure for the entry into force and termination of legal norms, as well as the choice of rules to be applied in the event of a conflict. The second type is formed by substantive norms that directly establish temporal rules of behavior of subjects of public relations: their rights, duties, responsibilities, deadlines, etc. Based on the legislation on social protection examples of temporal norms of both types are given. It is concluded that the element of their content is dating, i. e. determining the temporal parameters of social protection relations by setting calendar dates that are significant for the provision of social protection measures, as well as for the implementation of legal regulation. At the same time, dating can also be considered as a set of means and techniques of legal regulation of social protection based on the specifics of the chronological characteristics of different types of social risk and protection from them. The variety of methods and techniques of dating in the named legislation (direct and indirect, retrospective and prospective, single and interval) is demonstrated. Their use makes it possible to ensure the most complete consideration of the time factor when establishing social protection measures, the grounds, conditions and procedure for their provision, as well as when determining the rules of action for the time of the legal norms that these measures fix.

Key words: dating, temporal norm, legislation on social protection, grounds and conditions of social protection, social risk

*For citation: Fedorova M. (2023) Dating in temporal norms of legislation on social protection. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 62–70, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_62.*

Законодательство о социальной защите начало формироваться в Российской Федерации еще до принятия Конституции 1993 г. Его ядром стало законодательство о социальном обеспечении, которое в советский период отечественной истории было весьма обширным, стабильным и прогрессивным. Оно включало нормативные акты, устанавливающие различные виды социального обеспечения (пенсии, пособия, социальные услуги, льготы). При этом по ряду позиций предусмотренный такими актами уровень социального обеспечения превышал международные стандарты.

Однако переход к рыночной экономике наряду с распадом Союза ССР и сопровождающими его процессами (миграционными, политическими, социальными) поставили на повестку дня вопрос о формировании в бывших союзных республиках, включая Российскую Федерацию, национальных систем социального обеспечения, которые должны были отвечать изменившимся реалиям. Конституция РФ предусмотрела обязанность государства создать условия для достойной жизни и свободного развития граждан, а важнейшим средством достижения данных целей назвала систему социальной защиты. В нее ст. 7 Конституции включает разные виды мер: трудовые (охрана труда, установление минимального размера оплаты труда) и социально-обеспечительные (социальное обслуживание, пенсионное обеспечение), а также адресованные отдельным категориям граждан (инвалидам, пожилым гражданам, семьям, воспитывающим детей).

В развитие конституционных положений текущее законодательство расширяет перечень видов социальных предоставлений и категорий граждан, нуждающихся в повышенной социальной защите в силу различных обстоятельств как субъективно, так и объективного характера (осуществление отдельных видов профессиональной деятельности, проживание в регионах с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями и т. д.). Для каждой такой категории устанавливается перечень мер социальной защиты, позволяющих предупредить возникновение социального риска и (или) компенсировать его негативные последствия¹.

Можно утверждать, что законодательство о социальной защите – одновременно с системой социальной защиты – находится в процессе своего развития и реформиру-

¹ Истомина Е. А. Влияние концепции социального риска на правовое регулирование социального обеспечения: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург: УрГЮУ, 2021. С. 17.

вания. С одной стороны, это существенно осложняет восприятие и применение его норм, с другой – его содержательный и структурный динамизм постоянно дает почву для научных изысканий как в части понятия и системы социальной защиты, так и в части углубления современных представлений о ее правовом регулировании.

С этой точки зрения представляют интерес особенности законодательства о социальной защите, которые позволяют выявлять и анализировать специфику социального риска и способов защиты от него. В числе таких особенностей можно назвать необходимость скрупулезного учета фактора времени при установлении правового регулирования в области социальной защиты.

Установление временных параметров воздействия права на общественные отношения осуществляется посредством темпоральных норм. Темпоральные нормы – важный элемент законодательства, регулирующего все сферы общественных отношений. Однако при всей своей универсальности они, очевидно, не могут не обладать некой отраслевой либо межотраслевой спецификой, в том числе применительно к законодательству о социальной защите, которое включает законы и нормативные акты, регулирующие самые разные отрасли социальной сферы: социальное обеспечение, здравоохранение, образование, культуру и т. д., причем на уровне как Российской Федерации, так и ее субъектов. Поскольку основой для развития системы социальной защиты является система социального обеспечения, постольку и законодательство о социальной защите, включая в себя законодательство о социальном обеспечении, охватывает нормативные акты и отдельные нормы, регулирующие социально-обеспечительные отношения, которые как раз наиболее чувствительны к фактору времени. Многие из таких отношений предусматривают социальные предоставления, обусловленные трудовым или страховым стажем, выслугой лет, наличием заслуг перед обществом и государством и иными подобными обстоятельствами, «проецируются» в прошлую жизнь человека и предполагают юридическую оценку ее этапов или событий. Вместе с тем социальное обеспечение рассчитано на будущее время и призвано компенсировать неблагоприятные последствия реализации социального риска в течение всего периода их существования. Так, социальные выплаты, которые устанавливаются пожизненно (например, пенсии по старости и за выслугу лет) или на длительные сроки (например, ежемесячные страховые выплаты по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний), должны быть защищены от обесценивания вследствие инфляционных процессов, соответственно, законодательно должны быть определены сроки и продолжительность их индексации. В связи с этим наиболее яркая характеристика темпоральных норм законодательства о социальной защите в большинстве случаев может быть приведена применительно к нормам, регулирующим отношения по социальному обеспечению.

Что же собой представляют темпоральные нормы? Обычно их рассматривают как правила поведения, определяющие порядок вступления в силу и прекращения действия норм права, а также выбора подлежащих применению норм в случае коллизии¹. Известны три основных варианта действия закона во времени применительно к длящимся отношениям: немедленное (нормальное), ретроактивное и ультраактивное. Немедленное действие закона предполагает его распространение на отношения, сложившиеся как после его вступления в силу, так и до этого момента, но без изменения содержания ранее возникших отношений, т. е. без ревизии ранее установленных прав и обязанностей. Ретроактивность – это обратное действие нового закона в случае, когда он подлежит применению к ранее возникшим отношениям, что, в свою очередь, позволяет видоизменять права и обязанности, возникшие до его вступления в силу, либо осуществлять их «юридизацию». Ультраактивность имеет место, если новый закон воздействует только на отношения, возникшие после его вступления в силу, а ранее сложившиеся отношения подчиняются старому правовому регулированию. Применение старого, отмененного закона именуется ультраактивностью².

В законодательстве о социальной защите (напомним, что речь идет преимущественно о его социально-обеспечительном блоке) можно видеть все три варианта

¹ Бахрах Д. Н. Очерки теории российского права. М.: Норма, 2008. С. 38.

² Тилле А. А. Действие советского закона во времени и пространстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВНИИСЗ, 1966. С. 11–12.

действия закона во времени, в том числе с учетом специфики осуществляемого правового регулирования. Так, одним из примеров немедленного действия могут служить нормы Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ (в ред. от 3 апреля 2023 г.) «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством», которые предусматривают, что он вступает в силу с 1 января 2007 г. и применяется к страховым случаям, наступившим после этого дня (ст. 18 и 19). Названные статьи также содержат коллизионную норму о том, что с 1 января 2007 г. законодательные и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие обеспечение пособиями по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, применяются в части, не противоречащей указанному Федеральному закону. При этом по страховым случаям, наступившим до дня его вступления в силу, такие пособия за период после 1 января 2007 г. исчисляются по новым правилам, если их применение позволяет установить более высокий размер пособия по сравнению с ранее действовавшим регулированием.

Ретроактивность применяется в законодательстве о социальной защите (впрочем, так же, как и в других областях законодательства) в качестве исключения из общего правила, с учетом высокой социальной значимости регулируемых отношений. Например, Федеральным законом от 21 ноября 2022 г. № 450-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О ветеранах“» статус ветерана, а при наступлении инвалидности вследствие соответствующих обстоятельств – инвалида боевых действий – был предоставлен лицам, поступившим в созданные по решению органов государственной власти Российской Федерации добровольческие формирования, содействующие выполнению задач, возложенных на Вооруженные силы РФ, в ходе специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики с 24 февраля 2022 г., а также на территориях Запорожской области и Херсонской области с 30 сентября 2022 г. Изменяющий закон вступил в силу со дня официального опубликования (21 ноября 2022 г.), но действие вышеприведенных его положений было распространено на правоотношения, возникшие с 24 февраля 2022 г.

Многочисленные примеры ультраактивности можно найти в пенсионном законодательстве. Так, согласно ч. 8 ст. 13 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ (в ред. от 1 мая 2023 г.) «О страховых пенсиях» по выбору застрахованного лица страховой стаж при определении права на страховую пенсию в отношении периодов работы и (или) иной деятельности, которые имели место до 1 января 2015 г. и подлежали зачету в трудовой стаж при назначении пенсии в соответствии с ранее действовавшим законодательством, может исчисляться с применением прежних правил, в том числе в льготном порядке.

Приведенные примеры показывают, что темпоральные (в традиционном их понимании) нормы законодательства о социальной защите обладают известной спецификой. В частности, их ультраактивность в ряде случаев определяется выбором гражданина как адресата социальной защиты, а обратная сила может им придаваться ввиду высокой социальной значимости тех или иных общественных отношений. Кроме того, особенности действия во времени норм социального законодательства могут быть связаны с характером регулируемых ими способов защиты от социального риска. Например, для социального и некоторых иных видов страхования, относящихся к сфере социальной защиты (обязательного государственного страхования жизни и здоровья военнослужащих и приравненных к ним лиц), актуально время наступления и продолжительность страхового случая и т. д. Следовательно, специфика «классических» темпоральных норм законодательства о социальной защите предопределена сущностью и характером общественных отношений в этой сфере. Такие отношения всегда предполагают воздействие на социальный риск и направлены на его предупреждение (допустим, посредством запрета необоснованных увольнений и проведения мероприятий по повышению квалификации работников обеспечивается профилактика риска безработицы) и компенсацию его последствий путем назначения гражданину социальных выплат и предоставления социальных услуг. Это, в свою очередь, требует учета временного фактора как при установлении тех или иных мер и институтов социальной защиты, так и при осуществлении их правового регулирования. Соци-

альная защита должна предоставляться своевременно, в течение всего периода существования социального риска или, по крайней мере, пока степень его проявления наиболее высока. При установлении социальной защиты необходимо принимать во внимание как ретроспективные аспекты, так и перспективу развития тех или иных общественных отношений.

В связи с этим в отраслевой науке права социального обеспечения может и должен получить поддержку и развитие тезис о наличии темпоральной составляющей не только в нормах, определяющих порядок вступления в силу и действия нормативного акта, но и в таких видах правовых норм, которые непосредственно устанавливают правила поведения субъектов общественных отношений: их права, обязанности, ответственность и т. п. Эти нормы также можно отнести к темпоральным и именовать содержательными или субстанциональными. Именно за ними следует признать приоритет в механизме правового регулирования, первичный характер, в отличие от собственно темпоральных норм, которые являются вторичными и призваны определить хронологический период применения содержательных норм, включая темпоральные¹.

В законодательстве о социальной защите есть субстанциональные темпоральные нормы разных видов, как материальные, так и нематериальные (прежде всего процедурные). Материальные нормы устанавливают временные характеристики оснований и условий предоставления социальной защиты (присвоения специального статуса, дающего право на социальную защиту; продолжительности страхового стажа или выслуги лет, с учетом которой она предоставляется, и т. п.); продолжительность периода предоставления соответствующих мер, сроки проведения индексации социальных выплат, а в некоторых случаях порядок определения их размера. Нематериальные нормы закрепляют, в частности, процедурные сроки в системе социальной защиты: сроки обращения за социальными выплатами и сроки их назначения, сроки представления дополнительных документов для установления выплаты с момента первоначального обращения, сроки перерасчета выплат и т. п.

Многообразие субстанциональных темпоральных норм законодательства о социальной защите свидетельствует о значительном влиянии фактора времени на правовое регулирование соответствующих отношений, что в свою очередь актуализирует необходимость доктринального отраслевого исследования данного феномена. Его отправной точкой могут стать ранее предпринятые общетеоретические научные изыскания, в ходе которых были обозначены основные формы проявления темпоральности в праве.

Так, Т. Л. Тенилова основными свойствами времени называет длительность, последовательность, одновременность, момент времени, повторность, прерывность, непрерывность, интенсивность, ритмичность². И. В. Волк приводит аналогичный перечень характеристик (добавляя к ним также момент и юридический срок) и называет их «особенностями правового времени»³. Той же схемы придерживается Ю. А. Кондрашов, делая акцент на непосредственном и наиболее распространенном проявлении в праве соответствующих характеристик, которые он именуется «свойствами правового времени». При этом момент времени автор определяет как датирование⁴.

О датировании в качестве одной из основных форм проявления календарного (по выражению автора, инструментального по отношению к праву) времени пишет Е. Ю. Догадайло, в работах которой более серьезное внимание уделяется датированию, очевидно, с учетом того, что данное свойство времени среди всех прочих занимает особое место, поскольку помимо самостоятельного значения (причем как для собственно темпоральных, так и для субстанциональных темпоральных норм) проявляет себя во взаимодействии с иными способами, прежде всего длением (длительностью), у которого всегда имеется начальная точка. Предпринимая попытку более глубоко раскрыть природу датирования, Е. Ю. Догадайло понимает его как обозначение

¹ Бахрах Д. Н. Действие норм права во времени: теория, законодательство, судебная практика. М.: Норма, 2004. С. 14.

² Тенилова Т. Л. Время в праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 13–14.

³ Волк И. В. Право, время и пространство: теоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 16.

⁴ Кондрашов Ю. А. Фактор времени в юридической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 8.

ние события в календарной временной шкале, отражающее временную связь юридически значимых явлений, событий, фактов, а также длительность и последовательность в их развитии. Нормы, направленные на датирование, она рассматривает как разновидность специальных темпоральных норм. Они устанавливают необходимость фиксации того или иного юридически значимого события (допустим, рождение или смерть человека, заключение брака, возникновение юридического лица или его ликвидация) путем календарного исчисления времени и указания конкретной календарной даты¹.

Е. Ю. Догадайло называет датирование не только одним из способов проявления времени в правовой сфере, но и самостоятельным юридическим средством и даже механизмом, способы реализации которого включают в себя, например, присвоение юридическому факту нормативно исчисляемых темпоральных параметров, указание календарной даты как обязательного элемента формально-юридических реквизитов правового (нормативного, правореализационного, интерпретационного) акта; нормативное указание на параметры темпоральной связи, длительности (временной календарной протяженности) и/или последовательности².

Разделяя в целом позицию Е. Ю. Догадайло о признании датирования инструментом правового регулирования (правовым средством), следует указать как на его универсальность, так и на специфику отраслевого преломления, например в законодательстве о социальном обеспечении и социальной защите. Универсальность датирования связана с его применением для обозначения темпоральных реквизитов правового акта. В отношении нормативного акта датирование позволяет определить в том числе такой важный параметр, как начало и окончание его действия. При этом датирование применительно к федеральному закону охватывает не только дату его подписания Президентом РФ, но и дату его официального опубликования, позволяющую определить дату начала его действия, если она не названа в самом законе. Датирование может осуществляться и путем указания в самом законе даты его вступления в силу, а может носить более сложный характер, когда речь идет о поэтапном введении закона в действие. Подобные примеры имеются в Федеральном законе «О страховых пенсиях», в структуру которого входят не только нормы, определяющие порядок постепенного повышения пенсионного возраста и увеличения стажевого ценза, а также индивидуального пенсионного коэффициента для назначения пенсии по старости, но и приложения, которые применительно к каждому календарному году переходного периода устанавливают номинальные значения указанных критериев (приложения 3–7).

Специфика социального законодательства проявляется также в том, что в ряде случаев устанавливаются даты не только начала, но и окончания действия нормативного акта либо начала и окончания периода существования регулируемых им общественных отношений. Установление такого рода правил обусловлено необходимостью учета особенностей конкретного социального риска и способов его компенсации. Наиболее ярким примером здесь может служить Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2022 г.) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», который согласно его ст. 13 вступает в силу с 1 января 2007 г. и применяется к правоотношениям, возникшим в связи с рождением (усыновлением) ребенка (детей) в период с 1 января 2007 г. по 31 декабря 2026 г., причем последняя календарная дата неоднократно корректировалась сообразно динамике демографической политики Российского государства (в первоначальной редакции Закона она была установлена как 31 декабря 2016 г., затем этот период был увеличен до 2018, 2021 и, наконец, 2026 г.). Тем самым были созданы необходимые условия для реализации демографической политики в области стимулирования рождаемости с тем, чтобы у российских семей были более длительные «горизонты планирования» деторождения.

Широко применяется датирование и в содержательных темпоральных нормах. Например, дата рождения ребенка является одним из условий предоставления семье

¹ Догадайло Е. Ю. Проявление различных форм времени в соционормативной сфере общества // Социальное и пенсионное право. 2008. № 1. С. 5–8.

² Догадайло Е. Ю. Время и право: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: РАНХиГС, 2013.

дополнительных мер государственной поддержки (материнского капитала), право на которые возникает в случае рождения (в отношении мужчин – единственных усыновителей – в случае усыновления) первого ребенка начиная с 1 января 2020 г., а второго и последующих детей – начиная с 1 января 2007 г. Наступление даты достижения определенного возраста является условием назначения страховой или государственной пенсии по старости, а в некоторых случаях – пенсии за выслугу лет в связи с военной или иной приравненной к ней службой. Если одним из условий установления пенсии является достижение определенного возраста, такое условие считается выполненным в день, соответствующий дате рождения. Если дата рождения приходится на 29 февраля, то при отсутствии такого числа в феврале года условие считается выполненным 1 марта соответствующего года (п. 41 Правил обращения за страховой пенсией, фиксированной выплатой к страховой пенсии с учетом повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии, накопительной пенсией, в том числе работодателей, и пенсией по государственному пенсионному обеспечению, их назначения, установления, перерасчета, корректировки их размера, в том числе лицам, не имеющим постоянного места жительства на территории Российской Федерации, проведения проверок документов, необходимых для их установления, перевода с одного вида пенсии на другой в соответствии с федеральными законами «О страховых пенсиях», «О накопительной пенсии» и «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», утвержденных приказом Минтруда России от 5 августа 2021 г. № 546н, в ред. от 15 декабря 2022 г.).

Пенсии по инвалидности устанавливаются с даты признания лица инвалидом, которая в свою очередь совпадает с датой поступления в бюро медико-социальной экспертизы соответствующего направления. Дата установления инвалидности имеет значение также и при переосвидетельствовании инвалида. По общему правилу инвалидность устанавливается до 1-го числа месяца, следующего за месяцем, на который назначено проведение очередной медико-социальной экспертизы (переосвидетельствования) гражданина. Специальные правила предусмотрены, в частности, при установлении категории «ребенок-инвалид», которое может иметь место до достижения гражданином возраста 14 лет либо 18 лет. Соответственно, данная категория устанавливается до дня, следующего за днем наступления указанного возраста.

Переосвидетельствование инвалида влияет на дальнейшую реализацию его пенсионных прав. Так, в случае неявки инвалида в назначенный срок на переосвидетельствование в федеральное учреждение медико-социальной экспертизы выплата пенсии приостанавливается на три месяца начиная с 1-го числа месяца, следующего за месяцем, в котором истек указанный срок. В дальнейшем выплата страховой пенсии возобновляется с 1-го числа месяца, следующего за тем, в котором пенсионным органом были получены соответствующее заявление и необходимые документы, а если причина пропуска срока переосвидетельствования будет признана уважительной и группа инвалидности будет установлена за прошлое время, выплата страховой пенсии по инвалидности возобновляется со дня, с которого соответствующее застрахованное лицо вновь признано инвалидом (ст. 24 Федерального закона «О страховых пенсиях»).

И это лишь небольшая часть примеров датирования в темпоральных нормах законодательства о социальной защите инвалидов. Этот перечень мог бы быть продолжен применительно к отдельным категориям инвалидов, которые в законодательстве выделяются с учетом причины инвалидности (таких как военная травма, радиационно обусловленное заболевание, инвалидность с детства и т. п.). Заслуживает упоминания, в частности, возможность выбора инвалидом-чернобыльцем способа определения размера ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда, причиненного его здоровью радиационным воздействием в связи с аварией на Чернобыльской АЭС. Федеральным законом от 12 февраля 2001 г. № 5-ФЗ (ред. от 28 декабря 2022 г.) «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации „О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС“» было предусмотрено возмещение такого вреда выплатой денежной компенсации в твердом размере, дифференцированном в зависимости от группы инвалидности. Но за гражданами, получившими возмещение вреда до всту-

пления названного Закона в силу (т. е. до 15 февраля 2001 г.), было сохранено право на ранее установленные выплаты, исчисленные из заработка, если их размер оказался выше по сравнению с твердыми суммами возмещения вреда (ст. 2).

Кроме того, датирование служит важным правовым инструментом при установлении системы социальной защиты ветеранов, которые также подразделяются на категории с учетом степени и характера заслуг перед обществом и государством. Например, только применительно к событиям Великой Отечественной войны Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ (в ред. от 28 апреля 2023 г.) «О ветеранах» устанавливает следующие темпоральные нормы, фиксирующие условия присвоения гражданину статуса ветерана Великой Отечественной войны: прохождение военной службы в воинских частях, входивших в состав действующей армии в период Великой Отечественной войны; участие в боевых операциях по ликвидации националистического подполья на территориях Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии и Эстонии в период с 1 января 1944 г. по 31 декабря 1951 г. Также ветеранами признаются лица, принимавшие участие в операциях по боевому тралению в подразделениях, не входивших в состав действующего флота, в период Великой Отечественной войны, а также привлекавшиеся организациями Осоавиахима СССР и органами местной власти к разминированию территорий и объектов, сбору боеприпасов и военной техники в период с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г., и т. д. (ст. 2).

Приведенные примеры позволяют утверждать, что датирование в темпоральных нормах законодательства о социальной защите осуществляется с использованием разных способов и приемов. Так, датирование может быть прямым, когда в тексте нормативного акта непосредственно указывается календарная дата, с которой связываются соответствующие правовые последствия (например, точно названа дата вступления закона в силу или дата рождения ребенка для целей предоставления материнского капитала), и опосредованным, предполагающим лишь указание на событие, влекущее такого рода последствия (таковы, в частности, нормы о вступлении закона в силу со дня его официального опубликования или о назначении пенсии со дня обращения за ней).

Датирование может быть единичным (когда указывается одна календарная дата, например дата аварии на Чернобыльской АЭС – 26 апреля 1986 г., пребывание после которой на территории, подвергшейся радиоактивному загрязнению, дает право на присвоение соответствующего правового статуса и предоставление мер социальной защиты) и интервальным (в формулировке «с... по...», как, допустим, это сделано при определении условий признания ветеранами боевых действий граждан, выполнявших задачи по обеспечению безопасности и защите граждан Российской Федерации, проживающих на территориях Республики Южная Осетия и Республики Абхазия с 8 по 22 августа 2008 г.).

Датирование может быть ретроспективным, когда в норме указываются не подлежащие последующей корректировке даты исторических событий, участие в которых дает право на специальные меры социальной защиты (выше уже приводился пример с указанием дат Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) и перспективным, когда темпоральная норма определяет период предоставления социальной защиты в будущем (как это сделано в отношении правового регулирования дополнительных мер государственной поддержки гражданам, имеющим детей).

Резюмируя изложенное, можно применительно к законодательству о социальной защите населения предложить определение датирования как элемента содержания темпоральных норм, а также как комплекса средств и приемов правового регулирования социальной защиты исходя из специфики хронологических характеристик разных видов социального риска и защиты от них. Многообразие способов и приемов датирования в названном законодательстве позволяет обеспечить наиболее полный учет временного фактора при установлении мер социальной защиты, оснований, условий и порядка их предоставления, а также при определении правил действия по времени правовых норм, которые данные меры фиксируют. Более глубокое исследование данной проблематики будет способствовать не только расширению теоретических представлений о системе социальной защиты и ее правовом регулировании, но и совершенствованию законодательства о социальной защите в части темпоральных норм, а также практики их применения.

Список литературы

Бахрах Д. Н. Действие норм права во времени: теория, законодательство, судебная практика. М.: Норма, 2004. 224 с.

Бахрах Д. Н. Очерки теории российского права. М.: Норма, 2008. 288 с.

Волк И. В. Право, время и пространство: теоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 198 с.

Догадайло Е. Ю. Время и право: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: РАНХиГС, 2013. 55 с.

Догадайло Е. Ю. Проявление различных форм времени в соционормативной сфере общества // Социальное и пенсионное право. 2008. № 1. С. 5–8.

Истомина Е. А. Влияние концепции социального риска на правовое регулирование социального обеспечения: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург: УрГЮУ, 2021. 500 с.

Кондрашов Ю. А. Фактор времени в юридической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 22 с.

Тенилова Т. Л. Время в праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. 31 с.

Тилле А. А. Действие советского закона во времени и пространстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВНИИСЗ, 1966. 28 с.

References

Bahrah D. N. (2004) *Deistvie norm prava vo vremeni: teoriya, zakonodatel'stvo, sudebnaya praktika* [The effect of law over time: theory, law, judicial practice]. Moscow, Norma, 224 p.

Bahrah D. N. (2008) *Ocherki teorii rossiiskogo prava* [Essays on the theory of Russian law]. Moscow, Norma, 288 p.

Dogadailo E. Yu. (2008) *Proyavlenie razlichnyh form vremeni v socionormativnoi sfere obshchestva* [Manifestation of various forms of time in the socionormative sphere of society]. In *Social'noe i pensionnoe pravo*, no. 1, pp. 5–8.

Dogadailo E. Yu. (2013) *Vremya i pravo: teoretiko-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Time and law: legal theory: an abstract of a doctor of legal sciences thesis]. Moscow, RANHiGS, 55 p.

Istomina E. A. (2021) *Vliyanie koncepcii social'nogo riska na pravovoe regulirovanie social'nogo obespecheniya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [The influence of the concept of social risk on the legal regulation of social security: a doctor of legal sciences thesis]. Ekaterinburg, UrGYuU, 500 p.

Kondrashov Yu. A. (2012) *Faktor vremeni v yuridicheskoy deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The time factor in legal activity: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Saratov, 22 p.

Tenilova T. L. (1999) *Vremya v prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Time at law: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Nizhny Novgorod, 31 p.

Tille A. A. (1966) *Deistvie sovetskogo zakona vo vremeni i prostranstve: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [The effect of Soviet law in time and space: an abstract of a doctor of legal sciences thesis]. Moscow, VNIISZ, 28 p.

Volk I. V. (2004) *Pravo, vremya i prostranstvo: teoreticheskij aspekt: dis. ... kand. yurid. nauk* [Law, time and space: theoretical aspect: a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 198 p.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ (ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ) В «СЛОВЕ» И «ПОСЛАНИИ» («МОЛЕНИИ») ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

Золотухина Наталья Михайловна

Главный научный сотрудник кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия (Москва), доктор юридических наук, профессор, ORCID: 0000-0003-0714-4800, e-mail: tgp@rsuj.ru.

Власова Татьяна Валентиновна

Доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия (Москва), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0001-7371-9719, e-mail: tgp@rsuj.ru.

В статье проанализированы взгляды Даниила Заточника на организацию верховной государственной власти, высказанные им в «Слове» и «Послании» («Молении»). Исследованы труды Даниила Заточника, Лаврентьевская и Ипатьевская летописи, работы российских дореволюционных, советских и современных ученых. В работе используются общие логические приемы, исторический, сравнительный и герменевтический методы исследования. Раскрывается политический идеал (форма правления), предложенный Даниилом Заточником, предусматривающий необходимость создания при князе постоянно действующего коллегиального органа – Думы. Сформулированы выводы о том, что в произведениях Даниила Заточника выработана концепция ограничения власти князя, создающая основу для участия представителей разных сословий в управлении государством. Политический идеал мыслителя, скорее всего, можно рассматривать как предвестие ограниченной (сословно-представительной) монархии.

Ключевые слова: политический идеал, форма правления, Даниил Заточник, республика, сословно-представительная монархия, Дума

Для цитирования: Золотухина Н. М., Власова Т. В. Политический идеал (форма правления) в «Слове» и «Послании» («Молении») Даниила Заточника // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 4. С. 71–88. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_71.

THE POLITICAL IDEAL (FORM OF GOVERNMENT) IN THE «WORD» AND «MESSAGE» («PRAYER») OF DANIIL ZATOCHNIK

Zolotukhina Natalia

Chief researcher, Russian State University of Justice (Moscow), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0003-0714-4800, e-mail: tgp@rsuj.ru.

Vlasova Tatiana

Associate professor, Russian State University of Justice (Moscow), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0001-7371-9719, e-mail: tgp@rsuj.ru.

The article analyzes the views of Daniil Zatochnik on the organization of the supreme state power, expressed by him in the «Word» and «Message» («Prayer»). The works of Daniil Zatochnik, the Laurentian and Ipatiev chronicles, the works of Russian pre-revolutionary, Soviet and modern scientists are studied. The paper uses general logical techniques, historical, comparative and hermeneutic research methods. The article reveals the political ideal (form of government) proposed by Daniil Zatochnik, which provides for the need to create a permanent collegial body under the prince – the Duma. The conclusions that in the works of Daniil Zatochnik, the concept of limiting

the power of the prince has been developed, creating a basis for the participation of representatives of different estates in state administration are formulated. The political ideal of the thinker, most likely, can be considered as a harbinger of a limited (class-representative) monarchy.

Key words: political ideal, form of government, Daniil Zatochnik, republic, estate-representative monarchy, Duma

*For citation: Zolotukhina N., Vlasova T. (2023) The political ideal (form of government) in the «Word» and «Message» («Prayer») of Daniil Zatochnik. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 71–88, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_71.*

800 лет тому назад появилось произведение, названное «Словом Даниила Заточника». Темой «Слова» была жалоба человека, попавшего в опалу, претерпевающего личные бедствия и обратившегося к князю с просьбой о помиловании и возвращении в прежнее состояние. Произведение было написано с большим литературным мастерством, в афористическом стиле, с избытком цитат из библейских притч, народных пословиц и поговорок. Оно сразу же привлекло внимание читателей, поэтому «не только читалось и переписывалось, но и постоянно перерабатываясь, дополнялось, из него делались выборки, оно жило, творилось в течение ряда веков»¹. В результате образовалось несколько его редакций: «Слово» и возникшие на его основе редакции, озаглавленные «Посланием» («Молением»). Большинство исследователей считают, что автором «Слова», как и «Послания» («Моления»), был один и тот же человек, поименованный в них Даниилом Заточником², поскольку «в общем содержании все редакции сходятся», а имеющиеся в них различия «в основном стилистического и языкового характера»³. Д. С. Лихачев пришел к выводу, что «всякий из соавторов [Даниила] умел попадать в стиль... и не расходиться с идеологией», поэтому он предпочел рассматривать памятник в целом, «не различая особо отдельных редакций»⁴.

В историографии «Слова» Даниила Заточника и всех его редакций почти сразу же сложился круг тем, определивших направление исследования: установление автора (адресанта) памятника и адресата (адресатов); социального статуса поименованного в нем Даниила Заточника, географического места и времени первоначального возникновения архетипа. В связи с тем, что архетип не обнаружен до настоящего времени, ученые не смогли прийти к соглашению о хронологической последовательности редакций «Слова» и «Послания» («Моления»)⁵.

Неоднозначной является и оценка предложенной этим уникальным средневековым мыслителем переяславскому князю программы социальных, политико-правовых и воинских преобразований.

В дореволюционный период в числе исследователей этого уникального памятника преобладали филологи и историки, отсутствие среди них историков государства и права России и историков политических учений не позволило дать юридический анализ данного произведения. В частности, В. Е. Вальденберг, изучавший древнерусские учения о пределах царской власти «от Владимира Святого до конца XVII в.», пришел к выводу, что в них «не было выставлено ни одной идеи, которая заключала

¹ Лихачев Д. С. Социальные основы «Моления» Даниила Заточника // ТОДРЛ. М.; Л.: АН СССР, 1954. Т. X. С. 106.

² Модестов Е. И. Послание Даниила Заточника // ЖМНП. 1880. Октябрь – ноябрь. № 11. С. 165–166; Бессонов П. Несколько замечаний по поводу напечатанного в «Русской беседе» Слова Даниила Заточника // Москвитянин. 1865. Т. 2. № 7. С. 321–323; Зарубин Н. Н. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л.: АН СССР, 1932.

³ А. И. Лященко считал, что «памятник едва ли подвергся в двух известных нам редакциях переработке, то изменения прототипа памятника произошли только от ошибок переписчиков и от случайной вставки и перестановки некоторых мест» (Лященко А. И. О Молении Даниила Заточника. СПб., 1896. С. 36; Его же. О времени написания «Слова Даниила Заточника» // Труды Римского археологического съезда. М., 1896. Т. 1. С. 8). См. также: Айналов Д. В. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. СПб.: Тип. Императорского Академии наук, 1908. Т. 13. Кн. 1. С. 362–365.

⁴ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 106.

⁵ Археологами и историками обнаружены только списки памятника XVII–XVIII вв., переписанные с изводов XV–XVI вв.

бы в себе признание полной неограниченности княжеской власти». Появление «первых учений о пределах княжеской власти» В. Е. Вальденберг отнес к началу XIV в., оговорившись, что «отдельные идеи на эту тему... не всегда ясные в своем содержании, встречаются в древнейшем периоде русской политической истории»¹. В числе мыслителей, разделяющих идею о необходимости установления «пределов царской власти», ученый назвал митрополитов Илариона и Никифора, составителя Повести временных лет, великого киевского князя Владимира Мономаха², не упомянув Даниила Заточника.

В советский период исследованию «Слова» и «Послания» («Моления») значительное внимание также было уделено в основном филологами и историками, к сожалению, историков государства и права и учений о государстве и праве практически не оказалось в их числе. Изучение «Слова» и «Послания» («Моления») активизировалось после опубликования Н. Н. Зарубиным всех известных на 1932 г. редакций памятника³. Во Введении Н. Н. Зарубин проанализировал спорные вопросы в историографии всего комплекса редакций памятника, определенные еще дореволюционными учеными, признав, что ни по одному из них исследователи к соглашению не пришли. Политико-правовых взглядов Даниила Заточника Н. Н. Зарубин также не коснулся, хотя и признал политическую направленность «Слова» и «Послания» («Моления»).

Одним из первых обратил внимание на политическое содержание «Слова» и всех его редакций И. У. Будовниц, предприняв попытку определить «место, занимаемое Даниилом Заточником в истории русской общественной мысли». Он высказал предположение о том, что предложенные им князю проекты государственных реформ имеют широкий общественный и политический интерес, а «в основании всего памятника, как в первой, так и во второй редакциях – лежит идея сильной княжеской власти»⁴ (выделено нами. – Н. З., Т. В.).

Некоторые исследователи внесли уточняющие дополнения в формулу «сильная княжеская власть». Историк политических учений В. С. Покровский нашел, что Даниил Заточник «в своем „Молении“ выразил общее желание широких низов иметь во главе государства неограниченного господина»⁵, т. е. не просто сильную княжескую власть, а неограниченную верховную власть. Другой представитель этой же юридической дисциплины С. А. Покровский посчитал, что автор «Слова» под «сильной княжеской властью» имел в виду именно «абсолютную монархию», поскольку осуждал даже «самый принцип принятия князем решений совместно с Боярской думой»⁶.

М. О. Скрипиль, не вдаваясь в подробности проблемы, пишет, что «все разнообразные наблюдения, мысли и жалобы автора, бегло выраженные в отдельных афоризмах или подробно развитые в ряде циклов их, ценны не сами по себе. Они тяготеют как к своему центру к идее сильной княжеской власти (курсив наш. – Н. З., Т. В.), так как, с одной стороны, служат ее конкретизации, а с другой – синтезируются ею в определенное политическое credo автора»⁷. Надо полагать, что, по мнению М. О. Скрипиля, эта «конкретизация» и заключается в самой «идее сильной княжеской власти», поскольку никаких деталей в ее организации, равно как и способах реализации, М. О. Скрипиль не привел.

Д. С. Лихачев неоднократно в ряде своих трудов рассматривал вопросы, поставленные в историографии этого памятника, и многие его оценочные суждения стали отправными для позднейших исследователей, но и он предметно не анализировал

¹ Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М.: Территория будущего, 2006. С. 112–113.

² Там же. С. 81, 92–93 и др.

³ Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Подготовил к печати Н. Н. Зарубин. Л.: АН СССР, 1932. Серия древнерусской литературы. Вып. 5. 165 с. (далее сокращенно: Зарубин Н. Н. с указанием первой буквы наименования списка, например (А), номера параграфа (X) (тексты Зарубин разбил на параграфы, основанием для их подразделения послужила «общая мысль, объединяющая данную группу изречений (фраз)» и столбца (Стб.), на котором расположен текст).

⁴ Будовниц И. У. Памятник ранней дворянской публицистики // ТОДРЛ. М.; Л.: АН СССР, 1951. Т. VIII. С. 149.

⁵ Покровский В. С. История политической мысли. М.: Госюриздат, 1951. С. 28.

⁶ Покровский С. А. Политические идеи в Древней Руси // История политических учений. М.: Высшая школа, 1965. С. 118.

⁷ Скрипиль М. О. «Слово» Даниила Заточника // ТОДРЛ. М.; Л.: АН СССР, 1955. Т. XI. С. 91.

политико-правовой идеал, сформулированный Даниилом Заточником. Фраза о принадлежности Даниила «к той социальной прослойке города, которая энергично подерживала *сильную княжескую власть*» (курсив наш. – Н. З., Т. В.), также представления о политическом идеале Даниила дать не может. Безусловно, автор «Слова» предпочитал власть одного великого князя многим князьям – властителям, возглавлявшим свои княжества, ставшие суверенными в эпоху феодальной раздробленности. Он отлично понимал, что рассеянные по всей стране полки, принадлежащие отдельным феодалам, не управляемые из единого центра, не смогут оказать сопротивления многочисленному, хорошо организованному войску, возглавляемому опытными полководцами, подчиняющимися единому правителю. Но эти соображения относятся скорее к характеристике формы государственного устройства, нежели формы правления.

Весьма противоречиво представление о политическом идеале Даниила Заточника литературоведа Н. В. Водовозова. С одной стороны, он считает, что самым важным условием для создания «крепкой державы» является «наличие ничем не ограниченной власти», а с другой – приводит слова Даниила о том, что там (в той стране), «где нет „думы мудрых“, там и сильное войско терпит поражение»¹.

Как видно из проведенного анализа, утверждение о Данииле Заточнике как о приверженце «сильной княжеской власти» стало определяющим почти во всех работах, в той или иной степени касающихся памятника и его последующих редакций. Однако это оценочное суждение не основано на предметном анализе политических взглядов Даниила Заточника. У него идея сильной княжеской власти снабжена определенными атрибутами, главным из которых является наличие при ней совещательного органа – Думы. Поэтому упоминания только об «идее сильной княжеской власти» недостаточно для определения политического идеала Даниила.

Что касается учебной литературы, то следует отметить, что во многих учебниках и учебных пособиях по дисциплине «Политические и правовые учения» раздел, посвященный средневековой политической мысли в России (особенно раннего Средневековья XI–XIII вв.), представлен весьма кратко и схематично или вообще отсутствует, при этом зачастую материал излагается не по источникам, а заимствуется «из вторых рук» (таких, к сожалению, большинство), поэтому все «штампованные» оценки непрерываемо повторяются². В академическом курсе «История политических и правовых учений» лишь отмечено, что политическим идеалом Даниила Заточника является «монархический принцип организации власти с участием в ней совета при великом князе»³.

¹ Водовозов Н. В. История древней русской литературы. М.: Просвещение, 1972. С. 110.

² См., например: Графский В. Г. История политических и правовых учений. М.: Прогресс, 2005. 593 с. (тема 8 – перечислены мыслители XI–XVII вв.: Иларион, Владимир Мономах, составитель Повести временных лет, Даниил Заточник, Филофей, Нил Сорский, Иосиф Волоцкий, Вассиан Патрикеев, Максим Грек, Феодосий Косой, И. С. Пересветов (меньше четверти страницы), А. М. Курбский, Иван Грозный, протопоп Аввакум, завершает тему патриарх Никон. Повествование ведется в жестко конспективном плане (общий объем – темы 12 страниц), не предоставляющем возможности получить достаточные сведения об упомянутых мыслителях, а тем более об их политических и правовых взглядах. О политическом идеале Даниила Заточника кратко сказано, что «власть князя именуется царской грозой» (с. 243) без каких-либо комментариев); Омельченко О. А. История политических и правовых учений. М.: Эксмо, 2006. 575 с. (русские политические учения представлены только начиная с XVIII в. – Гл. V. § 17. С. 305–324); История политических и правовых учений. СПб.: СПбГУ, 2007. 854 с. (раздел IV «Политические и правовые учения эпохи Средневековья» также изложен в сжатом виде. Раннее Средневековье: Иларион и Никифор (Владимир Мономах и Даниил Заточник не упоминаются); позднее Средневековье – «Филовеев цикл», т. е. только доктрина Филофея «Москва – третий Рим» и ее судьба); История политических и правовых учений / отв. ред. В. В. Лазарев. М.: Высшее образование, 2008. 917 с. (средневековая русская политико-правовая мысль вообще не упоминается. Политические и правовые учения отечественных мыслителей изложены в двух главах: гл. 10 «История марксистской политической мысли в России» (Маркс, Энгельс, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, советский и постсоветский периоды) и гл. 11 «Русские мыслители XIX–XX вв.»). Этот список можно было бы продолжить, но вывод один: либо отечественной средневековой политической и правовой мысли в юридических дисциплинах уделяется весьма незначительное внимание, либо она вообще его не удостоивается. Например, В. А. Томсинов вообще не упомянул о Данииле Заточнике в разделе «Политическая и правовая мысль России (X–XIII вв.)». См.: Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли. X–XVIII века. М.: Зерцало, 2003. 255 с.

³ История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение / отв. ред. В. С. Нерсисянц. М.: Наука, 1986. С. 196.

Авторы современных работ, посвященных Даниилу Заточнику или рассматривающих «Слово» и «Послание» («Моление») в числе вопросов, относящихся к характеристике власти «в период Киевской Руси», определенно склоняются к мысли, что «в представлении древнерусских мыслителей государство по своей форме должно быть унитарным и централизованным в управлении по монархическому типу, приближающемуся к абсолютизму»¹. В частности, Д. Н. Горнова считает, что «такое видение монарха особенно отразилось в „Поучении“ Мономаха, в котором единодержавная власть [воспринимается] как базовая ценность политической культуры...». Причем «единодержавие» понимается Д. Н. Горновой не как территориальная целостность государства, а как объем внутренних полномочий верховной власти, «вся полнота которой сосредоточена в руках киевского великого князя... этой идеей проникнуто Поучение Владимира Мономаха и „Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона“»². Нам представляется, что Д. Н. Горнова заблуждается относительно политических идеалов этих мыслителей. Ибо сам Владимир Мономах неоднократно повторял, что все серьезные дела в государстве, равно как и вершение правосудия, великий князь должен решать совместно с дружиной³. А митрополит Иларион в качестве положительного примера организации верховной власти ссылался «на правление равноапостольного императора Константина», при котором имелся Сенат в качестве совещательного органа, а также развитая бюрократическая система власти и управления на местах⁴. Теоретически мотивируя свой идеал, Иларион обратил внимание на главный догмат православного вероучения – Троицу, отметив, что Всемогущий Бог не один, а в единстве трех Своих ипостасей разрешал все важнейшие дела в сотворенной Им Вселенной⁵.

Далее Д. Н. Горнова утверждает, что «в Киевском государстве начинает складываться главнейший императив политической культуры – единодержавная власть праведного монарха, народ, чувствуя ее высокое предназначение, смиренно принимает ее»⁶. Между тем в летописях (Лаврентьевской и Ипатьевской) мы находим совсем другое описание «императива политической культуры», нежели у Д. Н. Горновой: «Новгородцы бо издавна и Смоленяне и Кияне и Полочане на дому на вечи сходятся, и что старейшины сдумают на том и пригороди станут...»⁷ Компетенция веча была довольно обширной, в нее входило право не только приглашать князей на киевский, новгородский, псковский, смоленский, владими́ро-волинский, переяславский, владими́ро-суздальский и другие княжеские столы, но и отказывать им в этой чести как по окончании срока договора, заключенного с ними, так и до его истечения, если вече примет решение, что деятельность какого-либо приглашенного князя не отвечает интересам избравшего его народа или нравственным правилам его поведения. В вышеуказанных летописях приводится много примеров, когда вече «указывало путь» князю, т. е. изгоняло его и приглашало другого князя по своему усмотрению⁸.

Д. Н. Горнова, рассматривая слова Даниила об употреблении «княжеской грозы» в регулировании внутренних отношений в государстве, находит в ней выражение способа борьбы с отрицательными элементами, сохранившимися от «идольского мрака», считая, что насилие может быть оправдано только «крайней необходимостью защи-

¹ Горнова Д. Н. Становление идеи «единодержавной» власти в литературе Киевской Руси // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История и политология. 2007. № 4/3. С. 229. См. также: Баркалов В. Я. История политических учений в России в XI–XIII вв. Барнаул, 1992. С. 5–6.

² Горнова Д. Н. Указ. соч. С. 229–300.

³ ПВЛ. М.; Л.: АН СССР, 1950. Т. 1. Поучение (Владими́ра Мономаха). С. 359. К тому времени в совет при князе входили члены старшей дружины, старцы градские и совет епископов.

⁴ Иларион. Слово о Законе и Благодати / реконструкция древнерус. текста Л. П. Жуковской; пер., вступ. ст. В. Я. Дерягина; коммент. В. Я. Дерягина, А. К. Светозарского. М.: ПИФ «Столица»; НИЦ «Скрипторий», 1994. С. 47.

⁵ Впоследствии Зиновий Отенский обратился к этому же примеру, доказывая необходимость синклита (совета) при царе: Вседержитель все сложные дела всегда решает в соединении трех Своих ипостасей, поскольку именно в них заключается «единославное господство и равночестное единомыслие». «Также и царю следует со своими синклитами и zelo иными санями... вкупе глаголати и вкупе повелевати» (См.: Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863. С. 134–136. 581 с.).

⁶ Горнова Д. Н. Указ. соч. С. 229.

⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 379.

⁸ См., например: ПСРЛ. Т. I. Стб. 341, 347, 348, 349 и др.

ты христианской истины»¹. Между тем идея Даниила о действии княжеской грозы во внутренней жизни страны выражала его представление о защите каждого человека от лиц, нарушающих «правду» как право, т. е. действующие в обществе законы, гарантирующие каждому «обидимому» человеку княжескую защиту от всех «обижающих его»². При этом Даниил ссылаясь на свой опыт, поскольку сам он «всеми обидим есть, потому что не огражден страхом грозы твоя, аки оградом твердым»³. У Даниила Заточника в «Слове», ни в одной из его редакций, не говорится о «защите христианской истины», т. е. о борьбе с еретичеством, ибо такую тему Даниил Заточник вообще не затрагивал.

Дискуссионным видится и вывод Д. Н. Горновой о том, что «в Киевской Руси мы находим первоосновы формирования формы правления, а в древнерусской литературе – продолженное в Московском государстве»⁴. Считаем, что в Московском государстве вполне определенно развивалась идея о необходимости учреждения при носителе верховной власти совещательного (или даже законодательного) органа, первоначально сформулированная Даниилом Заточником. Так, Максим Грек в Послании Василию III писал, что управлять государством великому князю московскому следует совместно с синклитом (*гр.* высший совет), в состав которого должны входить не только благородные, но и «худейшие» люди (представители низших сословий), которые «тоже [от Бога] дарования приемлют», и их советы «начальствующим слово мудро и свет благоразумен покажут»⁵. Настаивал на необходимости совета при царе (Иване IV), названном им верной Думой, организованной по образцу, якобы существующему у турецкого султана, и И. С. Пересветов. В состав этой Думы входят «представители основных сословий турецкого общества (абызы, молны, сеиты и паши мудрые)»⁶. Все законы и решения по внутригосударственным и международным вопросам султан принимает совместно со своей верной Думой, решения которой обязательны для всех, в том числе для самого султана⁷. К тому же И. С. Пересветов категорически возражал против совершения правителем каких-либо незаконных действий: «Аще властитель еси, не насилуй и не лихоимствуй, егда приключится власть [применить], покажи правая... Держись правды во веки»⁸. Современники отмечают большую образованность И. С. Пересветова, называя его «книгоцеем», что позволяет нам предположить его возможное знакомство с политическим идеалом Даниила Заточника, поскольку обе редакции этого памятника были распространены в XV–XVII и даже XVIII вв. Отдельные слова и афоризмы Даниила Заточника замечены исследователями не только у И. С. Пересветова, но и у А. М. Курбского, планировавшего в качестве лучшей формы правления для России монархию, ограниченную в своих полномочиях «Советом всенародных человек»⁹. В анонимных памятниках XVI в., «Валаамской беседе» и «Ином сказание тоя же беседы», назван «Единомысленный вселенский совет», «воздвигнут[ый] от всех градов своих и от уездов градов тех... и ото всяких мер», который царю следует «беспрестанно всегда держати погодно при себе. И на всяк день их добре и добре распросити о всегодном посту и покаянии мира всего, и про всякое дело мира сего»¹⁰ (курсив наш. – Н. З., Т. В.). Во всех указанных средневековых сочинениях общим является пожелание (а в некоторых из них даже и требование) учреждения постоянного коллегиального органа при правителе, состоящего из представителей разных чинов и званий. У Даниила Заточника такое предложение было

¹ Горнова Д. Н. Указ. соч. С. 230.

² Аналог – Сир. IV:9: «Изми обидимого и рук обижающего»; Пс. LXXXI:3: «Судите сира и убога и смиренна нища, оправдайте». Историческое значение термина «оправдать» отличается от его современного аналога, ибо в средневековой Руси «оправдать» означало «дать справедливый суд по правде», а не признать невиновным.

³ Зарубин Н. Н. А. VII. Стб. 7; XV. Стб. 12; Ч. XII. Стб. 55; Сл. II. Стб. 77.

⁴ Горнова Д. Н. Указ. соч. С. 230.

⁵ Преп. Максим Грек. Сочинения. Т. 1. М.: Индрик, 2008. С. 145.

⁶ Сочинения И. Пересветова. М.; Л.: АН СССР, 1956. С. 147.

⁷ У И. С. Пересветова: «Турский султан Магмет... помыслил с сеиты и с молнами, и с абызы, и с паши мудрыми, и со всей своей верною Думой» (Сочинения И. Пересветова. С. 147).

⁸ Сочинения И. Пересветова. С. 169.

⁹ Курбский А. М. История о великом князе Московском. СПб., 1913. Стб. 54.

¹⁰ Моисеева Г. Н. «Валаамская беседа» – памятник русской публицистики XVI века. М.; Л.: АН СССР, 1958. С. 191–192.

высказано впервые в отечественной политической мысли, а у писателей младших поколений его идея получила конкретную и подробную разработку. Более того, в XV–XVI вв. она была воплощена в праве¹.

А. И. Овчинников, З. Д. Гасанова и В. И. Фатхи, раскрывая образ самодержавия и государственно-правовые идеалы в период Древнерусского государства (период ими хронологически не обозначен), рассматривают процесс «постепенного складывания в России самодержавной монархической идеологии», основанной «на ряде политических идей», унаследованных из Византии, в частности идее «Москва – третий Рим»². По-видимому, авторы статьи термин «самодержавие» понимают в том значении, в котором его сформулировал граф С. С. Уваров: «Православие, самодержавие, народность»³ в XIX в. (Новое время), а не в историческом, характерном для «периода Древнерусского государства», понимании. В X–XVII вв., да и в более поздний период, термином «самодержавие» обозначалась не форма организации политической власти в обществе (форма правления), а суверенность государства и независимость возглавлявшего его правителя, от какой-либо другой власти⁴, при которой «он сам, без всякого участия народа, только при содействии назначаемых им чиновников, управляет государством»⁵.

Вышеуказанные ученые считают, что идеи Даниила Заточника являются «важными для понимания государственно-правовых взглядов и конституционного понимания правителей (курсив наш. – Н. З., Т. В.), общественных деятелей и всего народа Древнерусского государства», ибо Даниил Заточник «в своем произведении показывает потребность в укреплении великокняжеской власти, единство которой было необходимо для укрепления государства». Надо полагать, что речь идет о периоде XI–XIII вв. Они утверждают, что «в России складывалась самодержавная политическая идеология, в основе которой лежит принцип полноты власти, принадлежащий носителю верховной власти». Даниил Заточник рассматривается как ее первый представитель, однако авторы статьи оговариваются, что «в любом случае понятие „самодержавие“ означало самовластие, независимость государственной политики, а не абсолютизм» (выделено нами. – Н. З., Т. В.). Суждение противоречивое, поскольку «самовластие» и есть абсолютизм.

Завершая свое исследование, А. И. Овчинников, З. Д. Гасанова и В. И. Фатхи приходят к выводу, что «таким образом, на этапе формирования самодержавия государственная власть мыслилась с религиозно-нравственных позиций как власть княжеская, а впоследствии царская, ограниченная заповедями Божьими, страхом Божиим, целями воцерковления Руси и построения христианского государства и общества. При этом идеология самодержавия основывалась на ряде политических идей: Москва – третий Рим, Россия – наследница Византии»⁶. Следует заметить, что в статье ав-

¹ Судебник 1497 г. Статья 98: «А которые дела будут новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева доклада и со всех боар приговору вершается, и те дела в Судебнике приписывати». Повторено в Судебнике 1589 г., в ст. 201. См.: Судебники XV–XVI вв. М.: АН СССР, 1952. С. 176, 409.

² Овчинников А. И., Гасанова З. Д., Фатхи В. И. Образ самодержавия и государственно-правовые идеалы в период Древнерусского государства // *Философия права*. 2016. № 4. С. 35–41.

³ До настоящего времени не раскрыто, что именно имел в виду граф С. С. Уваров, вводя в эту формулу понятие «народность». С. С. Уваров был просвещенным человеком своего времени, большим знатоком античности, владеющим древними и новыми языками, знакомым с трудами Платона, Аристотеля и Цицерона; занимал должность министра просвещения, был почетным членом Петербургской Академии наук, Российской Императорской Академии наук, членом Геттингенского общества наук, Французской академии наук, много сделавшим для развития просвещения в России, настаивавшим на получении русскими молодыми людьми образования в западных учебных заведениях. В XIX и XX вв., вплоть до принятия манифеста «О Государственном порядке» 17 октября 1905 г. и «Основных законов Российской империи» в редакции 23 апреля 1906 г., термин «самодержавие» понимался в значении, полученном им в Новое время, как синоним «абсолютизма», т. е. абсолютной монархии, православие – исповедуемая в России конфессия христианства, а «народность» – как подтверждение первых двух понятий формулы без раскрытия ее содержания, но так ли это на самом деле? Действительно ли просвещенный граф С. С. Уваров хотел полной абсолютизации верховной власти? Вопрос до настоящего времени спорный в историографии, посвященной графу С. С. Уварову, анализу его сочинений и деятельности.

⁴ Князьков С. Самодержавие в его исконном смысле. СПб., 1906. С. 5.

⁵ Энгель Е. А. Государство и формы его строя. Пг.: Кооперативное книгоиздательское товарищество «Книга», 1919. С. 23.

⁶ Овчинников А. И., Гасанова З. Д., Фатхи В. И. Указ. соч. С. 36, 37, 39–40.

торы не указали хронологические границы проведенного анализа, а теоретические положения, относящиеся к Древнерусскому государству, подтверждаются ими сочинениями, появившимися уже в Московском, а не Древнерусском государстве.

Подобных взглядов придерживается Г. А. Лемешко, привычно представляя Даниила Заточника сторонником «сильной, единодержавной неограниченной власти», усматривая единственный ее ограничитель только в «мудрости правителя». Во всех своих рассуждениях автор употребляет понятие «единодержавная власть» в качестве синонима «абсолютной власти»¹.

Н. В. Долгих полагает, что Даниила Заточника «все свои надежды связывает с сильной княжеской властью... единовластие князя, по мнению Даниила, единственное средство возвеличения государственного порядка и избавления простых людей от бедствий». Исследователь также понимает «единовластие» как синоним «самодержавия», т. е. в значении «всевластия». Далее он пишет, что «борьба за укрепление самодержавия, за упразднение некоторых сохранившихся еще боярско-княжеских привилегий, усилилась в период правления Ивана IV, утратив свою религиозную оболочку, маскировавшую ее подлинный смысл»². Однако в это время в России вместо «неограниченного самодержавия» (читай – абсолютной монархии), благодаря реформам, предпринятым правительством Ивана IV – Избранной радой, – образовался словно-представительный ее вариант³, просуществовавший целое столетие⁴.

Схожее мнение о политическом идеале Даниила Заточника наиболее ярко высказано С. В. Жилияковым в статье «„Слово Даниила Заточника“ как манифест самодержавия на Руси». Ученый утверждает, что «в „Слове Даниила Заточника“ содержится жанровое решение манифестации самодержавной власти... утверждаемого по контрасту за счет самоуничтожения и критического отношения к боярству...»; «„Слово Даниила Заточника“ облечено в форму политического манифеста княжеского самодержавия XII в.»⁵. Даже уже не просто «самодержавие», а «манифест самодержавия XII в.»⁵.

Во многих словарных статьях о Данииле Заточнике его политический идеал и связанные с ним проекты реформ вообще не упоминаются, а в тех случаях, когда такое упоминание наличествует, то, как правило, повторяется формула о «сильной княжеской власти» в значении «абсолютизма»⁶.

Нам представляется, что подлинное содержание политической программы Даниила Заточника, в том числе идей, касающихся организации верховной власти, не соответствует сложившемуся в современной историографии представлению о них как об «апологии самодержавия» и нуждается в более подробном, объективном и предметном рассмотрении. В этих целях мы предлагаем комплексное исследование всей программы его социальных, политико-правовых и военных предложений, адресованных правителю.

Однако, прежде чем предметно перейти к анализу политических и правовых взглядов Даниила Заточника, необходимо обратить внимание на избранный им жанр и стиль изложения. Почти все события, относящиеся к его личной жизни, как и предложения переяславскому князю о государственных преобразованиях, он формулирует

¹ Лемешко Г. А. Философия Киевской Руси. Зарождение социально-политической мысли // Культура и цивилизация. 2019. № 1(9). С. 43–50.

² Долгих Н. В. Политические идеи и правовые мысли Древней Руси // Science time. 2014. № 7. С. 98, 100–101.

³ Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. С. 68–125, 417.

⁴ Перемена формы правления впервые юридически зафиксирована в Артикулах воинских (1716 г.). Согласно толкованию ст. 20 гл. III власть государя определялась следующим образом: «Его Величество есть самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен, но силу и власть имеет свои Государства и земли охранять, яко Христианский Государь, по своей воле и благонамеренно управлять» (ПСЗ. Т. V. № 3006) (1716 г., 30 марта). В этом тексте в значении «всевластный» употребляется слово «самовластный», а его синонимическое тождество с «самодержавием» получило прямое обозначение в манифесте «О вступлении на Российский престол Ее Императорского Величества Государыни Анны Иоанновны о восприятии ею Самодержавия...». Соответственно «Императрица Анна Иоанновна» названа «Самодержицей Всероссийской» (ПСЗ. СПб., 1830. Т. 8 (1730 г.). С. 253).

⁵ Жилияков С. В. «Слово Даниила Заточника» как манифест самодержавия на Руси // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 3. С. 59, 60–61.

⁶ См., например: Советская историческая энциклопедия. Т. 4. М.: Сов. энциклопедия, 1963. Стб. 969–970; Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. Т. 1. С. 582; Русская философия. Энциклопедия. М., 2014. С. 153 и др.

через перифраз библейских текстов, а также распространенных в его время на Руси литературных произведений, среди которых его внимание особенно привлекали сборники: «Изборник 1076 г.» и «Пчела», а также «Повесть об Акире Премудром» и др. Даже история его личных несчастий представлена текстом, дословно заимствованным из «Изборника 1076 г.».

Эту особенность его творчества давно заметили исследователи, обратив внимание на неточность цитирования и приписав ее отсутствию Библии и других источников у него под руками. Однако вряд ли это суждение справедливо. Даниил Заточник намеренно прибегает к перифразам, построив все изложение своего сочинения на параллелях и аллегориях с вышеуказанными источниками. Такой литературный прием был весьма распространенным в Средние века не только на Руси, но и в странах Западной Европы¹. Данте Алигьери в «Божественной комедии», а особенно в трактате «Монархия» часто прибегал к перифразам библейского текста, как правило, не указывая источник, рассчитывая на образованность читателей². Характерное для Даниила Заточника обращение к народным пословицам и поговоркам также получило распространение в отечественной и западноевропейской литературе. Например, прадед Франческо Петрарки сэра Гарцо специально собирал народные пословицы и поговорки, «включая их в свои приятно рифмованные стихи». У средневековых поэтов, писателей и мыслителей наблюдается стремление к изложению своих сочинений на доступном для народа языке. В XIII – начале XIV в. итальянские поэты и писатели, в том числе Данте Алигьери, писали не на латыни, а на простом итальянском языке (*volgare*)³. Русские авторы также стремились излагать свои произведения не на сложном церковно-славянском, а на родном русском языке. Даниил Заточник владел всеми этими приемами в совершенстве; к этому следует добавить несомненное наличие у него писательского дара, в горниле которого творчески переплавлялись сведения о реальной действительности со знаниями, доступными ему благодаря его широкой и многогранной образованности⁴.

Немаловажным является и тот факт, что наша страна в период Средневековья, как в настоящее время доказано многочисленными исследованиями, развивалась в системе европейских государств⁵, и именно «в XI в. произошел качественный скачок в развитии культуры. За весьма короткий в исторических масштабах отрезок времени, равный жизни двух-трех поколений, Русь вышла на уровень европейских стандартов в области культуры»⁶. Только с учетом всей совокупности обстоятельств возможно в настоящее время понять и оценить по достоинству дошедшее до нас уникальное средневековое произведение⁷, объективно выявив политический идеал его автора.

Свои мысли о необходимости преобразований в государстве Даниил изложил в «Слове», адресованном князю Ярославу Владимировичу, а затем без содержательных изменений повторенном (переписанном) в его редакциях: «Послании» («Моления»), обращенных к Ярославу Всеволодовичу.

¹ Итальянский поэт XII–XIII вв. Гвидо Гвиницелли, славившийся своей болонской ученостью, критиковал современниками за то, что «извлекал свои канцоны с помощью других сочинений» (Данте. Божественная комедия. М.: Худ. лит., 1978. С. 16).

² Данте Алигьери. Малые произведения. М.: Наука, 1968. С. 305–362.

³ Доброхотов А. Л. Вступительная статья // Данте. Монархия. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 1999. С. 5–18.

⁴ Свой образ писателя он также создавал, следуя этому литературному приему, поэтому В. М. Истрин и высказал сомнение в реальности всех несчастий, описанных Даниилом от первого лица (Истрин В. М. Был ли Даниил Заточник действительно заточен? // Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете. 1902. Т. 10). Еще раньше внимание на это обстоятельство обратил граф Н. П. Румянцев, выразивший свои сомнения в письме К. Ф. Калайдовичу (первооткрывателю «Слова»): «Сочинение сие без сумнения весьма достойно, но конечно этого письма Данила не писывал, а почерпнул несчастные обстоятельства его жизни какой-либо древний Литератор (заглавная буква поставлена Н. П. Румянцевым), составивший сие жалобу, и для того-то в ней много высокопарного и лишняго; у глубокой печали не такой голос» (Цит. по: Бессонов П. Указ. соч. С. 338).

⁵ Скрынников Р. Г. Русская история IX–XVII вв. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 85–86, 90.

⁶ Адрианова-Перетц В. П. К вопросу о круге чтения древнерусского писателя // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1974. Т. XXVIII. С. 3–29; Сапунов Б. В. Книга в России в XI–XPI вв. Л.: Наука, 1978; Мещерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV вв. Л.: ЛГУ, 1978.

⁷ Митрополит всея Руси Макарий (XVI в.), поставивший себе задачей собрать в едином издании все книги «чтомые и любимые на Руси», включил в свое собрание ВМЧ известные в его время редакции «Послания» («Моления») Даниила Заточника.

Предложенная Даниилом политическая программа состоит из двух основных пунктов: 1) изменение формы правления и 2) реформирование всех воинских сил в стране. Ее выполнение предусматривало возможность практических перемен как в формировании, так и в реализации государственной власти.

При выяснении политического идеала Даниила Заточника следует учитывать, что в период, когда он писал свое сочинение, формой государственного правления на Руси была демократическая республика (а не раннефеодальная монархия, как это обычно указывается в исторических трудах). Во всех княжествах (Новгородском, Киевском, Смоленском, Полоцком, Владимирском, Переяславском (Южном и Северном), Черниговском и др.) органами власти и управления были: приглашенный князь, совет, состоящий при нем, и народное вече. В компетенцию веча входили обширные полномочия: приглашение князя и отказ ему, как по окончании согласованного с ним в договоре срока княжения, так и до его истечения, в случае несогласия князя с вечем по вопросам, касающимся государственного управления, налогообложения, распоряжения денежными средствами, земельной собственностью, назначения административных лиц, осуществления судопроизводства, объявления войны и заключения мира. Для координации общей политики всех русских княжеств собирались Съезды князей, решавшие междоусобные споры между князьями и вопросы внешней политики Русского государства¹.

Формулируя свой вариант формы правления, Даниил Заточник видел во главе государства великодушного и мудрого князя: «Зане князь щедръ отецъ есть слугамъ многиим», – отмечая при этом, что один князь не будет силен в управлении страной без сподвижников. Исходя из этого, мыслитель предлагает создание при князе постоянно действующего коллегиального органа, назвав его впервые в отечественной политической мысли Думой. По представлениям Даниила советы, часто предлагаемые князю отдельными людьми, притом нередко «несмысленными» и «неблагими», не только недостаточны, но бывают даже вредны для справедливого руководства страной и защиты ее от врагов.

Для характеристики верховной власти, состоящей из князя и его Думы, Даниил прибегает к параллели с образом играющего на гуслих музыканта Давида, соединяющего перстами струны, производя согласные созвучия: «Гусли бо стараются персты, а тело срастается жилами; дуб крепится множеством горения; тако и град (здесь в значении: государство) наш твоею державою»². Сравнение формы правления с образом гуслиря, перебирающего перстами струны гуслей, было также использовано в XVI в. писателем и дипломатом Федором Карповым: «Цари и начальники должны быть наподобие гуслей музыканта Давида. Ведь как гуслиря струны расстроенные приводит в согласие и приятные созвучия, бряцая, извлекает из них, так и глава всякого царства непослушных и зловредных грешников понуждать должен к согласию с добрыми людьми... под законами правды...»³ Федор Карпов, приводя эту цитату, имел в виду осуществление властных полномочий главой государства (в том числе главного из них – правосудия) «наподобие гуслей музыканта Давида» в соединении *всех* струн *всеми* перстами⁴. Даниил Заточник видит в князе образ главы государства, который мудро правит, опираясь при этом не только на собственные суждения, но и на предложения Думы, состоящей из лиц, поддерживающих князя в осуществлении им власти.

Определенное влияние на формирование политического идеала (формы правления) русских мыслителей, в том числе Даниила Заточника, оказали распространенные

¹ См. подробнее: *Золотухина Н. М., Власова Т. В.* Форма правления в России XI – первой трети XIII в. // *Российское правосудие.* 2022. № 8. С. 5–11.

² *Зарубин Н. Н.* А. XXIV. Стб. 19. Слово «державо» употреблялось в древнерусском языке в нескольких значениях, первое из них – «власть, правление» (СРЯ. Вып. 4. С. 22). В качестве примера в словаре приводится именно вышеуказанный текст Даниила Заточника.

³ Даниил Заточник, как и Федор Карпов, ссылаются на одни и те же библейские стихи, перефразируя их с тем, чтобы в наибольшей степени подвести читателя к восприятию предлагаемой ими организации верховной власти. См.: 1 Цар. 16:23; 18:10. См. также: *Послание Федора Карпова митрополиту Даниилу* (Сочинения Ф. И. Карпова // ПЛДР. Конец XV – первая половина XVI века. М.: Худ. лит., 1984. С. 513, 495–519).

⁴ Федор Карпов считал наилучшей формой правления смешанную республику, предложенную Цицероном, состоящую из трех элементов: демократии, аристократии и монархии, но, понимая, что для России XVI в. такой вариант недостижим, предлагал монархию, ограниченную коллегиальным сословным органом, состоящим из представителей всех сословий общества.

на Руси «княжеские зеркала», в которых известные религиозные философы излагали свои представления об организации верховной власти в Византии. Наибольшее влияние, как в раннее, так и в позднее Средневековье, в России получили «Увещательные главы императору Юстиниану» дьяка Софийского Константинопольского собора Агапита (VI в.), известные у нас как «Наставление» («Поучение») Агапита, и «Послание князю Михаилу Болгарскому» византийского патриарха Фотия (IX в.). Агапит в «Поучении» советовал Юстиниану: все «полезное государству твоему изыскивай со всем речением при содействии благоразумнейших советников и усерднейших молитв», при этом советников избирай «не из тех, которые стараются всегда льстить, но тех, которые расположены давать советы полезные, потому что последние имеют в виду истинную пользу, а те как тени придерживаются образа мысли Государя и хвалят его каждое слово»¹.

Патриарх Фотий в «Послании князю Михаилу Болгарскому» уделил особое внимание именно необходимости учреждения совета при великом князе. «Всякое деяние совет предваряет... что не сделают руце многих и многи, сие совет един единым содействием [разрешит], поэтому совет предпочтителен многоручию». Если в делах государства наблюдается «неустойчивость» и, хуже того, «расстройство», то императору необходимо созвать совет и вместе со своими советниками размышлять, как бы это «расстройство» преодолеть. «Союз с предобрыми, добродетелию понуждаемыми [советниками] на ум [правителя] восходяще воставит». «Тщание с благим советом возводили поверженных на большие высоты могущества»².

Даниил не сомневался в необходимости постоянного коллегиального совета при великом князе – Думы, и главное его внимание сосредоточивалось на подборе ее членов, которых он называет думцами, поскольку на них возлагается ответственность за поступки князя, ибо «князь не сам впадает в вещь, но думцы вводят. З добрым думцею думая, князь высока стола добудет, а с лихим думцею меньшего лишен будет»³.

К необходимым для думца качествам Даниил Заточник относил: наличие ума, образованности (книжности) и «благости», последняя выражается в желании добра своему князю и своей стране⁴. Данные качества не зависят от социального положения и возраста возможного думца.

В предложенном им противопоставлении богатого и бедного (убогого) человека Даниил воспользовался почти дословно текстами «Изборника 1076 г.» и «Пчелы» (см. Таблицу).

Даниил Заточник ⁵	«Изборник 1076 г.» ⁶	«Пчела» ⁷
«...богат мужь везде знаем есть и на чюжеи странѣ друзи держить; а убогъ во своеи ненавидим ходить. Богат возглаголеть – вси молчат и вознесут слово его до облакъ; а убогий возглаголеть – вси нань кликнуть».	«Богатый возглаголет и вси оумолкша и вознесошася до небес. Оубогий же возглаголет и вси рекоша: что сие есть? И если споткнется дринут (подтолкнут) его».	«Богатый возглаголет и вси оумолкша и слово его вознесут до облакъ».

¹ Буланин Д. М. Поучение Агапита // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); отв. ред. Д. С. Лихачев. Т. XLIV. Гл. 22, 25. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. С. 12–13.

² Синицына Н. В. Послание Константинопольского патриарха Фотия князю Михаилу Болгарскому // ТОДРЛ. М.; Л.: АН СССР, 1965. Т. 21. С. 117.

³ В Академическом списке: А. XXXIII. Стб. 25–26: «Князь не сам впадает в вещь, но думцы вводят»; в Погодинском: XVIII. Стб. 43: «С лихим думцем думати – вскоре не добра здумати; со избранным избран будеши, а со строптивым развратиши»; в Чудовском – с пояснением: «Княже, не сам владеши, в печаль введут тя думцы твои» (Ч. XXIII. Стб. 58). Так и случилось, затеявший междоусобную княжескую распрю, следуя «злому совету» «неблагого» советника, князь Юрий Всеволодич «ссел» с великого владимирского стола на меньший – Городец на Волге, бывший тогда малым и незначительным городом.

⁴ Аналог: «Диодор. Мудра думца паче многих рук, и мудрый паче крепкого» (Пчела. По пергаменному списку. Труд В. Семенова // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1892. LIV. № 4. С. 20, 21. Далее – Пчела. Семенов).

⁵ Зарубин Н. Н. А. XIII. Стб. 11.

⁶ Изборник 1076. М., 1965. С. 349–350.

⁷ Пчела. Семенов. С. 127.

Однако не всегда богатый человек умен, а бедный глуп, может быть и «нищ бо мудр, аки злато в кални судни; а богат, красен и не смыслит, то аки наволочито изголовие соломы натыкано» (наволочка, соломой набитая)¹. Поэтому он советует князю не лишать «хлеба нища мудра и не вознесе до облак богата несмыслена»². Как бы хорош («красен») ни был сам князь, но его честь и славу по многим странам составляют «многие люди», т. е. совет князя, состоящий из «благих» и «смышленных» людей. В Чудовском списке к этой строчке сделано уточнение: «Княже наш, умными бояры предо многими людьми честен еси и по многим странам славен явися»³. Речь явно идет о советниках князя, но в Чудовском списке это уже не «многие люди», а «умные бояре». В Соловецком списке опять появляются «многие люди», но уже наряду с боярами: «...княже, наш доброумными бояры, и многи слугами честен, славен всем

¹ Зарубин Н. Н. А. XXVII. С. 21. Выражение «злато в кални сосуде» является аналогом «бисера в кале» (бисером на Руси называли жемчуг). О. П. Лихачева, исследовавшая историю этого образного выражения, нашла его в Повести временных лет, в которой сообщается, что княгиня Ольга происходила из крестьянской семьи, но по духовным качествам «светяшеся» среди неверных людей «аки бисер в кале». О. П. Лихачева установила, что первичным источником этой метафоры являются исторические сведения о поступке блудницы хананянки Равви, которая, будучи язычницей, поняла Божий промысел, ведущий израильтян в Ханаанскую землю, и помогла им, предав свой народ. В Толковом Апостоле содержится похвала Равви, «свидетельствующая об оправдании ее в блуде», поскольку она показала «цвет благочестия, светяся яко бисер в кале, злато в тимении (тине, грязи)». Толковый Апостол появился у восточных славян не ранее XII в. Выразительность этого сравнения могла быть причиной и не столь глубокомысленных заимствований – начиная с Даниила Заточника (Лихачева О. П. Яко бисер в кале // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 110–112). Это образное выражение употреблено Даниилом исключительно «к месту» (почему же «не столь глубокомысленных заимствований?») и образно характеризует бедного человека, который хотя и «нищ», но ум его «аки зерно злато в кални сосуде светитсися»; именно поэтому оно и дожило до литературы новейшего времени: «Навозну кучу разгребая, петух нашел жемчужное зерно» (Басня И. А. Крылова «Петух и жемчужное зерно»). Даниил Заточник, воспользовавшись этим красочным сравнением, проявил, как отметила О. П. Лихачева, свою недюжинную образованность и талант писателя, ибо именно «с него оно вошло в русскую литературу и, став «крылатым», не потеряло своей семантической и художественной привлекательности до наших дней.

² Зарубин Н. Н. А. XXVII. Стб. 21. См. Притч. XIX:1: «Муж есть убог ходяй в простоте своей, неже богатый строптивый и несмыслен». Подобное выражение есть и в «Пчеле» на с. 15: «Иже красен, а безумен, то аки наволочито възглавие соломы натыкано». Но и бедность не показатель ума, потому что и «убог [бывает] несмыслен», и тогда уже и он похож «на солому, в грязь втопанную» (Зарубин Н. Н. Ч. XVIII. Стб. 56). Автор этого списка еще раз обратил внимание, что при подборе думца не имеет значения ни род, ни племя (ни богатство, ни бедность), а только ум, образованность и высокие нравственные качества возможного советника князя.

Современник Даниила Заточника великий Данте Алигьери, стремясь исправить нравы соотечественников, пытался «показать им, что ни аристократическое происхождение, ни богатство, а только духовное совершенство и мудрость» являются теми качествами, при помощи которых «можно с наибольшей достоверностью усмотреть истину» столь необходимую монархам (Данте Алигьери. Малые произведения. С. 197). «Духовное пиршество предназначено для всех людей, стремящихся к знанию и совершенству, независимо от их состояния», а совершенство ума достигается приобретением знаний (Там же). У Данте идеальная монархия – синоним империи (он так и писал: «Монархия значит империя»), построенная по модели Рима периода принципата Октавиана Августа (с 63 г. до н. э. по 14 г. н. э.), при котором сохранялись все прежние республиканские органы и должности, но принцепс (сам Октавиан Август) становился главой армии с вручением ему функций главнокомандующего всеми войсками Рима, однако звания императора он не принимал. В «Монархии» Данте предлагает себя в советники правителю, полагая, что даже при самом хорошем устройстве империи совет умудренного опытом и знаниями философа всегда будет полезен императору.

Мысли этих современников, живущих в разных странах, практически в разных мирах, полностью совпадают, чему причиной является образование, которое и делает доступным «пиршество ума» и, безусловно, общий источник как абсолютный пример, к которому они постоянно восходят, – Священное Писание. Также несомненное значение имеет и весьма похожее состояние, в котором в то время находились Русь и Италия, ибо обе страны переживали период раздробленности XII–XIV вв., при которой существовали государства-княжества со своими правителями, враждовавшими друг с другом, ослабляя страну и облегчая внешним завоевателям доступ к ее территории с захватническими целями. На это обстоятельство обращал внимание А. Дж. Тойнби, утверждавший, что при сравнении стран, находящихся «в сходных естественных условиях, наблюдается и сходство социального существования... исследуя процесс роста цивилизаций, мы на целом ряде примеров убедились, что он повсюду единообразен... И хотя процесс роста единообразен вовлеченными в этот процесс странами (он называл его синхростадиальным), но и весьма различен...» (Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Айрис Пресс, 2002. С. 109). Однако идейное сходство порождено именно историческими обстоятельствами, имеющими много общих существенных признаков в означенный период времени.

³ Зарубин Н. Н. А. XXII. Стб. 17; Ч. XXX. Стб. 59.

странам являешься»¹. Во всех редакциях вполне очевидно и с большим одобрением говорится именно о княжеском совете – Думе.

Даниил восхваляет достоинства подданных, обладающих умом и образованием, убеждая князя, что одним из важнейших государственных дел является приобретение умных думцев. При этом не имеет значения не только социальное положение думца-советника, но и его возраст, ибо и в юном возрасте может быть «стар смысл», а мысли молодого человека (умного и книжного) способны «парить аки орел по воздуху»². Имея мудрых советников, князь сможет разумно и справедливо управлять подданными и защищать свою страну «от супостатов». «Мудра мужа посылай и мало ему накажи, а безумного посылай и сам по нем ити. Очи бо мудрых желают благих, а безумного дому пира. Лучши слушати прение умных нежели наказание безумных. Дай бо мудрому вину, премудрее будет»³.

К сожалению, ум не всегда сочетается с храбростью, поскольку бывает, что «умен муж не велми храбр на рати, но крепок в замыслах», поэтому князю для решения государственных дел и достижения военных успехов необходимо собирать не только храбрых, но и мудрых⁴. Безумного человека ничему научить невозможно, ибо «его учить, что в утл мех [воду] лити, подобен ему будеши»⁵, поэтому «не отметаи безумному безумия его да не подобен ему будеши»⁶. Безумных много, их «не сеят, не орют, не собирают в житницу, они сами ся родят»⁷, поэтому Даниил, настойчиво повторяя, советует князю «совокуплять мудрых»⁸.

Кроме Думы, играющей важную роль при князе, по мнению Даниила Заточника, ему еще необходимы советы философа-мудреца, не только умного, но и широко образованного человека. В качестве такого советника он предлагает себя, и в этом плане, как представляется, он просит князя заметить многие его достоинства: «Пусти тучу на землю художества моего»⁹. Автор «Слова» обращает внимание на свою образованность, которой он достиг благодаря своим неустанным трудам: «Аз бо, княже ни за море [не] ходил, ни от философ научихся, но бых аки пчела, падая по розным цветом, совокупляя медвенный сот; тако и аз по многим книгам исьбиря сладость словесную и разум, и совокупих аки в мех воды морския»¹⁰. Он не только умен, но

¹ Зарубин Н. Н. Сл. IX. Стб. 80.

² Зарубин Н. Н. А. XXVIII. Стб. 22.

³ Перифраз из Книги Экклезиаста: Эккл. VII:4: «Сердце мудрых – в доме плача, а сердце глупых – в доме веселья». Последняя строка: «Дай мудрому вину, премудрее будет» – Притч. IX:9. Даниил в этом разделе текста соединил стихи не только из разных глав, но и из разных книг Священного Писания, явно рассчитывая на образованного читателя. Этот текст совпадает только с церковно-славянским текстом Библии, которым пользовался Даниил и его современники. В новых переводах (СПб., 1892 и М., 1988) слово «вина» заменено словом «наставление» (перевод юбилейного издания Библии 1988 г. повторил ошибку перевода 1892 г.) – замена далеко не равнозначная. Дать «вину» означает обвинить кого-либо в проступке или преступлении; мудрый человек, осознав свою вину (которую ему вменили – дали) и претерпев наказание, мудрее будет.

⁴ Зарубин Н. Н. Ч. XXIV Стб. 5: «Аще есми на рати не велми хоробр, но в словесах крепок; тем сбирая храбрые и совокупляй смысленя». См.: Сл. XVII. Стб. 83: «Умен муж не добре хоробр на рати, но на думу угоден».

⁵ Зарубин Н. Н. А. XXXI. Стб. 23–24.

⁶ Зарубин Н. Н. А. XLVII. Стб. 34. Аналог – Притч. XXVI:4: «Не отвещай (у Даниила – „не отметаи“) безумному по безумию его, да не подобен ему будеши».

⁷ Аналог этого текста есть в Библии (Сир. VII:3) и в Повести об Акире Премудром (Повесть о Акире Премудром // ПЛДР. XII в. М.: Худ. лит., 1980. С. 252).

⁸ См.: Притч. XIII:13:21: «...ходай с премудрым и сам премудр будет, ходай с безумными познан будет» (как безумный). См. также: Сир. 6:35: «Кто мудр, к тому прилепится».

⁹ Зарубин Н. Н. А. XII. Стб. 11.

¹⁰ Зарубин Н. Н. А. XLVI. Стб. 33. Аналог – Притч. XXXII:7: «Собирай аки в мех воды морския, полагай в сокровищих бездны».

О трудолюбивой пчеле есть запись и в «Пчеле»: «Исократ. Яко же бчелу видим по всем садом и зельнем летающе от когожо их полезное приемлюще, тако же оуноши оучащиеся философии и на высоту мудрости хотящи взыти и отвсюду лоучьшая собирают. Больма храни словесное сокровище, нежели стяжание» (Пчела. Семенов. С. 167).

К сравнению с трудолюбивой пчелой прибегали многие средневековые писатели. Так, Кирилл Туровский пишет «о мнишьского образа трудолюбивой пчеле» (Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л.: АН СССР, 1957. Т. XIII. С. 419–426). Максим Грек в «Слове на латинов» сравнивает писательский труд с работой пчелы: «Хотех и аз пчелам поревновати, летающим по всяким цветом, но не от всех събирающим мед» (Максим Грек. Сочинения. Ч. 2. Казань, 1860. С. 236).

скор на слово [находчив] и красноречив: «И бысть язык мой, трость книжника скорописца и уветлива уста, аки речная быстрина»¹.

Анализ текста «Слова Даниила Заточника» и вышеприведенных его редакций приводит нас к единственному выводу: Даниил не считал полезным для общества и государства сосредоточение всех властных прерогатив в руках одного человека – великого князя. Согласно его представлениям, князь должен разделять свои полномочия с постоянным коллегиальным советом, который Даниил первым в истории политической мысли назвал Думой. Советы случайных людей недостаточны для такого ответственного дела, как решение государственно-правовых вопросов во внутренней жизни страны и охраны целостности государства во внешнеполитических отношениях. Для решения таких задач должна быть создана Дума при носителе верховной власти, в состав которой необходимо подбирать разумных («смысленных») и благомыслящих людей, независимо от их социального статуса, с возложением на них ответственности за советы, даваемые князю.

Подводя итоги изложенному, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в произведениях Даниила Заточника сформирована достаточно аргументированная концепция ограничения власти князя: он говорит о необходимости создания коллегиального органа при князе, определяет требования к лицам, которые должны входить в Думу. Прогрессивным и значимым для своего времени в идеях Даниила является то, что мыслитель видит в составе коллегиального органа не только лиц, имеющих высокий социальный статус, но и людей, обладающих умом, знаниями, стремлением принести пользу своему государству.

Во-вторых, обратившись к научной и учебной литературе, можно увидеть, что, как правило, выделяются такие формы государственного правления, как монархия и республика. Однако такая классификация все чаще вызывает дискуссию среди исследователей, так как многие современные государства уже не укладываются в традиционные рамки, сочетая черты различных форм государственного правления и их видов. Похожая ситуация складывается и при характеристике государств в исторической ретроспективе. Обратившись к периоду творчества Даниила Заточника, можно увидеть, что форму государственного правления на Руси в период, когда были написаны труды мыслителя, обычно определяют как раннефеодальную монархию, отмечая при этом, что «наблюдается два политических авторитета: 1) княжеский и 2) городской, или вечевой»². На наш взгляд, отнесение Руси к раннефеодальной монархии в указанный период является как минимум дискуссионным, так как наличие веча и особенности его формирования и функционирования позволяют выявить признаки республиканской формы правления³. В анализируемом произведении Даниила Заточника мы также видим стремление не абсолютизировать власть князя, а, напротив, создать основу для участия представителей всех сословий в управлении государством, в зависимости от наличия у них необходимых качеств, а не только родословия и богатства. Тем самым он предлагает монархию с элементами республики, а именно ограниченную монархию. При дальнейшем развитии русской государственности в XV–XVI вв. Дума получает статус даже не совещательного, а законодательного органа, юридически закрепленный в Судебниках 1497 и 1589 гг., а в состав Земских собраний, оформившихся в середине XVI в., начинают входить представители разных сословий русского общества⁴. Это свидетельствует о том, что политические идеи Даниила Заточника получили реальное воплощение в действительности.

В-третьих, политический идеал Даниила Заточника, скорее всего, возможно рассматривать как предвестие ограниченной (сословно-представительной) монархии. Он был первым мыслителем, поставившим в истории политических учений России вопрос о необходимости создания коллегиального постоянного совета при носителе верховной власти, призванного разделить с ним властно-управленческие и судебные полномочия.

¹ Зарубин Н. Н. А. II. Стб. 5; Ч. II. Стб. 53. См.: Пс. XLIV:44:2: «Отрыгнет сердце мое слово благо, глаголю аз дела мои цареви: Язык мой трость книжника скорописца».

² Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. М.: АСТ, 2017. С. 95.

³ Золотухина Н. М., Власова Т. В. Средневековые мыслители об организации верховной власти (форме правления) // Российское правосудие. 2022. № 9. С. 20.

⁴ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 55–78.

Принятые сокращения

- БЛДР – Библиотека Древней Руси.
ВМЧ – Великие Минеи Четьи.
ПВЛ – Повесть временных лет.
ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв.

Список источников

Адрианова-Перетц В. П. К вопросу о круге чтения древнерусского писателя // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1974. Т. XXVIII. С. 3–29.

Айналов Д. В. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1908. Т. 13. Кн. 1. С. 362–365.

Баркалов В. Я. История политических учений в России в XI–XIII вв. Барнаул, 1992. 109 с.

Бессонов П. Несколько замечаний по поводу напечатанного в «Русской беседе» Слова Даниила Заточника // Москвитянин. 1865. Т. 2. № 7. С. 319–351.

Будовниц И. У. Памятник ранней дворянской публицистики // ТОДРЛ. М.: Л.: АН СССР, 1951. Т. VIII. С. 138–157.

Буланин Д. М. Поучение Агапита // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом); отв. ред. Д. С. Лихачев. Т. XLIV. Гл. 22, 25. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. С. 7–27.

Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М.: Территория будущего, 2006. 366 с.

Водовозов Н. В. История древней русской литературы. М.: Просвещение, 1972. 386 с.

Горнова Д. Н. Становление идеи «единодержавной» власти в литературе Киевской Руси // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История и политология. 2007. № 4/3. С. 229–233.

Графский В. Г. История политических и правовых учений. М.: Прогресс, 2005. 593 с.

Данте. Божественная комедия. М.: Худ. лит., 1978. 627 с.

Данте Алигьери. Малые произведения. М.: Наука, 1968. 651 с.

Доброхотов А. Л. Вступительная статья // Данте. Монархия. М.: Канон-Пресс Ц. Кучково поле, 1999. С. 5–18.

Долгих Н. В. Политические идеи и правовые мысли Древней Руси // Science time. 2014. № 7. С. 95–104.

Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л.: АН СССР, 1957. Т. XIII. С. 419–426.

Жиляков С. В. «Слово Даниила Заточника» как манифест самодержавия на Руси // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 3. С. 57–61.

Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863. 581 с.

Золотухина Н. М., Власова Т. В. Средневековые мыслители об организации верховной власти (форме правления) // Российское правосудие. 2022. № 9. С. 13–22.

Золотухина Н. М., Власова Т. В. Форма правления в России XI – первой трети XIII в. // Российское правосудие. 2022. № 8. С. 5–11.

Иларион. Слово о Законе и Благодати / реконструкция древнерус. текста Л. П. Жуковской; пер., вступ. ст. В. Я. Дерягина; коммент. В. Я. Дерягина, А. К. Светозарского. М.: ПИФ «Столица»; НИЦ «Скрипторий», 1994. 143 с.

История политических и правовых учений. СПб.: СПГУ, 2007. 854 с.

История политических и правовых учений / отв. ред. В. В. Лазарев. М.: Высшее образование, 2008. 917 с.

История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение / отв. ред. В. С. Нерсесянц. М.: Наука, 1986. 349 с.

Истрин В. М. Был ли Даниил Заточник действительно заточен? // Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете. 1902. Т. 10. 32 с.

Князьков С. Самодержавие в его исконном смысле. СПб., 1906. 37 с.

Курбский А. М. История о великом князе Московском. СПб., 1913. 108 с.

Лемешко Г. А. Философия Киевской Руси. Зарождение социально-политической мысли // Культура и цивилизация. 2019. № 1(9). С. 43–50.

Лихачев Д. С. Социальные основы «Моления» Даниила Заточника // ТОДРЛ. М.: Л.: АН СССР, 1954. Т. X. С. 106–119.

Лихачева О. П. Яко бисер в кале // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 110–132.

Лященко А. И. О времени написания «Слова Даниила Заточника» // Труды Римского археологического съезда. М., 1896. Т. 1. С. 1–8.

- Лященко А. И. О Молении Даниила Заточника. СПб., 1896. 46 с.
- Максим Грек. Сочинения. Ч. 2. Казань, 1860. 460 с.
- Мещерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV вв. Л.: ЛГУ, 1978. 112 с.
- Модестов Е. И. Послание Даниила Заточника // ЖМНП. 1880. Октябрь – ноябрь. № 11. С. 165–196.
- Моисеева Г. Н. «Валаамская беседа» – памятник русской публицистики XVI века. М.; Л.: АН СССР, 1958. 199 с.
- Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. Т. 1. 741 с.
- Овчинников А. И., Гасанова З. Д., Фатхи В. И. Образ самодержавия и государственно-правовые идеалы в период Древнерусского государства // Философия права. 2016. № 4. С. 35–41.
- Омельченко О. А. История политических и правовых учений. М.: Эксмо, 2006. 575 с.
- Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. М.: АСТ, 2017. 718 с.
- Повесть о Акире Премудром // ПЛДР. XII в. М.: Худ. лит., 1980. 704 с.
- Покровский В. С. История политической мысли. М.: Госюриздат, 1951. 129 с.
- Покровский С. А. Политические идеи в Древней Руси // История политических учений. М.: Высшая школа, 1965. С. 112–119.
- Преп. Максим Грек. Сочинения. Т. 1. М.: Индрик, 2008. 568 с.
- Пчела. По пергаменному списку. Труд В. Семенова // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1892. LIV. № 4. 444 с.
- Русская философия. Энциклопедия. М., 2014. 830 с.
- Сапунов Б. В. Книга в России в XI–XIII вв. Л.: Наука, 1978. 230 с.
- Синицына Н. В. Послание Константинопольского патриарха Фотия князю Михаилу Болгарскому // ТОДРЛ. М.; Л.: АН СССР, 1965. Т. 21. С. 101–125.
- Скрипиль М. О. «Слово» Даниила Заточника // ТОДРЛ. М.: Л.: АН СССР, 1955. Т. XI. С. 72–95.
- Скрынников Р. Г. Русская история IX–XVII вв. СПб.: СПГУ, 2006. 580 с.
- Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Подготовил к печати Н. Н. Зарубин. Л.: АН СССР, 1932. Серия древнерусской литературы. Вып. 5. 165 с.
- Советская историческая энциклопедия. Т. 4. М.: Сов. энциклопедия, 1963. 542 с.
- Сочинения И. Пересветова. М.; Л.: АН СССР, 1956. 388 с.
- Сочинения Ф. И. Карпова // ПЛДР. Конец XV – первая половина XVI века. М.: Худ. лит., 1984. С. 495–519.
- Тойнби А. Дж. Постижение истории. М: Айрис Пресс, 2002. 640 с.
- Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли. X–XVIII века. М.: Зерцало, 2003. 255 с.
- Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. 417 с.
- Энгель Е. А. Государство и формы его строя. Пг.: Кооперативное книгоиздательское товарищество «Книга», 1919. 122 с.

References

- (1956) *Sochineniya I. Peresvetova* [The works of I. Peresvetov]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 388 p.
- (1963) *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [The Soviet historical encyclopedia]. Vol. 4, Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 542 p.
- (1980) *Povest' o Akire Premudrom* [The Story of Akira the Wise]. In *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. XII v.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 704 p.
- (1984) *Sochineniya F. I. Karpova* [Works by F. I. Karpov]. In *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. Konec XV – pervaya polovina XVI veka.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 495–519.
- (2007) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii* [The history of political and legal doctrines]. Saint-Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 854 p.
- (2010) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [The new philosophical encyclopedia]. Moscow, Mysl', vol. 1. 741 p.
- (2014) *Russkaya filosofiya. Entsiklopediya* [Russian philosophy. Encyclopedia]. Moscow, 830 p.
- Adrianova-Peretts V. P. (1974) *K voprosu o krughe chteniya drevnerusskogo pisatelya* [On the question of the circle of reading of the ancient Russian writer]. In *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, Leningrad, Nauka, vol. XXVIII, pp. 3–29.
- Ainalov D. V. (1908) *Ocherki i zametki po istorii drevnerusskogo iskusstva* [Essays and notes on the history of Ancient Russian art]. Saint-Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, vol. 13, book 1, pp. 362–365.
- Barkalov V. Ya. (1992) *Istoriya politicheskikh uchenii v Rossii v XI–XIII vv.* [History of political teachings in Russia in the XI–XIII centuries]. Barnaul, Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 109 p.

Bessonov P. (1865) Neskol'ko zamechanii po povodu napechatannogo v «Russkoi besede» Slova Daniila Zatochnika [A few remarks about the Word of Daniil Zatochnik published in the «Russian Conversation»]. In *Moskvityanin*, vol. 2, no. 7, pp. 319–351.

Budovnits I. U. (1951) Pamyatnik rannei dvoryanskoj publitsistiki [Monument of early noble journalism]. In *Trudy otdela drevnerusskoj literatury*, Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, vol. VII, pp. 138–157.

Bulanin D. M. (1990) Pouchenie Agapita [Agapit's Teaching]. In *Trudy otdela drevnerusskoj literatury*, Akademiya nauk SSSR, Institut russkoi literatury (Pushkinskii dom), ed. by D. S. Likhachev, vol. XLIV, Leningrad, Nauka, pp. 7–27.

Cherepnin L. V. (1978) *Zemskie sobory russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv.* [Zemsky sobor of the Russian state in the XVI–XVII centuries]. Moscow, Nauka, 417 p.

Dante (1978). *Bozhestvennaya komediya* [The Divine Comedy]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 627 p.

Dante Alig'eri. (1968) *Malye proizvedeniya* [Small works]. Moscow, Nauka, 651 p.

Dobrokhotov A. L. (1999) Vstupitel'naya stat'ya [Introductory article]. In Dante. *Monarkhiya*, Moscow, Kanon-Press tsentr, Kuchkovo pole, pp. 5–18.

Dolgikh N. V. (2014) Politicheskie idei i pravovye mysli Drevnei Rusi [Political ideas and legal thoughts of Ancient Russia]. In *Science time*, no. 7, pp. 95–104.

Engel' E. A. (1919) Gosudarstvo i formy ego stroya [The state and the forms of its system]. Petrograd, Kooperativnoe knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Kniga», 122 p.

Eremin I. P. (1957) Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo [Literary heritage of Kirill Turovsky]. In *Trudy otdela drevnerusskoj literatury*, Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, vol. XIII, pp. 419–426.

Gornova D. N. (2007) Stanovlenie idei «edinoderzhavnoi» vlasti v literature Kievskoi Rusi [The formation of the idea of «one-power» power in the literature of Kievan Rus]. In *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya i politologiya*, no. 4/3, pp. 229–233.

Grafskii V. G. (2005) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii* [The history of political and legal doctrines]. Moscow, Progress, 593 p.

Ilarion (1994) *Slovo o Zakone i Blagodati* [A Word about Law and Grace], rekonstruktsiya drevnerusskogo teksta L. P. Zhukovskoi; per., vstup. st. V. Ya. Deryagina; komment. V. Ya. Deryagina, A. K. Svetozarskogo. Moscow, PIF «Stolitsa», NITs «Skriptorii», 143 s.

Istrin V. M. (1902) Byl li Daniil Zatochnik deistvitel'no zatochen? [Was Daniil Zatochnik really imprisoned?] In *Letopis' Istoriko-filologicheskogo obshchestva pri Novorossiiskom universitete*, vol. 10. 32 p.

Knyaz'kov S. (1906) *Samoderzhavie v ego iskonnom smysle* [Autocracy in its original sense]. Saint-Petersburg, 37 p.

Kurbskii A. M. (1913) *Istoriya o velikom knyaze Moskovskom* [The story of the Grand Duke of Moscow]. Saint-Petersburg, Tipografiya M. A. Aleksandrova, 108 p.

Lazarev V. V. (Ed.) (2008) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii* [The history of political and legal doctrines]. Moscow, Vysshee obrazovanie, 917 p.

Lemeshko G. A. (2019) Filosofiya Kievskoi Rusi. Zarozhdenie sotsial'no-politicheskoi mysli [Philosophy of Kievan Rus. The origin of socio-political thought]. In *Kultura i tsivilizatsiya*, no. 1, pp. 43–50.

Likhachev D. S. (1954) Sotsial'nye osnovy «Moleniya» Daniila Zatochnika [The social foundations of Daniil Zatochnik's «Prayer»]. In *Trudy otdela drevnerusskoj literatury*, Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, vol. X, pp. 106–119.

Likhacheva O. P. (1997) Yako biser v kale [Yako beads in kale]. In *Trudy otdela drevnerusskoj literatury*, Saint-Petersburg, vol. 50, pp. 110–132.

Lyashchenko A. I. (1896) *O Molenii Daniila Zatochnika* [On the Prayer of Daniil Zatochnik]. Saint-Petersburg, 46 p.

Lyashchenko A. I. (1896) O vremeni napisaniya «Slova Daniila Zatochnika» [On the time of writing «The Word of Daniil Zatochnik»]. In *Trudy Rimskogo arkheologicheskogo s"ezda*, Moscow, vol. 1, pp. 1–8.

Maksim Grek (1860) *Sochineniya* [Works]. Kazan', part 2, 460 p.

Maksim Grek (2008) *Sochineniya* [Works]. Moscow, Indrik, vol. 1, 568 p.

Meshcherskii N. A. (1978) *Istochniki i sostav drevnei slavyano-russkoi perevodnoi pis'mennosti IX–XV vv.* [Sources and composition of the ancient Slavic-Russian translated writing of the IX–XV centuries]. Leningrad, Leningradskii gosudarstvennyi universitet. 112 p.

Modestov E. I. (1880) Poslanie Daniila Zatochnika [The Message of Daniil Zatochnik]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, no. 11, pp. 165–196.

Moiseeva G. N. (1958) «Valaamskaya beseda» – pamyatnik russkoi publitsistiki XVI veka [«Valaam conversation» – monument of Russian journalism of the XVI century]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 199 p.

Nersesyants V. S. (1986) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii. Srednie veka i Vozrozhdenie* [The history of political and legal doctrines. The Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Nauka, 349 p.

Ovchinnikov A. I., Gasanova Z. D., Fatkhi V. I. (2016) *Obraz samoderzhaviya i gosudarstvenno-pravovye idealy v period Drevnerusskogo gosudarstva* [The image of autocracy and state-legal ideals in the period of the Ancient Russian state]. In *Filosofiya prava*, no. 4, pp. 35–41.

Omel'chenko O. A. (2006) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii* [The history of political and legal doctrines]. Moscow, Eksmo, 575 p.

Platonov S. F. (2017) *Polnyi kurs lektsii po russkoi istorii* [A complete course of lectures on Russian history]. Moscow, AST, 718 p.

Pokrovskii S. A. (1965) *Politicheskie idei v Drevnei Rusi* [Political ideas in Ancient Russia]. In *Istoriya politicheskikh uchenii*, Moscow, Vysshaya shkola, pp. 112–119.

Pokrovskii V. S. (1951) *Istoriya politicheskoi mysli* [The history of political thought]. Moscow, Gosyurizdat, 129 p.

Sapunov B. V. (1978) *Kniga v Rossii v XI–XIII vv.* [The book in Russia in the XI–XIII centuries]. Leningrad, Nauka, 230 p.

Semenov V. (1892) *Pchela. Po pergamenному spisku* [Bee. According to the parchment list]. In *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk*, Saint-Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, vol. LIV, no. 4, 444 p.

Sinitsyna N. V. (1965) *Poslanie Konstantinopol'skogo patriarkha Fotiya knyazyu Mikhailu Bolgarskomu* [The message of Patriarch Photius of Constantinople to Prince Mikhail of Bulgaria]. In *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, vol. 21, pp. 101–125.

Skipil' M. O. (1955) «Slovo» Daniila Zatochnika [The «Word» of Daniil Zatochnik]. In *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, vol. XI, pp. 72–95.

Skrynnikov R. G. (2006) *Russkaya istoriya IX–XVII vv.* [Russian history of the IX–XVII centuries]. Saint-Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 580 p.

Toinibi A. Dzh. (2002) *Postizhenie istorii* [Comprehension of history]. Moscow, Airis Press, 640 p.

Tomsinov V. A. (2003) *Istoriya russkoi politicheskoi i pravovoi mysli. X–XVIII veka* [The history of Russian political and legal thought. X–XVIII centuries]. Moscow, Zertsalo, 255 p.

Val'denberg V. E. (2006) *Drevnerusskie ucheniya o predelakh tsarskoi vlasti. Ocherki russkoi politicheskoi literatury ot Vladimira Svyatogo do kontsa XVII veka* [Ancient Russian teachings on the limits of tsarist power. Essays on Russian political literature from Vladimir the Saint to the end of the XVII century]. Moscow, Territoriya budushchego, 366 p.

Vodovozov N. V. (1972) *Istoriya drevnei russkoi literatury* [The history of ancient Russian literature]. Moscow, Prosveshchenie, 386 p.

Zarubin N. N. (Ed.) (1932) *Slovo Daniila Zatochnika po redaktsiyam XII i XIII vv. i ikh peredelkam* [The Word of Daniil Zatochnik on the editions of the XII and XIII centuries and their alterations]. Leningrad, Akademiya nauk SSSR, Ser. drevnerusskoi literatury, is. 5, 165 p.

Zhilyakov S. V. (2019) «Slovo Daniila Zatochnika» kak manifest samoderzhaviya na Rusi [«The Word of Daniil Zatochnik» as a manifesto of autocracy in Russia]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 57–61.

Zinovii Otenskii (1863). *Istiny pokazanie k voprosivshim o novom uchenii* [The indication of truth to those who asked about the new teaching]. Kazan', 581 p.

Zolotukhina N. M., Vlasova T. V. (2022) *Forma pravleniya v Rossii XI – pervoi treti XIII v.* [The form of government in Russia in the XI – first third of the XIII century]. In *Rossiiskoe pravosudie*, no. 8, pp. 5–11.

Zolotukhina N. M., Vlasova T. V. (2022) *Srednevekovye mysliteli ob organizatsii verkhovnoi vlasti (forme pravleniya)* [Medieval thinkers on the organization of supreme power (form of government)]. In *Rossiiskoe pravosudie*, no. 9, pp. 13–22.

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ НА ФЕДЕРАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Зуев Роман Олегович

Студент Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Москва), ORCID: 0009-0000-3191-4268, e-mail: zuev.ramzes2015@yandex.ru.

Надин Алексей Николаевич

Аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (ИЗиСП) (Москва), ORCID: 0000-0003-3563-5877, e-mail: alex.nadin00@gmail.com.

Представлена авторская концепция отдельных положений рамочного федерального закона «О федеральных территориях». Исследователями предложены структурное видение будущего законодательного акта, конкретизированы нормы, определяющие общие принципы правового статуса федеральных территорий: предмет регулирования и цели принятия федерального закона, категориальный аппарат, принципы и порядок образования федеральных территорий, их виды, цели и основания создания федеральных территорий. Также в статье проанализированы правовые основы и доктринальные подходы, опосредующие порядок создания и функционирования территориальных единиц особого типа в системе публичной власти Российской Федерации.

Ключевые слова: федеральная территория, рамочное регулирование, Сириус, публичная власть, территориальное образование, создание федеральных территорий

Для цитирования: Зуев Р. О., Надин А. Н. К вопросу об организации публичной власти на федеральных территориях в Российской Федерации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 4. С. 89–95. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_89.

ON THE ISSUE OF THE ORGANIZATION OF PUBLIC AUTHORITY IN THE FEDERAL TERRITORIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Zuev Roman

Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow), ORCID: 0009-0000-3191-4268, e-mail: zuev.ramzes2015@yandex.ru.

Nadin Aleksey

Post-graduate, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow), ORCID: 0000-0003-3563-5877, e-mail: alex.nadin00@gmail.com.

The authors' concept of certain provisions of the framework Federal Law «On Federal Territories» is presented. The researchers proposed a structural vision of the future legislative act, concretized the norms that define the general principles of the legal status of federal territories: the subject of regulation and the purpose of the adoption of the federal law, basic terms and concepts, the principles and procedure for the formation of federal territories, their types, the purpose and grounds for the creation of federal territories. The article also analyzes the legal foundations and doctrinal approaches that mediate the procedure for the creation and functioning of territorial units of a special type in the system of public authority of the Russian Federation.

Key words: federal territory, framework regulation, Sirius, public authority, territorial formation, creation of federal territories

For citation: Zuev R., Nadin A. (2023) On the issue of the organization of public authority in the federal territories in the Russian Federation. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu juridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 89–95, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_89.

Конституционная реформа 2020 г. стала индикатором огромного количества преобразований в российском обществе. Существенным изменениям оказалась подвержена и организация публичной власти в России. Помимо сближения организационных и функциональных основ взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти, конкретизации взаимодействия федеральных органов государственной власти (Президента РФ, Правительства РФ и национального парламента) и других нововведений, была установлена возможность создания ранее не известного для отечественной практики государственного строительства вида (типа) публично-правового образования – федеральных территорий (далее – ФТ). Последняя из новелл и является предметом настоящего исследования, непосредственное внимание в рамках которого обращено на организацию публичной власти на соответствующих территориях.

Часть 1 ст. 67 Конституции РФ в качестве правовой основы создания ФТ и организации публичной власти на них называет федеральный закон (в единственном числе). На первый взгляд, с синтаксической точки зрения это говорит о предполагавшейся законодателем возможности принятия единого федерального закона о ФТ, в рамках которого будут регламентированы общие вопросы правового статуса ФТ и особенности организации публичной власти на них¹. Однако позднее, в ходе первой практической реализации нового конституционного положения, был избран другой способ правового регулирования образования и функционирования ФТ: путем принятия отдельных федеральных законов по каждой такой территории², первым из которых стал Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории „Сириус“» (далее – Федеральный закон № 437-ФЗ).

Предполагаем, что формирующийся подход к законодательному регулированию статуса ФТ нельзя признать оптимальным в сложившихся условиях. Данная позиция обусловлена тем, что при конструировании юридического статуса соответствующих специальных территориальных единиц в законодательстве должны быть сформированы единые подходы, общие формулы, определяющие векторы развития, полномочия, порядок осуществления власти на ФТ. Решение указанных вопросов в рамочном федеральном законе позволит избежать чрезмерности регулирования отношений, составляющих предмет отдельного законодательного акта о федеральной территории, и сфокусировать внимание на наиболее важном – особенностях и специфике конкретной ФТ.

Кроме этого, отметим, что в научной среде выделяются и иные преимущества принятия единого нормативного правового акта, устанавливающего общие принципы организации и функционирования публичной власти на федеральных территориях³.

На наш взгляд, вопрос организации публичной власти на ФТ с учетом имеющегося законодательного регулирования требует более широких и детальных обсуждений.

Федеральным законом № 437-ФЗ для ФТ «Сириус» установлена система органов публичной власти, состоящая из законодательного и исполнительного органов, а также своего рода высшего должностного лица. С одной стороны, если исходить из мнения о том, что ФТ имеет административно-территориальную природу, то спорной представляется потребность в наличии законодательного органа⁴. С другой стороны, она может быть объяснена необходимостью осуществления полномочий по предме-

¹ Чуклин А. В. К вопросу об организации публичной власти на федеральной территории // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 10. С. 12.

² Клишас: По каждой федеральной территории будет отдельный закон // Российская газета. 2020. 11 дек. URL: <https://rg.ru/2020/12/11/klishas-po-kazhdoj-federalnoj-territorii-budet-otdelnyj-zakon.html> (дата обращения: 30.05.2023).

³ Стариков С. С. К вопросу о конституционно-правовом статусе органов публичной власти федеральных территорий // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 3. С. 22–23.

⁴ Пешин Н. Л. Территориальная организация публичной власти в границах федеральных территорий // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 7. С. 37.

там ведения субъектов Российской Федерации и решения вопросов местного значения¹.

Как следует из данных рассуждений, проблемы организации и осуществления деятельности органов публичной власти ФТ во многом обусловлены необходимостью более грамотного установления правовой природы указанного территориального образования, отграничения ее правового статуса от субъекта федерации и (или) муниципального образования.

Считаем необходимым указать, что с позиций юридической техники вопросу организации публичной власти в специальном федеральном законе «О федеральных территориях» должна быть посвящена отдельная глава.

По справедливому мнению А. В. Чуклина, цель создания в большей степени должна определять правовой режим организации публичной власти на ФТ². В зависимости от того, насколько созданием такой территории затрагиваются интересы соответствующего территориального коллектива, должна определяться степень участия местного населения в формировании соответствующих органов. И наоборот, чем более важными в общегосударственном масштабе являются цели образования ФТ, тем в большей степени должно проявляться влияние федерального центра. Это стоит определять в каждом конкретном случае индивидуально, в зависимости от комплекса поставленных целей.

В связи с этим считаем необходимым и возможным отразить в рамочном законе о ФТ положения о приоритетном учете интересов Российской Федерации при формировании органов публичной власти такого вида рассматриваемых территориальных образований, как территории, созданные в сфере обеспечения национальной безопасности. При формировании же органов публичной власти ФТ иных видов представляется целесообразным в большей степени учитывать интересы местного населения.

Так, в соответствии с Федеральным законом № 437-ФЗ глава администрации ФТ «Сириус» назначается Советом ФТ «Сириус» на срок до пяти лет (ч. 2 ст. 14). Такой подход представляется правильным для учета интересов местного населения. В случае же создания федеральных территорий в сфере обеспечения национальной безопасности преобладание интересов Российской Федерации могло бы быть выражено назначением глав администраций таких территорий Президентом РФ.

В силу ч. 1 ст. 12 Федерального закона № 437-ФЗ законодательный орган – Совет федеральной территории «Сириус» – формируется сроком на пять лет в составе 17 членов, из которых:

- 1) девять членов избираются в соответствии с законодательством Российской Федерации о выборах на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании;
- 2) три – назначаются Президентом РФ;
- 3) три – назначаются Правительством РФ;
- 4) один – назначается высшим должностным лицом Краснодарского края;
- 5) глава администрации федеральной территории «Сириус», который входит в состав Совета по должности.

Наличие в данном органе публичной власти представителей каждого из традиционных видов публично-правовых образований (федерации, субъекта федерации и муниципального образования) не является случайным, а обусловлено особенностями интегрированной компетенции представительного органа ФТ, сочетающей полномочия федерального, регионального и местного уровней публичной власти³.

В. А. Майборода выдвигает позицию, что в порядок формирования Совета ФТ «Сириус» заложена идея управления хозяйственным обществом через голоса «совета директоров»: 52 % принадлежит мажоритарному участнику (народу, избравшему де-

¹ Лексин И. В. Федеральные территории в России: перспективы и проблемы реализации конституционных нововведений // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 32.

² Чуклин А. В. Указ. соч. С. 13.

³ Ежукова О. А., Малютин Н. С. Особенности организации публичной власти на отдельных территориях: опыт Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 12. С. 22.

вать членов); 47 % принадлежит другому мажоритарному участнику (Российская Федерация), а 1 % формально принадлежит двум миноритарным участникам¹.

Такой подход видится не совсем точным. Представители Российской Федерации (Президент РФ и Правительство РФ) назначают только шесть членов Совета ФТ, что соответствует 35 % от общего числа его членов. Глава администрации ФТ «Сириус» входит в состав Совета по должности. Назначение высшим должностным лицом Краснодарского края только одного представителя в состав ФТ считаем недостаточным, так как именно этот субъект федерации имеет наиболее тесную связь с вновь сформированным публично-правовым образованием, поэтому представительство Краснодарского края должно быть повышено минимум до двух членов Совета ФТ². Полагаем, что указанное изменение не потребует увеличения численного состава представительного органа ФТ, так как место члена Совета ФТ может быть взято из квоты Правительства РФ.

В части рамочного регулирования порядка формирования представительных органов федеральных территорий видится, что их количественный состав должен зависеть от численности населения соответствующей территории и устанавливаться в общем законе в виде диапазона допустимой численности, как это сделано, например, для представительных органов местного самоуправления (ч. 6 ст. 35 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»).

Так, учитывая достаточно малые размеры ФТ «Сириус», можно принять численность ее законодательного органа в качестве минимальной, а в качестве максимальной – число, скажем, 37. Таким образом, в рамочном законе должно закрепляться положение примерно следующего содержания: «Советы федеральных территорий формируются сроком на пять лет общей численностью от 17 до 37 членов. Количество членов Совета федеральной территории определяется ее Уставом и зависит от численности населения».

Кроме того, нельзя забывать и о необходимости приоритетного учета интересов либо Российской Федерации, либо местного населения в зависимости от вида ФТ. В Совете ФТ «Сириус» 10 из 17 членов (т. е. более половины, но чуть менее 2/3) представляют интересы именно территориального коллектива, поскольку девять из них избираются населением и один назначается высшим должностным лицом Краснодарского края. Для советов же федеральных территорий, созданных в сфере обеспечения национальной безопасности, представляется необходимым установить, наоборот, преобладающее представительство интересов Российской Федерации. Так, при той же минимальной численности законодательного органа это может быть обеспечено следующим составом:

- 1) пять членов избираются в соответствии с законодательством Российской Федерации о выборах на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании;
- 2) пять – назначаются Президентом РФ;
- 3) пять – назначаются Правительством РФ;
- 4) один – назначается высшим должностным лицом субъекта РФ;
- 5) глава администрации федеральной территории, который входит в состав Совета по должности.

Таким образом, 11 из 17 членов совета ФТ (с учетом высказанного выше предложения по назначению главы администрации такой ФТ Президентом РФ), т. е. около 2/3, будут представлять интересы Российской Федерации, необходимость чего объясняется стратегическим значением федеральных территорий в сфере обеспечения национальной безопасности.

Более того, с точки зрения юридической техники и рамочного характера закона представляется возможным закрепить в федеральном законе «О федеральных территориях» не конкретное число членов совета, избираемых населением и назнача-

¹ Майборода В. А. Легитимация публично-правовой природы федеральной территории // Нотариус. 2022. № 1. С. 17.

² См. подробнее о вопросе представительства применительно к федеральным территориям: Авакьян С. А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики: моногр. М.: Юстицинформ, 2022. Параграф 23 // СПС «КонсультантПлюс».

емых органами власти, а их дробный эквивалент (например, 1/2 членов избирается населением, по 1/6 членов назначаются Президентом и Правительством РФ и т. д.).

Неурегулированным в Федеральном законе № 437-ФЗ остается вопрос, связанный с реализацией судебной власти на ФТ.

Данное обстоятельство рассматривается рядом ученых в качестве недостатка или пробела правового регулирования¹.

Другие исследователи предполагают, что «использование только двух из трех ветвей власти при перераспределении публичных полномочий на федеральной территории определенно носит исключительно управленческий аспект публичных полномочий, исключая институты понуждения»².

По нашему мнению, указанное несовершенство не входит в системное противоречие с действующим законодательством, так как нормы права ориентируют субъектов юридических отношений на то, что государственная власть, в том числе судебная, осуществляется на всей территории Российской Федерации.

В силу требований ст. 6 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (далее – Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ) постановления судов национальной судебной системы являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации.

Примечательно, что Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ в гл. 3, определяющей систему судов России, не устанавливает каких-либо специальных судебных органов для ФТ. На наш взгляд, создание отдельных судебных органов на вновь образуемых специальных территориях видится бесперспективным, поскольку связано с дополнительными существенными финансовыми затратами и нерациональным охватом незначительного круга субъектов правовых отношений юрисдикцией данного суда.

Соответственно, юрисдикция судебных органов, предусмотренных гл. 3 Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ, распространяется на все без исключения вновь формируемые территориальные единицы нового типа.

С учетом изложенного считаем целесообразным закрепление в федеральном законе «О федеральных территориях» следующего положения: «Если иное не предусмотрено федеральным законом, судебная власть в границах вновь образованных федеральных территорий осуществляется теми судами, к подсудности которых данные территории относились ранее». Соответствующая статья в структуре будущего законодательного акта должна занять место после статуса органов представительной (законодательной) и исполнительной власти.

Также, на наш взгляд, положениями рамочного закона о ФТ может (и должен) быть урегулирован вопрос о порядке создания на них отдельных территориальных подразделений федеральных органов исполнительной власти. Целесообразным представляется наделить федеральные министерства и ведомства правом самим определять, является ли необходимым создание таких органов специально для ФТ или же такой необходимости нет. В том случае, если федеральный орган исполнительной власти не сочтет нужным создание отдельного территориального органа на ФТ, то осуществление управленческих функций в границах вновь образованных ФТ по аналогии с осуществлением судебной власти рационально оставить за теми территориальными органами, к юрисдикции которых данные территории относились ранее.

Помимо этого, предлагается посредством использования представителей ФТ на федеральном уровне публичной власти реанимировать норму п. «в» ч. 2 ст. 95 Конституции, устанавливающую персональный состав Совета Федерации Федерального Собрания РФ, и обеспечить ее эффективную реализацию.

Напомним, что кроме двух представителей от каждого субъекта федерации (по одному от законодательного и исполнительного органов государственной власти) в состав верхней палаты российского парламента входят бывшие президенты РФ по

¹ Алексеева Т. М. Отдельные аспекты деятельности публичной власти на федеральной территории // Мировой судья. 2022. № 1. С. 22.

² Майборода В. А. Указ. соч. С. 18.

должности, а также представители Российской Федерации, назначаемые главой государства, в количестве не более 30 человек.

Однако по состоянию на первую половину 2023 г. общее количество сенаторов составляет 175 человек и среди них отсутствуют представители Российской Федерации¹, хотя соответствующая норма была введена почти десять лет назад².

В связи с этим предполагаем, что наделение полномочиями сенатора представителя ФТ видится перспективным, поскольку позволяет более качественно учитывать мнение специальных (федеральных) территориальных единиц, имеющих общегосударственное значение, в палате федерального парламента.

Более того, закрепленная в ст. 95 Конституции России правовая норма предоставляет Президенту РФ дискреционные полномочия в части выбора кандидатуры представителя РФ в Совете Федерации³.

С точки зрения процедуры наделение полномочиями сенатора представителя ФТ может быть установлено как от представительного (законодательного), так и от исполнительного органа публичной власти ФТ в порядке, предусмотренном ст. 3–5 Федерального закона от 22 декабря 2020 г. № 439-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации».

Юридическое оформление соответствующего предложения потребует введения отдельной нормы в рамочном федеральном законе «О федеральных территориях», а также внесения изменений в ст. 7 Федерального закона № 439-ФЗ относительно возможности наделения полномочиями сенатора-представителя Российской Федерации представителя от ФТ.

Список литературы

Авакьян С. А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики: моногр. М.: Юстицинформ, 2022. 484 с.

Алексеева Т. М. Отдельные аспекты деятельности публичной власти на федеральной территории // Мировой судья. 2022. № 1. С. 18–23.

Ежукова О. А., Малютин Н. С. Особенности организации публичной власти на отдельных территориях: опыт Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 12. С. 13–23.

Лексин И. В. Федеральные территории в России: перспективы и проблемы реализации конституционных нововведений // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 28–33.

Майборода В. А. Легитимация публично-правовой природы федеральной территории // Нотариус. 2022. № 1. С. 15–19.

Надин А. Н. К вопросу о представительной природе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2020. № 8. С. 98–100.

Пешин Н. Л. Территориальная организация публичной власти в границах федеральных территорий // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 7. С. 35–40.

Стариков С. С. К вопросу о конституционно-правовом статусе органов публичной власти федеральных территорий // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 3. С. 21–25.

Чуклин А. В. К вопросу об организации публичной власти на федеральной территории // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 10. С. 11–14.

References

Alekseeva T. M. (2022) *Otdel'nye aspekty deiatel'nosti publichnoi vlasti na federal'noi territorii* [Certain aspects of the activities of public authorities on the federal territory]. In *Mirovoi sud'ia*, no. 1, pp. 18–23.

Avak'yan S. A. (2022) *Predstavitel'stvo v konstitutsionnom prave: voprosy teorii i praktiki* [Representation in constitutional law: issues of theory and practice]. Moscow, Iustitsinform, 484 p.

Chuklin A. V. (2021) *K voprosu ob organizatsii publichnoi vlasti na federal'noi territorii* [To the question of the organization of public authorities in the federal territory]. In *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 10, pp. 11–14.

Ezhukova O. A., Maliutin N. S. (2021) *Osobennosti organizatsii publichnoi vlasti na otdel'nykh territoriiakh: opyt Rossiiskoi Federatsii* [Features of the organization of public authorities in certain

¹ Сенаторы Российской Федерации // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://council.gov.ru/structure/members/> (дата обращения: 30.05.2023).

² Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации».

³ Надин А. Н. К вопросу о представительной природе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2020. № 8. С. 99–100.

territories: the experience of the Russian Federation]. In *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 12, pp. 13–23.

Leksin I. V. (2021) Federal'nye territorii v Rossii: perspektivy i problemy realizatsii konstitutsionnykh novovvedenii [Federal territories in Russia: prospects and problems of implementation of constitutional innovations]. In *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 8, pp. 28–33.

Maiboroda V. A. (2022) Legitimatsiia publichno-pravovoi prirody federal'noi territorii [Legitimation of the public law nature of the federal territory]. In *Notarius*, no. 1, pp. 15–19.

Nadin A. N. (2020) K voprosu o predstavitel'noi prirode Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniia Rossiiskoi Federatsii [On the issue of the representative nature of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation]. In *Evraziiskii iuridicheskii zhurnal*, no. 8, pp. 98–100.

Peshin N. L. (2021) Territorial'naia organizatsiia publichnoi vlasti v granitsakh federal'nykh territorii [Territorial organization of public authorities within the boundaries of federal territories]. In *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 7, pp. 35–40.

Starikov S. S. (2023) K voprosu o konstitutsionno-pravovom statuse organov publichnoi vlasti federal'nykh territorii [On the issue of the constitutional and legal status of public authorities in the federal territory]. In *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 3, pp. 21–25.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОД: ПРОБЛЕМЫ, ИННОВАЦИИ, ТРАДИЦИИ: ОБЗОР КРУГЛОГО СТОЛА

Боровкова Марина Владимировна

Доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат филологических наук, ORCID: 0000-0003-3411-4869, e-mail: mborovkova@rambler.ru.

Таюрская Светлана Николаевна

Доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат педагогических наук, ORCID: 0000-0002-9883-6118, e-mail: bragin_tayu@mail.ru.

В статье-обзоре освещается работа Всероссийского научно-методического круглого стола «Профессионально ориентированный перевод: проблемы, инновации, традиции», который состоялся в марте 2023 г. Инициатором и организатором проведения выступила кафедра русского, иностранных языков и культуры речи Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург). Всероссийский научно-методический круглый стол предоставил возможность объединить исследовательские интересы 100 участников из различных городов Российской Федерации и обсудить наиболее актуальные и значимые проблемы профессионально ориентированного перевода в эпоху стремительных изменений мира. В докладах и последующей дискуссии участников были отражены вопросы, которые требуют дальнейшего научного осмысления и применения в практической деятельности как преподавателей профессионально ориентированного перевода в неязыковом вузе, так и переводчиков-практиков. Среди них: культурные коды и коммуникативные инструменты перевода, типичные трудности и ошибки перевода научного текста на русский и другие (иностраные) языки, методические аспекты преподавания перевода в нелингвистическом вузе и эффективные подходы в подготовке переводчиков в сфере профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: профессионально ориентированный перевод, иностранный язык, переводческая компетенция, эрратология, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Боровкова М. В., Таюрская С. Н. Профессионально ориентированный перевод: проблемы, инновации, традиции: обзор круглого стола // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 4. С. 96–105. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_96.

PROFESSIONALLY ORIENTED TRANSLATION: PROBLEMS, INNOVATIONS, TRADITIONS: REVIEWING THE ROUND TABLE DISCUSSION

Borovkova Marina

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of philological sciences, ORCID: 0000-0003-3411-4869, e-mail: mborovkova@rambler.ru.

Tayurskaya Svetlana

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of pedagogical sciences, ORCID: 0000-0002-9883-6118, e-mail: bragin_tayu@mail.ru.

The review covers the work of the All-Russian scientific and methodological round table «Professionally oriented translation: problems, innovations, traditions». The event came about in March of 2023. The department of Russian, foreign languages and cul-

ture of speech of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev initiated and organized the conference. The headquarters of the project was in Yekaterinburg, but Internet communication allowed to unite 100 participants from different cities of the Russian Federation in order to exchange views on professional issues. The research interests of the All-Russian scientific and methodological round table allowed discussing the most relevant and significant problems of professionally oriented translation in the era of rapid changes in the modern world. The reports and presentations and the subsequent discourse of the participants of the round table reflected the issues that required further scientific reflection and application in the practical activities. Both teachers of professionally oriented translation in a non-linguistic higher schools and translators-practitioners dwelled upon cultural codes and communicative translation tools, typical difficulties and errors in translating scientific text into Russian and other (foreign) languages, methodological aspects of teaching translation.

Key words: professionally oriented translation, foreign language, translating competence, erratology, intercultural communication

For citation: Borovkova M., Tayurskaya S. (2023) Professionally oriented translation: problems, innovations, traditions: reviewing the round table discussion. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 96–105, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_96.

31 марта 2023 г. в Екатеринбурге состоялся Всероссийский научно-методический круглый стол «Профессионально ориентированный перевод: проблемы, инновации, традиции». Мероприятие было подготовлено кафедрой русского, иностранных языков и культуры речи Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева.

Круглый стол был посвящен актуальным проблемам и современным тенденциям преподавания профессионально ориентированного перевода в нелингвистическом вузе в условиях динамично изменяющегося мира и рынка переводческих услуг, вопросам межкультурной коммуникации, использования современных цифровых технологий в учебном процессе.

Смешанный (очно и онлайн) формат проведения круглого стола позволил объединить около 100 представителей научно-педагогического сообщества из Уральского государственного юридического университета, Тюменского государственного университета, Института философии и права Уральского отделения РАН, Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, переводчиков-практиков, посвятивших свою научную, педагогическую и творческую деятельность профессионально ориентированному переводу.

Следует отметить, что попытки осмыслить особенности и закономерности переводческой деятельности предпринимались на протяжении многих лет, однако до середины XX в. не существовало системного, последовательного знания о переводе. В связи с этим до сих пор ведутся дискуссии практически по всем аспектам перевода, существуют различные подходы к самому понятию «перевод». В подтверждение этого тезиса приведем ряд его определений.

Е. В. Бреус приводит несколько интерпретаций понятия «перевод»: «Вид человеческой деятельности; процесс перехода от исходного языка к языку перевода; полученный в результате [перевода] текст...»¹

А. Эттингер рассматривает перевод как преобразование знаков или репрезентаций в другие знаки или репрезентации, из чего следует, что для автора центральной проблемой перевода является проблема знаковых соответствий, т. е. замена одних знаков другими².

И. Р. Гальперин обозначил перевод как передачу смысла и стилистических особенностей высказывания на одном языке средствами другого языка³. Г. В. Колшанский ут-

¹ Бреус Е. В. Теория и практика перевода с английского языка на русский. М.: Изд-во УРАО, 2001. С. 4.

² Чичиланова С. А. Определение понятия «Перевод» в работах отечественных и зарубежных лингвистов // Вестник Курганского государственного университета. 2011. № 3. С. 36.

³ Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. С. 10.

верждает, что перевод – один из важнейших видов коммуникативной деятельности, ориентирующийся прежде всего на полную и адекватную передачу языка-оригинала, содержащего всю совокупность импликаций языкового, социального и культурного плана¹. О. С. Ахманова и ее соавторы понимают под переводом передачу информации, содержащейся в данном произведении речи, средствами другого языка². А. В. Федоров подразумевает под переводом верное и полное выражение средствами одного языка того, что уже выражено ранее средствами другого языка³.

Несмотря на некоторые различия в подходах к определению понятия «перевод», общепризнано, что он призван «осуществлять функцию межъязыковой коммуникации, то есть находится между источником сообщения и его реципиентом»⁴.

В последнее время внимание исследователей привлекает профессионально ориентированный перевод.

Профессионально ориентированный перевод еще называют *специальным переводом*, он представляет собой перевод материалов, относящихся к какой-либо отрасли знаний и имеющих свои особенности⁵.

Педагогический постулат о том, что только обучение переводу содействует формированию и развитию переводческой компетентности студентов и аспирантов, общеизвестен. «Переводческая компетентность... представляет собой интегративную характеристику личности... включающую в себя способность и готовность успешно осуществлять переводческую деятельность на основе определенных теоретических знаний, практических умений, навыков и профессионально значимых качеств»⁶.

При обучении переводу в рамках дисциплины «Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации» студенты должны уметь выбирать общую стратегию перевода с учетом его цели и характеристики текста-оригинала; адекватно извлекать информацию из текста оригинала; находить оптимальные переводческие решения, используя различные приемы, обеспечивающие смысловую, стилистическую и прагматическую адекватность перевода тексту оригинала; производить трансформации различных видов и т. д. Необходимо отметить, что в современной дидактической литературе сложно найти четкую структуру обучения и последовательность формирования данных навыков и умений. В связи с этим данная проблема носит открытый и часто дискуссионный характер, а ее решение требует рассмотрения и тщательного анализа результатов практического опыта преподавания перевода и таким образом обуславливает актуальность проведения данного научного мероприятия. Целью нашей статьи является сделать обзор новых открытий и наработок профессионалов, которые обучают студентов неязыковым специальностям переводу.

Круглый стол «Профессионально ориентированный перевод: проблемы, инновации, традиции» открыли выступления проректора по научной работе, заведующего кафедрой земельного, градостроительного и экологического права, доктора юридических наук, доцента УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева А. В. Винницкого и заведующей кафедрой русского, иностранных языков и культуры речи, кандидата филологических наук, доцента УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева Н. А. Юшковой.

Приветствуя участников конференции, А. В. Винницкий подчеркнул, что знания лингвистики, перевода, владение языковыми компетенциями в сложные времена должны быть привиты студентам на глубочайшем уровне. Названные понятия применяются в социологии, психологии, педагогике и культурологии для обозначения процесса освоения индивидом или группой людей социальных ценностей, норм, установок, стереотипов, принадлежащих тем, с кем они взаимодействуют.

¹ Колшанский Г. В. Логика и структура языка. М.: Высшая школа, 1965. 240 с.

² Ахманова О. С. Теория и практика перевода в свете учения о функциональных стилях речи // Лингвистические проблемы перевода: сб. науч. тр. / под ред. Н. К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 35–45.

³ Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учеб. пособие. 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский дом «Филология три», 2002. С. 15.

⁴ Латышева С. В. Теория перевода и проблемы обучения переводу // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 1. С. 142–148.

⁵ Карпова С. Н. Специальный перевод как основа межъязыковой профессиональной коммуникации // Вестник Российской таможенной академии. 2012. № 4. С. 72–76.

⁶ Левитан К. М. Юридический перевод: основы теории и практики: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд. дом УрГЮА, 2011. С. 15.

Проректор отметил новый аспект в преподавании и изучении такого феномена, как перевод, а именно интерполяцию переводческой науки и образования в целом. Интерес к проблеме обусловлен тем, что в случае интерполяции перевод, лингвистическая эквивалентность, специальная терминология, будучи первоначально внешними по отношению к обучаемым, переходят в категорию внутренних знаний и тем самым в регуляторы поведения. Механизмы интерполяции очень сложны и пока еще слабо изучены. Между тем такое обучающее действие, как перевод, поможет вывести многие проблемы изучения иностранных языков и целевой подготовки в аспирантуре на профильный, целевой и истинно научный уровень. А. В. Винницкий также затронул проблему обучения аспирантов анализу научного текста, что предполагает усвоение ими теории вопроса о сущности анализа текста перевода. Как правило, будущие ученые изучают авторскую или коллективную монографию; по словам проректора, стоит познать проблему анализа текста, в том числе иностранного, не всегда и не только на едином труде, а на серии статей по теме научной работы.

Своим выступлением проректор по научной работе А. В. Винницкий задал прагматический план работы круглого стола.

Продолжая приветствие участников конференции, заведующая кафедрой русского, иностранных языков и культуры речи, доцент Наталия Анатольевна Юшкова подчеркнула значимость постоянного и систематического упражнения в переводе, поскольку тренировка подобного рода быстрее выведет изучающего язык на говорение. К числу достоинств переводного подхода в обучении иностранному языку доцент также отнесла тот факт, что изучение другого языка, работа со словарями различного типа предоставляет возможность глубже познать родной язык.

За вступительной частью круглого стола последовала его научная часть – доклады с последующими вопросами и комментариями слушателей. Представленные доклады отличались высокой научной новизной и несомненной актуальностью, их авторы осветили наиболее острые вопросы, касающиеся обучения переводу в неязыковых вузах в современных условиях.

В числе докладчиков по проблемам профессионального перевода выступили И. Л. Плужник (Тюменский государственный университет), А. Н. Овешкова (Институт философии и права Уральского отделения РАН), Н. М. Головина (Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина), И. В. Харламенко (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), Е. А. Кислова (Бизнес-бюро Ассоциации переводчиков), Т. В. Некрасова (Омский автобронетанковый инженерный институт), Т. А. Мулендейкина (Омский автобронетанковый инженерный институт), Е. Х. Речапова (Тюменский государственный университет), Л. А. Соколова (Уральский государственный юридический университет), И. С. Бедрина (Уральский государственный юридический университет).

Ирина Ленаровна Плужник с докладом «Между двумя мирами: культурные коды и коммуникативные инструменты при переводе» ввела аудиторию в круг вопросов культурных кодов, отметив при этом, что перевод должен идти в ногу с межкультурной коммуникацией. Поясним, что *культурный код*¹ – шифрант к пониманию определенного типа культуры; уникальных культурных особенностей, доставшихся народам от предков; это закодированная в некоей форме информация, позволяющая идентифицировать культуру. Культурный код определяет набор образов, которые связаны с каким-либо комплексом стереотипов в сознании. Как подчеркнула докладчик, проявляемые в нашей продуцированной речи культурные коды, наравне с ценностными ориентациями в деловой сфере, в российской и англосаксонской моделях регулярно не совпадают. В качестве доказательства Ирина Ленаровна привела сравнительную таблицу декодирования значений в российской и англосаксонской культурах.

Possible Russian responses	Interpretive frame for Anglo-Saxon culture
If everything proceed as planned, the proposal will be approved	The conditional «yes»

¹ Плужник И. Л. Формирование межкультурной компетенции студентов гуманитарного профиля в процессе профессиональной подготовки: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Тюмень, 2003. С. 11.

Have you submitted a copy of your proposal to the Ministry?	The counter question means that the question is avoided
Your question is difficult to answer	The question is criticized
We cannot answer this question at this time	The question is refused
Will you be staying longer than you originally planned?	The tangential answer
Yes, your approval looks like, but...	The «yes, but...» Reply. However, the meaning here is more negative than in English. It probably means: «It might not be approved»
You will know shortly	The answer will be delayed

В докладе И. Л. Плужник был основательно и многосторонне освещен вопрос коммуникативных стратегий на основе ценностей, что выливается в политкорректность. Профессор сделала вывод о необходимости учить наших студентов «секретным» культурным кодам и коммуникативным стратегиям совместно с лингвистической культурой. Она подчеркнула, что только такой подход поможет избежать недопонимания и даже вербальных инцидентов между контактирующими сторонами.

В настоящее время все более широкое распространение получает практика опубликования научных статей в журналах и тематических сборниках на родном языке с изложением их основного содержания на иностранном языке в виде аннотации. Совершенно очевидно, что выпускники вузов должны обладать навыками перевода для осуществления научно-исследовательской деятельности в рамках продолжения обучения в аспирантуре.

Анна Николаевна Овешкова в докладе «Типичные трудности перевода русскоязычной статьи на английский язык» акцентировала внимание на этих вопросах, заявив в начале своего выступления, что в российской высшей школе не существует курса академического письма, т. е. студентов не обучают писать и переводить научные статьи. Современные студенты относятся к так называемому поколению Z (Gen Zed) – поколению зуммеров, для которых электронный гаджет – инструмент решения задач и часть реальной жизни. Перевод статьи с русского языка на английский может показаться им довольно простой задачей. Однако научная статья, переведенная с помощью онлайн-переводчиков, вряд ли пройдет строгое рецензирование и экспертную оценку качества работы.

Ученый повествовала о переводе как средстве передачи научных знаний и существовании так называемых *жанровых конвенций*, которыми необходимо пользоваться в творчестве перевода. Докладчик отметила, что умение переводить крайне необходимо не только лингвистам, но и представителям иных профессий для научной деятельности; ведь английский язык к началу 80-х гг. XX столетия стал занимать более 80 % мировых публикаций во всех научных сферах; окончательную победу английский одержал после появления и распространения Интернета. При этом публикация научной работы в международных журналах, написание аннотации статьи на английском языке означает совершенно иной подход к их созданию, принятый в англоязычном научном дискурсе, имеющий отличия от подхода, который мы можем наблюдать в отечественной культуре. Необходимо придерживаться норм и конвенций при подготовке научных публикаций, свойственных той или иной культуре.

Ключевая идея выступления Инны Владимировны Харламенко «Место профессионально ориентированного перевода в обучении иностранному языку студентов биологических специальностей на уровне бакалавриата» состояла в необходимости формировать у студентов профессиональное переводческое мышление. По мнению ученого, один из инструментов решения этой задачи – курс общей теории перевода и тестирования сформированного умения на экзаменах. Однако этот инструмент может быть эффективным лишь при условии рационального построения курса. Иными словами, обучение переводу должно включать темы, непосредственно ориентирующие студентов на корректное рассмотрение и эффективное решение именно тех проблем, с которыми они столкнутся на практике. В рамках конференции преподаватель обозначила элементы новаторского по своей сути и содержанию курса общей

теории перевода. Особенность курса – отказ от разрозненного рассмотрения переводческих проблем (моделирование перевода, герменевтика перевода, прагматика перевода, проблема оценки качества перевода и т. п.). Вместо этого предлагается знакомить студентов с закономерностями практического осуществления перевода как вида межъязыковой коммуникации, с теми задачами, которые переводчик призван решать в разных условиях осуществления переводческой деятельности, с возможными способами решения этих задач. Предлагается учить студентов обоснованно принимать переводческое решение, ведь при смене форматов экзаменов задание по переводу текста осталось неизменным. В качестве критериев оценивания перевода докладчик предлагает следующие: полнота перевода, наличие фактических ошибок, сохранение фактологической информации, передача специальной лексики точными соответствиями, связность грамматических и лексических единиц.

Интересно, что на круглом столе предметом внимания исследователей и вузовских преподавателей стали совершенно новые понятия, которые до сей поры были актуальны только с точки зрения переводческого сообщества. К таким вопросам, в частности, относятся аудиоперевод, машинный перевод, устный и последовательный перевод, уступающие место удаленному переводу, в толковании профессионалов «спасающему мир». Этой теме был посвящен доклад Елены Анатольевны Кисловой «Отработка переводческих компетенций в полевых условиях и в рамках авторского курса „Переводческий спецназ“». Докладчик подчеркнула, что современные методы перевода подразделяются на автоматизированные и ручные. Актуальные программы-переводчики и сайты переводят тексты онлайн. Студенты пробуют применить данные программы для перевода текстов, и Елена Анатольевна, как и Анна Николаевна Овешкова, не считает такой способ перевода успешным. Электронные переводчики в крайнем случае сделают перевод конкретного слова. Проблема электронного переводчика – неспособность передать ассоциативный ряд и анализировать контекстность фраз. При этом Е. А. Кислова подчеркнула, что письменный перевод сдает свои творческие позиции. Сегодня переводческая деятельность превращается не в сотворчество, а в постредактирование. Благодаря машинному переводу в вузах на переводческих факультетах появилась такая специализация, как постредактор. Обучиться навыку работы с современными цифровыми инструментами переводчиков докладчик предлагает в рамках курса «Переводческий спецназ», который создан на базе Бизнес-бюро Ассоциации переводчиков.

Далее было отмечено, что удаленный устный видеоперевод (УВП) актуален в медицинской, юридической и психологической сферах. Бытует мнение, что УВП не предоставляет должной доступности коммуникации. Это положение компенсируется большим количеством сторонников УВП в сфере юридических услуг и в государственном секторе, где очень ценится возможность осуществления коммуникации даже в сложных ситуациях. Существуют удачные примеры использования технологии УВП, но, как и многие нововведения, она вызывает недоверие и настороженность, особенно среди опытных переводчиков. Во-первых, удаленный перевод является более сложным и более стрессовым. Нахождение в другой точке усложняет процесс перевода, переводчику затруднительно почувствовать атмосферу и настроение говорящих, расслышать детали. Во-вторых, не исключен плохой сигнал сотовой связи. Если интернет-соединение недостаточно хорошее, то может наблюдаться задержка и плохое качество звука.

Докладчик полагает выходом из трудной переводческой ситуации изучение совокупности современных технологий, принципов, методов, средств и форм перевода, направленных на повышение его эффективности, практическое осмысление переводческой деятельности и ее реализацию наиболее экономичными и эффективными средствами.

Вполне очевидно, что собственно переводческая подготовка студентов будет неэффективной, да и вряд ли вообще возможной в нынешних условиях, без добротной языковой подготовки. Причем языковая подготовка должна иметь сугубо профессиональную направленность. Пора забыть об обучении будущих переводчиков «просто языку». На этом настаивала Татьяна Владимировна Некрасова в своем докладе «Эффективные подходы подготовки переводчиков в сфере военно-профессиональной

коммуникации». Ученый кратко представила методику формирования трех категорий компетенций военного переводчика: общепрофессиональных, профессионально ориентированных и военно-специализированных. Подходами к обучению названы дискурс-анализ, компетентностный, контекстно-ориентированный, а принципами обучения послужили коммуникативный и междисциплинарной координированности. На оценочно-результативном уровне серия апробирований позволила зафиксировать определенные уровни сформированной профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции военного переводчика.

Далее докладчик акцентировала внимание на различии практической деятельности военных переводчиков и их гражданских коллег, что и является выводом исследовательской работы и выступления в частности: гражданский специалист не в состоянии перевести отдельные термины, целые смысловые единицы, поскольку не владеет фоновыми знаниями военной науки, «профессионально-военным подязыком».

Заключая обзор выступления Татьяны Владимировны Некрасовой, хотелось бы отметить важный момент в методике преподавания языка военным переводчикам: обучение в обязательном порядке должно включать просмотр большого количества учебных и зарубежных художественных фильмов на военную тематику.

Татьяна Александровна Мулендейкина в докладе «Приемы развития аудитивной компетентности курсантов, обучающихся по программе „Переводчик в сфере профессиональной компетенции“» подчеркнула ведущее место развития навыков и умений аудирования у курсантов, изучающих английский язык и готовящихся стать профессиональными военными переводчиками. Лингводидактику интересуют стратегии извлечения смысла из поступающей акустической информации. Вне сомнения, адекватное понимание поступающей информации сопряжено с анализом языковых форм и смысловых единиц, сопоставлением результатов обоих видов анализа с тем, чтобы убедиться в их непротиворечивости. При этом процессы должны проходить очень быстро, чтобы успевать за поступлением акустической информации. Начиная свое выступление, ученый сразу обозначила главную проблему в сложном процессе взаимодействия педагога и учащегося, направленного на достижение их общей цели – овладение аудитивными знаниями, умениями и навыками. Итак, препятствиями при интерорецепции устного сообщения выступают следующие: курсант не может приспособиться к темпу, скорости, ритму поступления информации, игнорировать объективные помехи, вернуться к тому, что уже было сказано, привлечь дополнительные информационные источники, такие как словари и энциклопедии, уделить время анализу языковой формы высказывания. Слушание осложняется «ассоциированием акустических образов со зрительными образами эквивалентных письменных знаков в том случае, если индивид освоил письменный язык прежде, чем звуковой, или чаще практикуется в письменной коммуникации»¹.

Автор доклада представила заинтересованным слушателям решение проблемы: использование медиаресурсов повышает интерес к изучению другого языка. На занятиях такие медиаресурсы, как новостные каналы, CNN, DDC, Russia Today и пр., включаются в курс изучения языка. С их использованием разработаны целые методические комплекты. Учебно-методические комплексы по английскому языку составлены в соответствии с типовой программой, разработанной на основе ФОС 3+++ поколения. Комплекс упражнений, предложенный для формирования и совершенствования навыков и умений профессионально ориентированного аудирования, включает упражнения, предназначенные для формирования и развития речевых и языковых навыков.

Комплекс состоит из нескольких этапов:

- I этап предполагает упражнения на антиципацию;
- II этап нацелен на развитие понимания основного содержания, уточнение деталей, способствует формированию понимания всего текста;
- III этап предполагает подлинно речевые, или креативные, упражнения.

¹ Девецкая З. В. Возможности исследования стратегии восприятия иноязычной речи на слух // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Пищальникова. М.: ИНИОН РАН; МГЛУ, 2009. Вып. 15. С. 54–56.

Слушателей особенно заинтересовало описанное докладчиком аудитивное упражнение под названием «Jigsaw Method», в котором вся аудиовидеозапись дробится на небольшое количество частей, а аудитория слушателей подразделяется на команды. Каждая группа студентов получает конкретный отрывок с сопутствующей таблицей, которую нужно заполнить. Структурные части таблицы имеют заголовки, которые выражены своеобразной диктемой. В качестве интегративной единицы всего языкового выражения диктема различает четыре основных функционально-знаковых аспекта: номинацию, предикацию, тематизацию и стилизацию. Другими словами, студенты с помощью таблицы должны письменно восполнить содержательную часть видео и аудио своего отрывка записи: тему ролика, участников, их действия и высказывания.

Докладчик отметила, что предлагаемый комплекс упражнений способствует постоянному обогащению профессиональных знаний студентов с последующим их применением в профессиональной деятельности.

В докладе «Развитие учебной автономии при формировании профессиональной иноязычной компетенции» в части роли преподавателя в условиях учебной автономии Елена Халитовна Речапова пояснила, что такое учебное взаимодействие, как учебная автономия¹, еще недостаточно изучено, по-разному трактуется исследователями. Учебная автономия была определена как способность брать на себя ответственность за свою учебную деятельность, но ее становление происходит путем формального обучения. Разработка концепции учебной автономии может осуществляться в аспекте междисциплинарной области знания – лингвопедагогике. В автономном учении индивидуальная деятельность учащегося как самоорганизующаяся лингвопедагогическая система представляет собой взаимосвязь структурных и функциональных элементов, подчиненных выдвинутому педагогом задачам развития компетенций в изучении иностранного языка. Педагоги в плане развития учебной автономии регулярно и систематично в рамках программы прибегают к следующим формам учебного процесса: показательный процесс (судебный фарс, судебный спектакль, инсценировка суда, бутафорский суд, судилище); создание языкового портфолио для расширения вокабуляра; case study (монографический метод/подход; ключевая идея: один случай изучается максимально детально, с использованием всех подходящих методов; это метод активного проблемно-ситуационного анализа, основанный на обучении путем решения конкретных задач – ситуаций).

Докладчик сделала вывод, что важно и в дальнейшем искать способы интенсивного формирования у учащихся навыков самообучения. Проблема изучения факторов академической автономности студента в процессе обучения иностранному языку триединая: несоответствия между существующими знаниями в области иноязычного образования и процесса формирования вторичной языковой личности, а также реальными запросами развития личности.

Понятие переводческой ошибки всегда волновало переводчиков, педагогов и научных исследователей. О том, что ошибки в переводе могут стать бесценным источником педагогических находок и целью их изучения в научно-исследовательской работе говорила в своем докладе «Профессионально ориентированный перевод юридических текстов: эрратологический аспект» Лариса Анатольевна Соколова.

Эрратология – наука об ошибках. В соответствии с классификацией, предложенной А. Б. Шевниным, переводческие ошибки (несоответствия) можно разделить на две большие группы: ошибки импрессивного типа (ошибки восприятия) и ошибки экспрессивного типа (ошибки порождения), хотя зачастую одни неизбежно приводят к возникновению других². К ошибкам восприятия докладчик относит: 1) на лексико-семантическом уровне – автологизмы, алогизмы, агнонимы непереданной информации, атопоны; 2) на грамматическом уровне – атрибутивные комплексы, предложное управление, синтаксические конструкции, нефинитные формы глагола. Ошибки порождения определяют паранормативы: коммуникативно-дезориентирующие, сочетаемостные, паронимические, узуальные и пр. В своем докладе Л. А. Соколова

¹ Яковлева А. Н., Дмитриева С. А. Развитие учебной автономии учащихся в процессе обучения иностранному языку // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 4. С. 114–118.

² Шевнин А. Б. Эрратология. Екатеринбург: Уральский гуманитарный ин-т, 2003. С. 6.

подчеркнула, что в настоящее время исследователи обратили внимание на когнитивно-синергетический подход, основными понятиями которого являются гармоничность (прагматический уровень), эквивалентность (лексико-семантический уровень), верность (лингвокультурологический уровень). Солидарное использование этих трех элементов обеспечивает успешную передачу лингвострановедческого знания. С точки зрения этого подхода доминантами в деятельности переводчика являются: развитые языковые и речевые навыки, лингвострановедческие знания, знание историко-культурных и правовых реалий, интеллектуальные и организационные волевые усилия, практический опыт, широкий кругозор, рефлексия. Особый интерес у слушателей вызвала практическая часть доклада, в которой Л. А. Соколова дала рекомендации по переводу ряда юридических понятий.

Завершила работу круглого стола живая дискуссия участников, в ходе которой было отмечено, что важно учитывать новые технологии и не игнорировать такое приоритетное в условиях цифровой трансформации нашего общества направление, как искусственный интеллект. Необходимо по-новому взглянуть на вопрос социокультурного компонента, уделять особое внимание ценностным ориентациям при изучении иностранного языка, изучать в первую очередь русский язык и свою культуру. Без понимания своей культуры невозможно построить мосты между двумя мирами.

В заключительном слове Наталия Анатольевна Юшкова поблагодарила всех участников и организаторов круглого стола за плодотворную работу.

Список литературы

Ахманова О. С. Теория и практика перевода в свете учения о функциональных стилях речи // Лингвистические проблемы перевода: сб. науч. тр. / под ред. Н. К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 35–45.

Бреус Е. В. Теория и практика перевода с английского языка на русский. М.: Изд-во УРАО, 2001. 104 с.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.

Девицкая З. В. Возможности исследования стратегии восприятия иноязычной речи на слух // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Пищальникова. М.: ИНИОН РАН; МГЛУ, 2009. Вып. 15. С. 54–56.

Карпова С. Н. Специальный перевод как основа межъязыковой профессиональной коммуникации // Вестник Российской таможенной академии. 2012. № 4. С. 72–76.

Колшанский Г. В. Логика и структура языка. М.: Высшая школа, 1965. 240 с.

Латышева С. В. Теория перевода и проблемы обучения переводу // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 1. С. 142–148.

Левитан К. М. Юридический перевод: основы теории и практики: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд. дом УрГЮА, 2011. 352 с.

Плужник И. Л. Формирование межкультурной компетенции студентов гуманитарного профиля в процессе профессиональной подготовки: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Тюмень, 2003. 25 с.

Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учеб. пособие. 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский дом «Филология три», 2002. 416 с.

Чичиланова С. А. Определение понятия «Перевод» в работах отечественных и зарубежных лингвистов // Вестник Курганского государственного университета. 2011. № 3. С. 36–37.

Шевнин А. Б. Эрратология. Екатеринбург: Уральский гуманитарный ин-т, 2003. 216 с.

Яковлева А. Н., Дмитриева С. А. Развитие учебной автономии учащихся в процессе обучения иностранному языку // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 4. С. 114–118.

References

Akhmanova O. S. (1981) *Teoriya i praktika perevoda v svete ucheniya o funktsional'nykh stilyakh rechi* [Theory and practice of translation in the light of the doctrine of functional speech styles]. In Garbovski N. K. (Ed.) *Lingvisticheskie problemy perevoda: sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 35–45.

Breus E. V. (2001) *Teoriya i praktika perevoda s angliiskogo yazyka na russki* [Theory and practice of English – Russian Translation]. Moscow, Izdatel'stvo URAO, 104 p.

Chichilanova S. A. (2011) *Opredelenie ponyatiya «Perevod» v rabotakh otechestvennykh i zarubezhnykh lingvistov* [Definition of the concept of «Translation» in the works of domestic and foreign linguists]. In *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 36–37.

Devitskaya Z. B. (2009) *Vozmozhnosti issledovaniya strategii vospriyatiya inoyazychnoi rechi na slukh* [Possibilities of studying strategies for the perception of foreign speech by ear]. In Pishchal'nikov V. A. (Ed.) *Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskii i kognitivnyi aspekty*, Moscow, INION RAN, Moskovskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet, pp. 54–56.

Fedorov A. V. (2002) *Osnovy obshchei teorii perevoda (lingvisticheskie problemy)* [Fundamentals of the General Theory of Translation (Linguistic Problems)]. 5th ed., Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo universiteta, Moscow, Izdatel'skii dom «Filologiya tri», 416 p.

Gal'perin I. R. (1981) *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [A text as an object of linguistic research]. Moscow, Nauka, 140 p.

Karpova S. N. (2012) *Spetsial'nyi perevod kak osnova mezh"yazykovoi professional'noi kommunikatsii* [Specialized translation as basis of interlingual professional communication]. In *Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii*, no. 4, pp. 72–76.

Kolshanskii G. V. (1965) *Logika i struktura yazyka* [Logics and structure of a language]. Moscow, Vysshaya shkola, 240 p.

Latysheva S. V. (2009) *Teoriya perevoda i problemy obucheniya perevodu* [Theory of translation and translation teaching problems]. In *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 1, pp. 142–148.

Levitan K. M. (2011) *Yuridicheskii perevod: osnovy teorii i praktiki* [Legal translation: fundamentals of theory and practice]. Ekaterinburg, Izdatel'skii dom Ural'skoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii, 352 p.

Pluzhnik I. L. (2003) *Formirovanie mezhkul'turnoi kompetentsii studentov gumanitarnogo profilya v protsesse professional'noi podgotovki: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* [Formation of intercultural competence of students of the humanitarian profile in the process of professional training: an abstract of a doctor of pedagogical sciences thesis]. Tyumen', 25 p.

Shevnin A. B. (2003) *Erratologiya* [Erratology]. Ekaterinburg, Ural'skii gumanitarnyi institute, 216 p.

Yakovleva A. N., Dmitrieva S. A. (2017) *Razvitie uchebnoi avtonomii uchashchikhsya v protsesse obucheniya inostrannomu yazyku* [Development of educational autonomy of students in the process of teaching a foreign language]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 4, pp. 114–118.

Рец. на кн.: Диваев А. Б., Смирнов А. Н. Прокурорский надзор: основы прокурорско-надзорной деятельности в России. – Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2022. – 135 с.

Кожевников Олег Альбертович

Доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, ORCID: 0009-0006-8601-0331, e-mail: o-kozhevnikov@yandex.ru.

Зайцева Ирина Ивановна

Доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0001-9037-3721, e-mail: ir-zaytseva@rambler.ru.

Безруков Юрий Иванович

Старший преподаватель кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0002-2695-3550, e-mail: bzl18@mail.ru.

Для цитирования: Кожевников О. А., Зайцева И. И., Безруков Ю. И. Рец. на кн.: Диваев А. Б., Смирнов А. Н. Прокурорский надзор: основы прокурорско-надзорной деятельности в России. – Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2022. – 135 с. // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 4. С. 106–109. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_106.

Book review: Divaev A. B., Smirnov A. N. Prosecutor's supervision: the basics of prosecutorial and supervisory activities in Russia. – Novokuznetsk: FKOУ VO Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022. – 135 p.

Kozhevnikov Oleg

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, ORCID: 0009-0006-8601-0331, e-mail: o-kozhevnikov@yandex.ru.

Zaitseva Irina

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0001-9037-3721, e-mail: ir-zaytseva@rambler.ru.

Bezrukov Yuri

Senior lecturer, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0002-2695-3550, e-mail: bzl18@mail.ru.

*For citation: Kozhevnikov O., Zaitseva I., Bezrukov Yu. (2023) Book review: Divaev A. B., Smirnov A. N. Prosecutor's supervision: the basics of prosecutorial and supervisory activities in Russia. – Novokuznetsk: FKOУ VO Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022. – 135 p. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalу»*, no. 4, pp. 106–109, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_106.*

В последнее время стало выходить много учебников и учебных пособий, посвященных прокурорскому надзору в России. И среди них удачно выделяется учебное пособие, подготовленное учеными Кузбасского института ФСИН России.

Несмотря на общую высокую положительную оценку работы, хотелось бы высказать ряд замечаний, носящих принципиальный характер.

Глава первая представляет собой краткий очерк развития прокурорского надзора в России, при этом выделяются всего четыре его периода: дореформенный, с момента основания прокуратуры в 1722 г. до Судебной реформы 1864 г.; дореволюционный, начиная от Судебной реформы 1864 г. до октября 1917 г.; советский (с октября 1917 г. по 1991 г.); постсоветский (1992 г. – середина 2000-х гг.). Однако общепринято выделение этапов развития российской прокуратуры, обусловленное зависимостью от правовых актов, которые принципиально меняют тот или иной правовой институт: 1) с 1722 г. (указы о создании прокуратуры) по 1802 г. (образование Министерства юстиции); 2) с 1802 г. по 1864 г. (Судебные уставы); 3) с 1864 г. по 1917 г. (Декрет о суде № 1); 4) с 1922 г. (Положение о прокурорском надзоре) по 1936 г. (образование единой централизованной прокуратуры СССР); 5) с 1936 г. по 1955 г. (Положение о прокурорском надзоре в СССР); 6) с 1955 г. по 1979 г. (Закон о прокуратуре СССР); 7) с 1979 г. по 1992 г. (Закон о прокуратуре РФ); 8) с 1992 г. по настоящее время.

Что касается предшественников прокуратуры России, внимание в пособии уделено лишь фискалату с избирательным указанием на нормативные акты, хотя до начала XVIII в. функции надзора по Судебнику 1497 г. частично выполняли Боярская дума, опричина (при царе Иване Грозном), многочисленные приказы (Челобитный, приказ Тайных государевых дел, Счетный приказ), а также Ближняя канцелярия. Уже при Петре I стали формироваться и такие субъекты и формы надзорной деятельности, как генерал-ревизор, обер-секретарь Сената, переменное дежурство штаб-офицеров гвардии, аудиторы, понудители.

23 февраля 1711 г. был учрежден Сенат, указом Петра I от 2 марта 1711 г. «Об обязанностях Сената» были введены фискалы. 3 марта того же года в Указе об обязанностях Сената в отсутствие царя ему предписано «учредить фискалов во всяких делах, а как быть им придется известие». Оно не замедлило, и именной указ от 5 марта 1711 г. «О порядке заседаний и делопроизводства в Правительствующем Сенате и о должности Обер-фискала» определил круг ведения фискалов. Одновременно учреждались должности провинциал-фискалов и нижестоящих фискалов с практически той же компетенцией. Сенат 11 августа 1711 г. дал в своей «резолуции» первую Фискальную инструкцию. Особым именованием указом от 16 января 1712 г. устанавливалась полная независимость фискалов от местных административно-судебных органов. В последующем были приняты указы от 17 марта 1714 г. «О должности фискалов», от 7 января 1719 г. «Инструкция или наказ земским фискалам в губерниях и провинциях», от 25 апреля 1725 г. «О должности генерал-фискала и его помощника государственного обер-фискала». Фискалы постепенно вводились при всех ведомствах: при войсках, флоте, государственных коллегиях, духовном правлении. Авторы пособия допустили ошибку, утверждая, что «в 1730 г., во время правления императрицы Анны Иоанновны, фискальная служба была упразднена, а ей на смену всецело пришла прокуратура». В соответствии с указом Верховного тайного совета от 24 декабря 1729 г. было повелено тех из областных фискалов, которые были «из шляхетства» определять в военную службу и к «делам, кто куда достоин», а «негодных, записав в валовой список, отпустить домой до указу». Иначе говоря, институт фискалов юридически не был отменен, но фактически прекратил свое существование вследствие неназначения никого на вакантные должности фискалов.

К сожалению, авторы не указали, что прокуратура как система органов надзора была учреждена тремя петровскими указами: от 12 января 1722 г. («Быть при Сенате Генерал-прокурору и обер-прокурору, также во всякой коллегии по прокурору, которые должны будут рапортовать Генерал-прокурору»), от 18 января 1722 г. «О бытии в надворных судах прокурорам и о принятии доносов от фискалов и лиц посторонних», от 27 апреля 1722 г. «О должности Генерал-прокурора».

Авторы отмечают, что основные положения, касающиеся прокурорской деятельности, с 1864 г. были сосредоточены в двух нормативных актах: Учреждении судебных установлений и Уставе уголовного судопроизводства (с. 17). Тем самым повторяется распространенная ошибка, что сфера прокурорского надзора по Судебным уставам Александра II ограничивалась уголовным преследованием. Анализ законодательства позволяет сделать вывод, что прокуратура осуществляла надзор за производством дознания органами полиции, надзор за производством предварительного следствия

судебными следователями (ст. 249, 253, 261 (3), 261 (4), 261 (6), 261 (9), 261 (10), 263, 278, 279, 280, 285, 286, 287, 296, 296 (1), 297, 311, 312, 314, 353, 511, 512, 513, 514, 518, 1315, 1341 УУС), участвовала в рассмотрении судами гражданских дел (ст. 8, 179, 199, 254, 343, 345, 347, 361, 672, 679, 680, 684, 1325, 1331–1336, 1345, 1450, 1451, 1457, 1460 (5), 1460 (10), 1460 (11), 1522, 1766 УГС), осуществляла надзор в местах лишения и ограничения свободы и, правда в ограниченных формах, так называемый общий надзор. Представители прокуратуры имелись в составе губернских присутствий по городским, воинским, фабричным, земским делам, которые представляли собой административные коллегиальные учреждения, состоявшие из руководителей различных губернских ведомств (насчитывалось до 30 таких присутствий, комитетов и комиссий).

При анализе Федерального закона о прокуратуре не рассмотрен Закон 1999 г., внесший значительные изменения в организацию деятельности прокуратуры России.

Критикуя нормы ст. 11 Конституции РФ, закрепляющей, что органы прокуратуры органами государственной власти не являются, авторы не осмеливаются сказать, что фактически существует еще одна ветвь власти – прокурорская власть, о чем свидетельствует название гл. 7 «Судебная власть и прокуратура», а юридическому ее закреплению препятствует усложненный порядок пересмотра гл. 1, 2 и 9 Конституции РФ (ст. 135 Конституции РФ).

Авторы считают, что у прокуратуры имеются лишь функции, указанные в ст. 1 Федерального закона о прокуратуре (с. 45), однако есть и иные направления деятельности, не нашедшие в нем отражения, но закрепленные в иных законах. Так, ст. 9 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» предписывается в срок до 1 сентября года, предшествующего году проведения плановых проверок, органам государственного контроля (надзора), органам муниципального контроля направлять проекты ежегодных планов проведения плановых проверок в органы прокуратуры, которые их рассматривают на предмет законности включения в них объектов государственного контроля (надзора), объектов муниципального контроля и вносят предложения руководителям органов государственного контроля (надзора), органов муниципального контроля о проведении совместных плановых проверок. Органы государственного контроля (надзора), органы муниципального контроля рассматривают предложения органов прокуратуры и по итогам их рассмотрения направляют в органы прокуратуры в срок до 1 ноября года, предшествующего году проведения плановых проверок, утвержденные ежегодные планы проведения плановых проверок. Органы прокуратуры в срок до 1 декабря года, предшествующего году проведения плановых проверок, обобщают поступившие от органов государственного контроля (надзора), органов муниципального контроля ежегодные планы проведения плановых проверок и направляют их в Генеральную прокуратуру РФ для формирования Генеральной прокуратурой РФ ежегодного сводного плана проведения плановых проверок, которая формирует ежегодный сводный план проведения плановых проверок и размещает его на официальном сайте Генеральной прокуратуры РФ в сети Интернет в срок до 31 декабря текущего календарного года.

На основании Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» в случае обнаружения в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам РФ или органам, осуществляющим государственную власть в РФ, Генеральный прокурор или его заместители обращаются в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, с требованием о принятии мер по удалению указанной информации и по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим указанную информацию, если такая информация не была удалена.

Согласно ст. 12 Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных

лиц их доходам» контроль за расходами лица, замещающего (занимающего) одну из должностей, указанных в законе, а также за расходами его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей может осуществляться Генеральным прокурором РФ и подчиненными ему прокурорами по решению Президента РФ, Председателя Правительства РФ либо должностного лица, определяемого Президентом РФ в порядке, предусмотренном законом и нормативными правовыми актами Президента РФ.

Генеральная прокуратура РФ является одним из субъектов защиты от действий организаций и физических лиц, посягающих на права и свободы граждан РФ в соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод гражданина Российской Федерации».

На основании ст. 6 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры принимают решение о приостановлении деятельности организации в связи с их обращением в суд с заявлением о привлечении организации к ответственности за экстремистскую деятельность.

Как видим, функции прокуратуры не исчерпываются перечнем, закрепленным в ст. 1 Федерального закона о прокуратуре.

К правовым принципам организации и деятельности прокуратуры авторы относят следующие: законность деятельности прокуратуры, единство органов прокуратуры, централизация деятельности органов прокуратуры, независимость органов прокуратуры, гласность деятельности органов прокуратуры, недопустимость вмешательства в деятельность органов прокуратуры, обязательность исполнения требований прокурора (с. 48–49). При этом не учитывается, что принципы организации и деятельности органов прокуратуры подразделяются на три группы: общие, специфические прокурорские и отраслевые. Наличие первой группы принципов связано с тем, что прокуратура представляет собой часть государственного аппарата, потому для ее организации и деятельности характерны наиболее общие принципы, определяющие организацию и деятельность государственного аппарата в целом. Однако каждой части государственного аппарата присущи свои особенности. Это относится и к прокуратуре, поскольку она выполняет специфическую надзорную функцию, что и обусловило наличие второй группы принципов, отражающих особенности организации и деятельности органов прокуратуры. Третью группу образуют специфические принципы того процесса, в котором прокурор принимает участие: принципы уголовного, гражданского, арбитражного, административного процессов. Некорректно выделять в качестве отдельных принципов недопустимость вмешательства в деятельность органов прокуратуры и обязательность исполнения требований прокурора. Они являются элементами принципа независимости прокуратуры.

Не соответствует закону следующий тезис: «Возглавляют прокуратуры субъектов РФ прокуроры, которые имеют первого заместителя и заместителей, назначаемых ими же на должность» (с. 65). В соответствии с п. «в» ст. 40.5 Федерального закона о прокуратуре Генеральный прокурор РФ назначает на должность и освобождает от должности заместителей прокуроров субъектов РФ, заместителей военных и других специализированных прокуроров, приравненных к прокурорам субъектов РФ, за исключением заместителей прокуроров, претендующих на замещение должности, по которой предусмотрено присвоение высших классных чинов прокурорских работников или воинских званий высших офицеров, либо замещающих такую должность.

При перечислении специализированных прокуратур авторы не указывают их правовое положение (с. 71–72). Так, вместе указываются прокуратура комплекса «Байконур» и прокуратура космодрома «Восточный», хотя первая из них имеет статус прокуратуры субъекта РФ, а вторая – прокуратуры района. При рассмотрении организации военной прокуратуры Ракетных войск стратегического назначения не учитывается наличие наряду с военными прокуратурами гарнизонов военных прокуратур ракетных армий, также обладающих правами прокуратур районов или городов.

Учет этих замечаний, а также углубленное рассмотрение отдельных направлений деятельности прокуратуры позволит поднять уровень учебного пособия до статуса учебника.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Редактор *О. Ю. Петрова*
Дизайн обложки *И. М. Митрофановой*
Компьютерная верстка *О. Ю. Петровой*

Подписано к использованию 17.01.24.
Уч.-изд. л. 10,34. Объем 2,27 МВ.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит